

Сергей
Минаев

Время героев: рассказы, эссе

Эти короткие истории – забавные и грустные, чаще вымышленные, но иногда происходившие на самом деле, написаны в разное время, с разным настроением и оттого более ценные для тех, кто любит читать книги Сергея Минаева, а также для тех, кто хочет вычислить формулу невероятного успеха.

Здесь собраны не только художественные рассказы, но публицистические статьи, написанные в ответ на происходившие в нашей с вами стране события, ведь Сергей Минаев считает себя скорее публицистом и журналистом, чем писателем.

Время героев
АСТ, Астрель, Харвест
Москва
2008
978-5-17-055493-5, 978-5-271-21603-9, 978-985-16-5868-4

Сергей Минаев
Время героев

Доброта

Леночку любил весь двор. В свои шесть лет она была милой, отзывчивой девочкой.

Она приносила молоко соседке тете Клавде, она искала вместе с плачущими хозяевами сбежавшего кокер-спаниеля. Потом она нашла его на помойке, мокрого и дрожащего от страха. Хозяева собаки подарили ей игрушку. Грустного веснушчатого клоуна.

Она строила в песочнице куличики с детьми одинокого дяди Юры с шестого этажа.

Она защищала их от злого бульдога с соседского двора. Она была очень доброй девочкой.

Она жила с мамой, милой женщиной 33 лет, работающей библиотекарем. Мама читала на ночь Леночке добрые сказки. А когда Леночка спрашивала, почему они живут без папы, милая мама рассказывала Леночке трогательную историю про то, что папа был летчиком-испытателем и разбился. С тех пор мама хранит ему верность и не выходит замуж. Леночка очень жалела маму. И папу.

По вторникам к маме приходил дядя Леша. Милый, добрый и обаятельный детский врач из поликлиники.

Он часто разговаривал с Леночкой и дарил ей всякие игрушки. Буратино, Птицу-синицу и Барби. Потом они вместе с мамой клали Леночку спать. Потом они долго еблись за стенкой. Мама закусывала простыню, чтобы криком не разбудить Леночку.

Однажды Леночка все равно услышала и тихо засмеялась в подушку. Потом так же тихо начала плакать. Дядя Леша ушел поздно. А мама села на кухне и долго смотрела в окно. И тоже плакала. Леночка вспотела и задрожала от страха, как тот кокер-спаниель. Леночка не понимала, почему добрый дядя Леша обижает маму.

В следующий вторник дядя Леша, в очередной раз придя к маме, подарил Леночке плюшевого Чебурашку. Лена улыбнулась, поблагодарила дядю Лешу и погладила Чебурашку по голове.

– Люда, – сказал он маме, – Леночка удивительно добрая девочка. Сколько я ее знаю и все равно удивляюсь ее безграничной доброте. Чудесный ребенок.

Леночка пошла в свою комнату и закрыла дверь.

– Интересно, кто знает, куда уходит доброта, когда мы становимся взрослыми? – сказал дядя Леша, косясь через плечо на Леночкину

дверь и похотливо поглаживая маму по заднице. – Дети так бесконечно добры... бесконечно добры...

* * *

Леночка закрыла дверь. Села с Чебурашкой на пол и отрезала ему уши ножницами. Потом намазала места срезов маминой помадой, имитируя кровь. Вытащив из шкафа грустного веснушчатого клоуна и оторвав ему ноги, она замазала помадой все его 133 веснушки. Так, что он стал похож на больного сыпным тифом. Потом она открыла дверь игрушечного домика, обмотала шею грустного клоуна веревкой и повесила его на маленькой виселице. Чебурашку с отрезанными ушами она положила в гробик, сделанный из коробки из-под сливочной помадки. Его она тоже засунула в домик.

Потом она взяла домик и убрала его в шкаф. Там уже болтались на перекладине – Барби без головы, подвешенная за ноги, проткнутая английской булавкой плюшевая Птица-синица и прожженное выжигательным аппаратом «Детство» тело Буратино. Леночка еще немного подумала и снова вытащила клоуна и Чебурашку из домика.

Она взяла синий фломастер и крупно написала на груди у клоуна – ДЯДЯ ЛЕША. А на груди у Чебурашки – МАМА.

Леночка закрыла дверь шкафа, улыбнулась, разделась и легла в кровать.

Она уже не дрожала от страха.

Вместе

Ждала.

Убрала квартиру, проверила уроки сына, уложила спать младшую дочь.

Пошла на кухню. Фарш провернула, котлетки аккуратненько так слепила, бросила на сковороду.

Суп поставила на плиту. Начала резать салат.

Да он мужик-то в принципе хороший. Ну пьет. Так все пьют. Зато деньги в дом носит. Баб на стороне тоже вроде нет.

А то, что с тещей ругается, так оно у всех так. Быт, как говорится. Ну устаканится, стерпится. Все через это прошли.

Во вторник, конечно, плохо было. Посуда битая. Ругань. Крики всякие. Уйду, говорил. На детей не посмотрю, уйду.

Ну а как? Мужик он видный. Слесарь не из последних. Зарплата сто восемьдесят пять. Плюс прогрессивка, премии разные.

Любая баба будет рада. Да и по дому все может.

«Пиздатая вещь, – промелькнуло в сознании Жоры, – не наебал барыга-дилер».

Действительно, экстази оказался правильным, перло так, что хватило бы на роту солдат.

Жора Соснин танцевал уже четвертый час почти без остановки. Лица окружающих сливались в одно большое цветное пятно. Пот лил градом, ощущения притупились, казалось, он сам – сплошной бит, который затихает лишь на секунду, чтобы потом опять взорваться мегатоннами энергии.

Начинался очередной приступ дикого сушняка, и Жора направился к бару, залить водой пульсирующие остатки сознания. Одинокая нимфетка, в чем-то обтягивающем и блестящем, на секунду притянула к себе его мутный взгляд.

– Хай бейба, ну чо, отдыхаем? – привычно начал диалог Жора. – Пообчатса есть желание?

– Ну если ты настаиваешь... – подняла на него голубые глаза дефка, – давай...

Через несколько секунд Жора, полуприжав дефку к стойке, ну дел ей про своих крутых родителей и побег от охраны, приставленной к нему папой, ради того чтобы хоть раз нормально тусануть в клубе, как «простые люди». Это была его обычная легенда для съема малолеток.

Еще через пять минут он начал травить о том, как он увидел ее глаза и его пробило на любовь и т. д.

Дефка, извинившись, с улыбкой проследовала в WC, пообещав скоро вернуться.

Жора, залпом допив воду, направился за ней. Войдя в туалет и увидев ее у зеркала, он навалился на нее всем телом и начал задирать ей майку. Дефка начала извиваться всем телом и пыталась расцарапать Жоре рожу, дико вопя.

Жора отстранился:

– Да ты чо, охуела??? Чо, ебнулась головой? Дефка вывернулась и начала истерично вопить:

– Идиот, ты идиот, вы все здесь идиоты!!! Вас интересует только тело. А любовь? Любовь? Ты знаешь такое слово? Ты знаешь, что такое любовь?!

Она расплакалась и выбежала из туалета.

Жора вышел на улицу.

– Вот дура-то... любовь, бя... идиотка малолетняя...

Он пошел вдоль по улице в надежде взять тачку и поехать домой. Любовь... идиотская дефка и ее слова не выходили у Жоры из головы.

* * *

– Молодой человек, подайте ради Христа... есть очень хочется. – На углу стоял дед в грязно-зеленом пальто и нелепой помятой шляпе. Он плакал и протягивал руку. – Молодой человек...

Жора обернулся и подошел к деду.

– Ну чо, старый? Все пропил? – Жора усмехнулся, вытащил купюру в сто долларов и помахал ею перед лицом деда. – Ну чо, хошь? Гы-гы-гы-ы. А вот хуй тебе! – Жора засунул другую руку в карман и кинул на землю пять рублей...

– Молодой человек, я не смогу поднять, я упаду... – снова заканючил дед. – Поднимите, пожалуйста...

– Ладно, живи, плесень... – Жора нагнулся за монетой.

В ту же секунду дед отточенным движением вогнал Жоре финку прямо в сердце.

Жора упал навзничь и только успел сказать:

– ...Любовь ...любовь, это... что...

– Стиляга херов! – Дед методично выгреб из карманов Жоры все деньги и пошел прочь.

Он дошел до дома, поднялся в квартиру, разделся и тщательно вымыл руки. Потом поцеловал на ночь внуков, положил им под подушку по два сникерса и вышел из комнаты. На кухне уселся на табурет, закурил папиросу.

– Любовь... любовь – это внуки, мил человек, – сказал он, глядя в окно.

Он докурил. Ловко раздавил окурок в пепельнице и пошел в свой кабинет. Сел за стол. Положил на проигрыватель старенькой «Ригонды» пластинку, откинулся в кресле и задумался.

«...Мой милый друг, часто слезы роняя...» – тихо пела «Ригонда» хриплым голосом Утесова.

– Любовь... любовь – это музыка наконец... – Дед вытащил из ящика стола старое фото в рамке. – Любовь... нет, наверное, все-таки любовь – это молодость, – резюмировал дед и подмигнул фотографии.

С фото на него смотрел молодой улыбающийся лейтенант СМЕРШ. Внизу была надпись: «Фронтовому другу Коле. 1-й Белорусский фронт. Люблю. Света».

Печенье

Как всегда, в воскресенье бабушка испекла целую гору печенья.

Золотистого, с хрустящей корочкой. Такого и в магазине не сыщешь при нынешнем дефиците.

Мама, папа, бабушка и дед сели за стол пить чай. Позвали и маленького Мишу.

Миша увидел печенье и от жадности взял сразу три. Запил сладким чаем. Взял еще.

Потом еще. Печенье было такое вкусное, что Мишка не мог остановиться. Мел и мел.

Аж скулы сводило. Остановился только тогда, когда увидел, что на тарелке осталась одна маленькая печенюшка.

Осмотрелся. В кухне повисла тишина. Отец взял сигареты и вышел. Дед отвернулся к окну. Мама только качала головой. Бабушка жевала корочку черного хлеба.

Миша втянул голову в плечи. На какое-то время ему стало не по себе.

Дед встал, взял Мишу за руку и повел в комнату. Там он долго рассказывал про войну, про то, как делили последний черствый хлеб с товарищами. Про то как трудно было, но все равно поколение честным выросло.

Потом Мишу долго грузили отец и мать. Миша уже не слышал. Только сидел и смотрел в стену невидящими глазами.

Потом зашла бабушка. Назвала Мишу жадным негодяем, который не умеет делиться с другими и вырастет черствым эгоистом. Кто такие эгоисты, Миша не знал. Но слова этого испугался и весь как-то сразу сжался в комок.

Всю неделю с Мишкой родители не разговаривали. А в следующее воскресенье даже не позвали за стол с печеньем. Отправили учить математику.

«Жадные... жадные злые люди, – подумал Мишка. – Чо им, печенья жалко? Зажали, да?»

Мишка рывком открыл дверь на кухню, подбежал к столу, влез на табуретку и спустил штаны. Повернулся к сидящим задом, чуть пригнулся и ловко насрал на край блюда с печеньем, как раз между мамой и бабушкой.

– Ну чо, довольны? Ешьте теперь сами ваше говняное печенье! Жадины сраные! – прокричал Мишка и гадко, как большие пацаны во дворе, заржал.

Потом Мишку долго секли ремнем. Дед и отец. Попеременно. Мать пила корвалол.

А бабушка стояла и поучала:

– Вот. Вот так. Правильно. И еще раза для ума. Давай дед, вреж ему! Козлу этому сидорову. Для ума. Чтоб знал, гад, как на людей срать!

Потом Мишка потерял сознание.

* * *

Прошло двадцать семь лет. Времена изменились. Печенья любого в магазинах стало как грязи.

Но каждое воскресенье из окон одной маленькой квартирki в Бирюлево слышно, как бандит Мишка Валет, сидя на кухне перед горой печенья, произносит следующий монолог:

– Ну чо, сука, жрать хош? Сматри, блядь, вкусное печенье, с начинкой, не то шта ты, пизда, по выходным шкварила.

– Мишенька, ну прекрати, ну пожалуйста, – шамкает бабка, – и так плохо мне!

– Не, бабка, я тебе это печенье даже на кладбище принесу. Попомнишь меня.

Через два часа экзекуция заканчивается. Мишка выбрасывает недоеденное печенье в окно и вразвалку идет к двери. Затем останавливается и проникновенно говорит:

– Во вторник пацаны хлеб привезут. Не сцы. Я не то, што вы в детстве, жмоты ебанные. Я человек! А не эгоист какой-нибудь!

Потом Мишка закрывает дверь. Запирает ее снаружи и уже из-за двери кричит:

– До воскресенья, бабанька! Поеду родаков навещу! Чайку попьем!

Васька

Этого щенка я купила на Птичке. Купила по случаю или, скорее, по настроению.

Грустно так было. А тут он. Хорошенький такой. Уши смешные. И потом я всегда хотела таксу. Назвала Васькой.

Щенок рос, стал прикольной, добродушной, вечно голодной собакой. Я просто души в нем не чаяла. Казалось, ближе этой собаки у меня никогда никого не было и не будет.

Я прощала ему все. Чрезмерную ебливость на улице, неумный жор, грязь в квартире.

Я даже разрешала ему иногда залезать ко мне на кровать.

Мы были очень счастливы вместе. Так прошло пять лет.

Потом появился Он. Тоже Васька. Странное совпадение. Вместе с ним появился запах мужского одеколona, бритвенные принадлежности и прочие мужские предметы.

Мы вместе гуляли с теперь уже нашей собакой.

Постепенно они подружились и, как подобает настоящим кобелям, стали вместе гулять, играть и даже смотреть телевизор. В конце концов мой такс стал приносить Ему тапочки, слушать только Его команды, брать еду только из Его рук.

Я стала для своей собаки чем-то вроде ненужного домашнего атрибута.

Через какое-то время и с Ним стали происходить странные метаморфозы.

Поздние приходы домой. Раздраженность. Долгие сидения на кухне с видео и виски.

Я ходила по дому одна, натываясь на предметы. Иногда встречаясь взглядом со своей собакой, которая надрывно жрала еду, положенную в миску Им. Собака жрала, время от времени поднимая морду, и как-то злобно сверкала глазами.

Потом я нашла причину Его метаморфоз. Это была хозяйка колли из соседнего дома. Они мило щебетали и, обнявшись, шли по парку.

Я недолго думала. В конце концов Он отнял у меня все, что у меня было. Любовь и Мою собаку.

Я попросила его забрать меня с работы. Моросил дождь. Васька еще с утра меня за руку тяпнул. Может, чувствовал что-то?

Встретились.

Заехали в кафе. Он заказал виски. Я – кофе.

Вышли.

Поехали.

Минут через двадцать попросила его остановиться, сославшись на головокружение.

В таких дозах клофелин бьет наверняка. Да и со временем я не ошиблась. Мединститут ведь за плечами.

Еще раз посмотрела на его профиль, откинутую на спинку кресла голову.

Поймала такси и доехала до дома.

Вошла. Разделась и села в прихожей без сил.

На меня грустно смотрел Васька, стоявший рядом с пустой миской. Смотрел голодными, сиротливыми глазами.

Завтра, родной. Нету сил. Просто нету сил. Потерпи.

Легла спать. В ноги прыгнул Васька. Как раньше.

Притянула его к себе. Обняла. И сладко заснула. Мы опять были очень счастливы.

До завтра.

* * *

Завтра взорвалось в семь пятнадцать утра. Голосом Дельфина из магнитолы:

Это твой щенок. Теперь он твой навсегда,

И ты не хочешь, но считаешь его дни и года.

И с каждым новым днем твоя любовь к нему растет.

Она станет огромной, когда он умрет!

Васька поднял голову на звук взявшейся словно из ниоткуда музыки. Тряхнул ушами. Вытер о подушку окровавленную морду. И методично продолжил грызть горло хозяйки.

Потом снова поднял голову.

Тявкнул.

Ничьи

...На рынке, возле метро «Речной вокзал», среди гвалта продавцов хурмы и разных других фруктов.

Собака передвигалась зигзагами, наклонив к земле голову, и тарасилась безумными от голода глазами на окружающих ее людей. Вдруг она резко развернулась всем телом и одним прыжком оказалась в центре небольшой площадки, окруженной со всех сторон палатками. В том месте, куда секунду назад упал недоеденный кем-то хот-дог. Она жадно схватила его и, не жуя, проглотила в один момент.

В тот же момент собаку подбросил в воздух удар ногой в брюхо, она отчаянно взвизгнула и опрометью бросилась бежать. Раздался свист. Собака заметалась, определяя направление выхода, и юркнула в просвет между палатками.

– Тварь какая, будет мне тут еще антисанитарию разводить да заразу приносить всякую! – крикнула молодая жирная торговка в заляпанном сером халате.

Раздался дружный гогот молодых азербайджанцев, кинувших хот-дог.

– Валынтина, эта твар третий за сегодня, скоро будим звезды тебе на палатке рисоват, как на самалетах за сбитого! Га-га-га-га-га! – заржал один из них.

Она докурила, бросила окурочок на землю и направилась к своему ларьку.

– Витьк, хорош филонить, ящики пустые иди забирай! – крикнула она еще раз, грузчику, который лузгал семечки, крикнула и чему-то улыбнулась.

Бомж Валерка неопределенного возраста сидел, прислонясь спиной к стене вестибюля метро и вытянув перед собой синюшные, все в кровоподтеках ноги, похожие на два куска рубероида. Он что-то ел, методично доставая какие-то куски из дырявых авосек. Подняв мутные

глаза, он увидел у забора напротив загнанную собаку, которая тяжело дышала и отрыгивала куски непрожеванной сосиски.

– На, возьми, что ль? – протянул он ей.

Собака обнюхала, взяла с опаской зубами, и, не сводя с Валерки глаз, стала жевать.

– Во, вишь как? – усмехнулся Валерка. – Без еды оно тяжко... На вот еще тут... Поправься...

Он неспеша собрал сумки и пошел по направлению к парку, заглядывая по пути в урны.

Начала падать с неба первая октябрьская крупа.

Валерка остановился, посмотрел на небо, поднял воротник куцего пальто и двинулся в глубь парка.

Собака семенила за ним.

* * *

Они прожили вместе еще три дня. Слоняясь по парку и добывая случайную пищу. А потом стало совсем холодно, и пошел настоящий снег.

Тяжело.

* * *

Вечером четвертого дня он добрал до палатки с надписью «Шаурма», постучался и потянул на себя дверь.

Его сразу обдало запахом мяса, лука и жирным обволакивающим теплом.

Он поставил на пол палатки объемистый целофановый пакет и сказал:

– Беслан, дай четвертачок, я тут товар принес.

Макс

Макс – породистый, достойный во всех отношениях пес.

Хотя иногда он ведет себя как настоящая свинья. Макс – подонок. Спровоцирует драку, поперекает всех и съебывается.

Макс – симулянт; если он случайно обгадил себе лапы, за что неминуемо от меня получит, начинает хромать и оглядываться, заметила ли хозяйка, как болят его несчастные, свежеебосранные ноги.

Макс бесконечно еблив и любит всех сук, независимо от возрастов и размеров.

Макс – подарок первого мужа.

Макс любит, когда я беру его на колени, но сам никогда не просится.

У Макса больной позвоночник. Больной позвоночник Макс не симулирует никогда, хотя на руках проебывать время ему нравится, он даже поскуливает. А может быть, он скулит от боли, но я стараюсь об этом не думать.

Макс – мужик. У него уже есть свои дети. Дети умные, красивые, хорошо воспитанные и даже, не побоюсь этого слова, гениальные, потому что у них самый лучший в мире отец.

Я достаточно сильно привязалась к нему за это время, и мне немного стыдно перед ним... но он стал предсказуем, и в этом его беда.

Все его фортели и финты ушами стали однообразны и скучны.

В общем, Макс мне надоел. Оставляю его тебе. Думаю, тебя он еще позабавит.

* * *

Иван Федорович снял с себя кожаную маску, отстегнул от стены цепь от ошейника, снял с себя ошейник, затем латексный костюм с пришитым на заднице хвостом, аккуратно сложил все это в дипломат. Плюнул в стоявшую перед ним миску с «Педигрипалом».

Затем надел рубашку, костюм, повязал галстук.

Еще раз перечитал записку Ольги, которую она прилепила к зеркалу в прихожей для своей подруги Наташки.

Взял Ольгину губную помаду и написал в конце ее записки: «ХУЙ ВАМ, А НЕ МАКС».

* * *

Вышел из подъезда. Подошел к таксофону. Позвонил сыну. Спросил, как у него с сессией. Услышал дежурное: «Хорошо».

Сказал, что вернулся из командировки. Скоро будет.

Сука. Пизда. Чего ей не хватало?

Денег? Прихотей? Все... все ведь отдавал...

А мне? Мне ведь так мало надо было.

Нет.

Надоел.

Скучно ей, видите ли... Не то. Наташке, блядь, написала. Твари этой убогой. Она в жизни книги не прочла. Тоже мне, хозяйка. Посредственность, бля.

Дошел по набережной до «Рэдиссон Славянской». Поднялся на мост.

Вода.

Глупость...

Вынул из кармана Ольгину фотографию.

Посмотрел.

Положил обратно.

Хватит.

* * *

– ...Тело немного разложилось. Но основные моменты присутствуют. Посмотрите, пожалуйста, – сказал очкастый, с таксообразным лицом, санитар.

Две женщины подошли к телу, накрытому простыней. Откинули простынь. Одновременно склонились над ним.

– Ваня... – с ужасом отпрянула та, что постарше.

– Макс?.. – недоумевающе сказала та, что моложе, обращаясь к санитару. – Зачем?.. Так ведь... так ведь очень сложно...

– А вы... Вы работали с ним? – спросила та, что постарше, в ужасе закрыв лицо руками.

– Нет. Я вообще не работаю. Я собак развожу, – ответила та, что моложе.

Она почесала нос, облизнула губы и, внимательно оглядев санитаря, спросила его: – А вы собак любите?..

С Новым годом

Москву охватила традиционная предновогодняя лихорадка. Толпы людей сновали, подобно муравьям, в панике покидающим развороченный муравейник.

Хаотично и практически бесцельно.

Стая беспризорных ребят, от 12 до 15 лет, взъерошенных и оборванных, сгрудилась в бесплатном туалете напротив метро «Краснопресненская» и что-то с жаром обсуждала.

– А чо тереть-то, – сказал самый рослый из них, по-видимому лидер. – Леха с Ганджиком поедут в трубу на Пушкин, мы с Гешкой – в переход на Театральную, ну а Малой с Вадькой пойдут к высотке на Новом Арбате. Там ща праздники детские уже начались, еще не «елки» но все равно заебись.

– А чо мы на холод-то пойдём? – попробовал возразить Вадим. – Чо, бля, другие как люди, а мы мерзни, што ли?

– Ты ща довыебываешься, – ответил жоак, – сказано пойдете, значит пойдете. Ты вон за клей еще должен, а Малой ваще всегда пустой, с копейками приходит. Да и не сцыте. Часа три постоите, перед Новым годом всегда ништяк подают.

Выслушав наставления, пацаны стали расходиться. Почти все в метро, а Вадик с Малым пешком пошли к зданию СЭВ Новом Арбате. Матеря погоду и главаря Миху.

Подавали и впрямь хорошо. Часа через два насобирали рублей 300, попеременно бегали греться в подземный переход, потому как

варежки были одни на двоих. Потом Малой задубел окончательно и побежал греться в аптеку. А Вадим остался. Люди в праздничном подпитии почти перестали появляться на улице. Лишь какая-то девчонка, кутаясь в воротник шубки, расхаживала по пандусу перед зданием. Понаблюдав за ней минут двадцать, Вадим поправил все время съезжавшую на глаза вязаную шапку и решительно подошел.

– Чо, не забрали с «елки»? – шмыгнув носом, нагло спросил Вадим. – Замерзла, небось?

Девчонка бесстрашно оглядела его и, хлопнув глазами с длиннющими ресницами, бросила:

– Ну да. Родаки чо-то задерживаются. А может, разминулись со мной. Домой, короче, пойду, устала я тут стоять, да и холодно.

Опьянев оттого, что его сразу не послали, как это обычно делали все девчонки, завидев молодого бомжонка, Вадим набрался смелости и предложил:

– А может, тебя проводить? Чо одна-то... это... поздно уже. Ты где живешь?

– Давай. Я тут, недалеко, рядом с метро «1905 года», может, знаешь? – без тени сомнения ответила она.

– Знаю, ясен пень... я ж местный... центральной. Ща коротким путем доведу, минут десять займет. – Не веря в то, что удача есть на свете, сказал Вадим. – Пошли, короче!

– А тебя как хоть зовут-то? – спросила девчонка, улыбнувшись.

– Вадимом.

– Здорово. А меня Ольгой. Ну, Олей в общем. Пошли, что ли?

Дорогой болтали о всяких разных вещах и вышли дворами к Макдональдсу, окруженному елками и с призывно горящими огнями.

– Пойдем, сожрем чо-нибудь? Так есть охота! – предложила Оля. – Ты как?

– Чо, внутрь? Ты чо, нафиг надо! Я ща метнусь, насобираю, тут знаешь, скока не дожирают? Чо деньги-то зря тратить?

– Насобираешь? – слегка отстранилась Ольга. – Давай лучше так. Ты же меня проводил почти? А мне предки 500 рублей дали, вот я тебя и угощу, давай?

– У меня у самого бабок до фига, – гордо отвернулся Вадим. – Не надо меня угощать. Сам могу тебя угостить.

– Да нет, ну что ты. Ну, ты меня проводил, а я тебя угощу. Все по-честному. Идет?

И, взяв за руку, Оля потащила его к входу.

Внутри набрали два подноса еды и сели в углу, у окна. Стали есть. Оля скинула шубку и осталась в ослепительном голубом платье, расшитом по случаю новогодней мишурой.

Вадим, первый раз сидевший в Макдональдсе, разомлел от еды, тепла, Ольгиного щебета и тупо пялился на ее платье. Такого он тоже ни разу не видел. Освоившись, он начал рассказывать ей свои боевые истории про то, как они с пацанами нюхали клей, воровали на рынках и убегали от ментов. Болтали долго, смеялись, Оля рассказывала про свою глупую учительницу. В общем, Вадим, наверное, впервые в жизни почувствовал то состояние, которое в умных книжках называется любовью.

– Интересно ты живешь. Столько приключений всяких. – Оля посмотрела на часы и встрепенулась. – Ой, родки уж разволновались, наверно. Пойдем?

– Пошли... – нехотя протянул Вадим.

Дошли до дома. Остановились перед подъездом.

– Ну, спасибо, что проводил, – сказала Оля. – Ты... это... давай завтра в пять приходи к подъезду, погуляем. Сможешь?

– Ну, у меня дела, в общем, были, ну ладно, приду, – пробурчал Вадим.

– Вот и здорово. До завтра. Пока.

– Постой! – Вадим подошел к ней, чмокнул в щеку и опрометью бросился бежать.

До подвала, где ночевали пацаны, он добежал очень быстро. Там все сидели и ели – кто что достал за день.

– Чо, охуел, так поздно? Бабки принес? – с ходу спросил Миха. – Где шлялся?

– Принес, не сцы, я вам ща такое расскажу, вы ахуете, – сказал Вадим.

Целый час Вадим рассказывал свою сегодняшнюю историю. Пацаны сидели с открытыми ртами. Даже есть перестали. Только изредка рассказ прерывался криками слушателей – «пиздишь!», «во блядь!» и ответами Вадима – «бля буду» и «не знаешь баб, не пизди».

Охуев от услышанного, ребята разбрелись спать на картонки. А Вадим еще долго ворочался, перебирая в памяти все моменты сегодняшнего вечера.

* * *

На следующий день Вадим стал собираться с двух часов дня. Ганджик дал ему норковую шапку, спизженную у пьяного. Леха дал свой синий свитер.

В половине пятого в телогрейке, зимних сапогах не по размеру и норковой шапке, Вадька выдвинулся на встречу.

Проходя перед обменным пунктом у метро «Улица 1905 года», Вадим увидел, как несколько малолеток кидают сосульками в

небольшой светящийся рекламный щит с Дедом Морозом и надписью «С Новым годом!».

– Нахуя кидаетесь? Ща разобьете, а люди делали, старались, Новый год ведь! – крикнул им Вадим.

Ребята убежали, а он, улыбнувшись, пошел дальше, и, свернув за угол, оказался во дворе Ольги.

Минут пятнадцать он ходил, пиная ботинками ледышки, и смотрел на светящиеся окна, пытаясь угадать, где ЕЕ окно. Сердце колотилось, и на душе было как-то по-особенному хорошо.

– Вадим? – окликнул его подошедший, дорого одетый мужик. – Ты Вадим?

– Ну?

Удар в нос сбил Вадима с ног. Он кувыркнулся и упал в сугроб.

– Если я тебя, блядугу, еще раз здесь увижу, пиздец тебе будет, оборванец! Секи поляну, не по Сеньке шапка! – сказал мужик и пошел к подъезду. Потом развернулся, подошел к Вадиму и бросил ему сторублевую купюру.

– На вот, водки себе на Новый год купишь, шпана!

Вадим поднялся, подобрал свою шапку и поплелся назад.

Проходя мимо того самого обменного пункта, он остановился, подобрал у палатки с хот-догами камень, подошел к рекламному щиту с Дедом Морозом и расхуячил его вдребезги.

* * *

Войдя в подвал, он с ходу подошел к картонной коробке из-под телевизора, заменявшей стол, и протянул Ганджику шапку.

– Держи. Спасибо за шапку. Тока она неудобно на башке сидит.

– Чо, телка обломила? – заржал Ганжик.

– Каво? Меня? Да не, хули с ней говорить, тупая она, да и ебать ее рано. Малолетка. Так, попиздил децл и ушел, – ответил Вадим.

– А нос чо распух? – спросил его Малой. – Ебнул кто?

– Да... это... ну...

– Ладно мужики, – веско сказал Миха. – Не хочет и не говорит. Завтра расскажет, если захочет. Вадька, клей будешь?

– Давай. – Вадим взял целофановый пакет и глубоко вдохнул. От сладковатых паров привычно повело.

– Ты вот што. От своих не отбивайся по жизни. Мы тока вместе сила, а по одному пиздец будет, – приобнял его Миха. – Не сцы, прорвемся.

– Я знаю, – тихо ответил Вадим. – Я знаю, Мих.

– С Новым годом, мужики! – крикнул Миха. – С Новым щастьем, бля! Заебись!

– С Новым годом! – загалдели все.

Вадим закрыл глаза и откинулся спиной к стене. Его волокло в сон.

А Ольга так и не заснула в ту ночь. Сидела на подоконнике, тихо всхлипывала и выводила пальцем на окне три слова:

«Вадим» и «Новый год».

Снежанна

Михаил Филиппович, как всегда в пятницу, отпросился с работы часа в три, отвез жену с дочкой на дачу, а сам, сославшись на важную встречу с коллегами по кафедре, отправился в Москву.

Конечно, встреча была блефом, как и все подобные истории, которые якобы происходили строго два раза в месяц, только в летний период.

Открыв окна немолодой, но ухоженной «шестерки» «Жигулей», Михаил Филиппович выставил руку, окунув ее в поток теплого июньского воздуха.

Миновав Химки, привычно перестроился в правый ряд и сбросил скорость.

Наступал долгожданный момент выбора и предвкушения, тот самый момент, который составляет истинную ценность покупки проститутки на горячем асфальте Ленинградского шоссе. Момент, от которого сводит скулы, появляется дрожь в низу живота и перманентная эрекция.

Придирчиво разглядывая товар, он миновал несколько «точек», как заправский профессионал, ничего не покупая ни на первых, ни тем более на последних.

Ближе к середине того участка шоссе, что ведет от Москвы к развязке на Шереметьево, он свернул с шоссе и заехал на площадку между несколькими заводскими зданиями.

Последовательно миновав традиционных «девочек по пятьдесят», просмотрев предложение «по сто», он выбрал нормативный стандарт за 200 рублей.

Не слишком много для кошелька и не слишком мало для плотских утех.

– Вы, я вижу, мушкетер, я вас прошу, там, чтоб без этих, всяких... ну сами понимаете. А то она у нас девочка молодая, недавно работает, – произнесла «мамка» стандартную для данной ситуации фразу.

– Угу, – привычно кивнул Михаил Филиппович, сунул «мамке» сто рублей за помощь в выборе и резво поехал с молодой хохлушкой, яркой блондинкой и обладательницей бюста третьего размера и

развитых плечей, что свидетельствовало о занятиях плаванием в детстве.

В машине почти не говорили. Только познакомились.

– Снежанна, – представилась девчонка.

Приехали. Резво прошли на кухню. Махнули по стопке и без особых разговоров ушли в спальню, дабы насладиться всей прелестью 15-минутного секса без любви, но с особенной, свойственной только донецким девочкам страстью.

Закончив это дешевое, но такое трогательное варьете, где все роли распределены заранее и актеры переигрывают даже МХАТовцев старой школы, прошли снова на кухню.

На кухне начался долгожданный разговор за жизнь, являющийся такой же неотъемлемой частью шоу, как пельмени, сваренные умелой девичьей рукой, выпивка на столе и пачка презервативов с мулаткой на упаковке.

– Ну, ты как сама-то, в смысле почему вот так живешь? Вроде девчонка молодая, интересная, не правильно ведь это, – начал диалог Михаил Филиппович, цепляя пельмень вилкой.

– А что говорить... – начала Снежанна, – парень погиб на учениях, а я замуж за него собиралась. На Украине работы нет, приехала в Москву, устроилась на фирму, там директор домогаться стал. Ушла. Встретила подругу с Донецка. Она вот посоветовала. Уже два месяца работаю. А жить-то надо? За квартиру заплати, ментам дай, мамке дай. Да еще домой отсылаю... двум младшеньким братьям и больной маме, – всплакнула Снежанна, опустив в пол глаза бляди с двухлетним стажем.

– Бедная ты моя... а я-то ведь тебе в отцы гожусь, – придвинулся ближе Филиппыч и обхватил голову руками. – Что за жизнь-то у нас сучья такая стала! – вскрикнул он, и его плечи непроизвольно задергались. – Ты прости меня, дочка, не серчай, я вот тебе еще и денег дам, и фруктов всяких...

Снежанна поняла, что клиент, скорее всего, трахать ее больше не будет, и, обольстившись перспективой спокойной ночи, дополнительных бонусов и скорого отъезда домой, размазала афишной слезой тушь на лице и заголосила:

– А раз в месяц субботник, менты имеют во все щели, да еще и резиновые дубинки засовывают, да часто бандюганы приезжают, насилуют да бьют по-всякому. А тут еще взяли меня на той неделе двое да отвезли в часть военную. А там дембеля, человек двадцать хором, болела потом долго, а еще они об меня сигареты тушили. – Она резко отвернула рукав и продемонстрировала легкие рубцы на плече. – Живу как в тюрьме. Иногда жрать нечего, а у меня еще мама

туберкулезом больна... Плохо совсем... Вы это... вы мне денег на машину домой дадите? – подняла заплаканное лицо Снежанна.

– Да что ж это такое! Да конечно, милая моя, страдальца. Молодая какая, а жизнь так бьет! Разве ж так должно быть-то? Да что ж ты мучаешься-то так! Помогу я тебе, девочка моя! – Филипыч зашел ей за спину, открыл ящик и начал что-то доставать оттуда.

«Денег даст», – пронеслось в голове Снежанны.

В тот же момент Владимир Филиппович накинул ей на шею гитарную струну и резко затянул.

Снежанна захрипела, вывалила язык и безжизненно свесила голову.

– Вот и все, милая моя. Вот и отмучилась. Чем так жить, лучше уж и... ну, в общем, сама понимаешь.

Ему сразу стало особенно легко и хорошо от осознания факта сделанного доброго дела. От осознания еще одной выполненной миссии по разрешению проблем, преследующих юных девушек. Притом преследующих совершенно незаслуженно.

Он выпил еще сто грамм, подтянул съехавшую резинку спортивных штанов и живенько набрал номер телефона:

– Колян? Футбол смотришь? Ну чо, как там наши спартачи, давят уже?

День Победы

Колька Ершов шел с праздничной демонстрации, посвященной Дню Победы. Погода выдалась отличная, по улицам ходили веселые дети, нарядные троллейбусы и красивые бабы. Солнце заставляло щурить глаза и кривить ебальник, отчего на душе было особенно радостно, и голова была наполнена такой приятной пустотой безделья и отсутствия мыслительного процесса. В общем, праздник на то и есть праздник, чтобы было хорошо.

Но при всей этой идиллии празднующимся Кольку назвать было нельзя, ибо шел он по делу. Навестить приболевшего друга Витьку Сухарева, узнать, как дела, поделиться новостями и планами на вечер.

Колька нес две бутылки водки, две банки сайры и хорошее настроение.

Дойдя до дома Витьки, он остановился перед подъездом и переложил водку из пакета во внутренние карманы пиджака, страхуясь от Витькиной мегеры-жены, которая проводит антиалкогольную кампанию в пределах отдельно взятой квартиры, а попросту ебет мозг и не дает людям отдыхать после работы.

Колька поднялся на этаж и позвонил. После третьего звонка дверь открыл слегка взлохмаченный Витька.

– Здарова, больной! Профсоюз направил меня к тебе, товарищ, чтобы поздравить от лица коллектива с Днем Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

– Здарова, Колян, заходи, – сказал Витька.

Колян похлопал себя по карманам пиджака и скосил глаза в сторону кухни, как бы задавая вопрос: чо жена? Водку доставать, или как? Витька махнул рукой, что означало: нормально, сегодня можно.

– С праздничком вас, Мария Сергевна! – крикнул Колька в коридоре, снимая ботинки. Затем достал водку из карманов и вопросительно посмотрел на друга.

– Пошли, Колян, на кухню, выпьем, закусим. Моя там приготовила кой-чего.

На кухне уже сидела Машка, Витькина жена.

– Здрасссссте, – протяжно поздоровался Колян и, оценивающе поглядев на Машку, сел за стол.

Витька положил другу на тарелку картошку, брякнул туда же селедку и придвинул блюдо с хлебом. Колька начал разливать водку.

– Машке налить? – усмехнулся он.

– Не, не пьет она сегодня. В завязке! – заржал Витек.

Выпили по первой. Завели неспешный мужской разговор. Обсудили демонстрацию, заводские дела, мастера Егорова, суку, который нормы завывает. Потом перешли к началу чемпионата по футболу и неказистой игре «Спартак».

Выпили бутылку. Колька вспомнил, что надо друга и про здоровье спросить, а то неудобняк получается.

– А ты чо, Вить, приболел-то? Чо случилось?

– Да хуй знает, в цеху, наверно, продуло, позавчера пришел, водки ебнул и спать. А с утра голову не могу с подушки поднять. Моя кричит: опять, типа, похмелюга? А мне горло ножами режет.

– Врача вызывал?

– Ну да, пришла Макарова, участковая, сказала, типа, ангина или грипп, хуй его знает, таблеток каких-то выписала.

– Ну а сегодня как?

– Да вроде ничо. Першит слегонца, а так вроде с утра нормал. Жить можно.

– Я, Вить, к чему это говорю, сегодня в ДК концерт, да и салют вечером. Нет желания посмотреть?

– А хули? Давай сходим. А чо, билеты надо брать на концерт?

– Ну типа. Надо пораньше выйти, а то там народу щас будет до ебеной матери.

– Пошли тогда, хуль сидеть? Водку там допьем.

– Пошли.

Друзья прошли в коридор, оделись и вышли из квартиры.

– До свиданья! – крикнул уже из-за двери воспитанный Колян. – Кстати, Вить, а чо ты с Машкой-то... ну это?

– Да ну ее нахуй! Сегодня раму чинил, которая от воды разбухла. Стою на подоконнике, а эта пизда как заорет: урод, сойди в ботинках с подоконника, следы грязные, типа, оставляешь! Я чуть в окно не ебнулся. Так она меня разозлила в тот момент, что пиздец. Ну я не сдержался, с подоконника спрыгнул и кааак ебанул ей стамеской в спину. Аккурат в сердце попал.

– Во бля!!!

– Ну вот, она и ебнулась. Я ее поднял и посадил на табуретку, чтоб, значит, к стене прислонить.

– Ну и правильно, гы-гы-гыг, хули ее в ванну, што ли, нести? Или в спальню? – заржал Колян.

– Да ну ее нахуй, Коль, заебала! То не так, это не эдак. В пизду. Четвертый год уж воюем. Сил нет.

– Отвоевался, значит! – снова заржал Колян.

– Ну типа того.

– Ну, с Днем Победы тебя значитса, раз такое дело. Ставишь!

– А хули, Коль, поставлю!

– Ну чо, в клуб?

– В клуб!

«Этот День Победы порохом пропах...» – затянули друзья, спускаясь по лестнице.

Таня

«...Здравствуйте, товарищи! Завтра вся наша страна, весь Советский Союз, отметит Первомай. По случаю грядущего праздника, сегодня на площади и улицы городов, сел и деревень выйдут миллионы трудящихся, чтобы провести общесоюзный субботник.

Столица нашей Родины – город-герой Москва, готовится к празднику, ударным трудом приближая день мира и труда. Работники фабрики "Свобода" взяли на себя повышенные...»

Татьяна любила просыпаться под звуки радио. Голос диктора сразу наполнял ее бодростью и необыкновенно радостным зарядом. Именно в этот момент Таня чувствовала, что ее ритм сливается с ритмом всей страны, что миллионы простых советских девушек так же, как и она, просыпаются и начинают готовиться к новому трудовому дню. В

Москве, Ленинграде, Киеве, Минске. Страна встречает новый день. И Таня встречает его вместе с ней. Наверное, это и называется «национальным единением в общем эмоциональном порыве». Татьяна не знала таких слов и определений. У нее просто было в этот момент особенно хорошо на душе. И поэтому она всегда улыбалась по утрам. Той открытой русской улыбкой, которую в 1945 году увидела вся Европа, весь мир. Улыбкой без фальши и подлога, по-настоящему приветливой и жизнеутверждающей.

Коммунальная квартира тем временем начала входить в ритм рабочего дня. На кухне уже сидел за своим необычайно крепким чаем дядя Коля Нестеров, фронтовик, потерявший руку на Курской дуге, а теперь работающий в домоуправлении.

Его жена, тетя Маша, готовила бутерброды. У плиты возилась жена инженера Львова, Анна Владимировна. Сам инженер брился в ванной. Семью Львовых Таня, как и остальные жители квартиры, недолюбливала за то, что они держатся особняком, а их сын, Тимофей, приводит домой компанию своих друзей-эмгэушни-ков. Они подозрительно громко музыку у себя заводят, так что не слышно у них, кроме музыки, ничего.

Дядя Коля частенько делал Тимофею замечания, но тот всегда отшучивался и говорил, что пишет курсовик по истории музыки. В общем, семья Львовых была неправильной. Говнюки, одним словом.

Таня подождала, пока Львов-старший освободит ванну, и, наскоро умывшись, пришла на кухню. Львовы, как всегда, ушли завтракать к себе в комнату. В этом проявлялось их презрение к остальным обитателям квартиры. Ну и что с того? Зато теперь можно запросто поболтать с дядей Колей и тетей Машей за чайком.

– Ну что, Татьяна, на фабрику собираешься? – спросил дядя Коля.

– Не-а, у нас в детском саду субботник сегодня. Будем там порядок наводить.

– Подшефный что ли?

– Ага. Окна там помыть, стены покрасить.

– Дело. А завтра с утра с подругами на демонстрацию, значит?

– Ну да, сначала на фабрику, за плакатами, потом на демонстрацию.

– Плакаты-то сами рисовали?

– Ну да, – ответила Таня, глотнув чая, – сами, конечно, очень красивые получились. Завтра, дядя Коля, сами все увидите.

– Ну в добрый путь, посмотрим завтра на ваши плакаты, – сказал Нестеров и по-отцовски похлопал Татьяну по плечу своей единственной рукой.

Чай допивали под обсуждение последних домоуправленческих новостей и рассказ тети Маши о том, что в селе у сестры в этом июне

дочка замуж выходит, а за нарядами для нее сестра с мужем приедут в Москву аккурат после майских.

– Да и тебе, Танька, замуж пора, – с ходу продолжила тетя Маша, – 25 лет девке, неужто на фабрике хороших парней нет? Мы вон с Колькой...

Татьяна не дала ей договорить и встала из-за стола:

– Вечером, тетя Маш, пойду я в комнату. Собираться.

Таня переделалась у себя в комнатухе и выбежала в коридор. Надела легкий плащ и вышла на лестничную клетку.

– Танька, бутерброды возьми с собой!

– Спасибо, тетя Маш, нас на субботнике покормят! – уже сбегая по лестнице, крикнула Таня.

* * *

В детском саду уже собрались коллеги по работе. Девчонки сидели на лавочке и обсуждали готовящийся поход на день рождения к Кате Савостьяновой из 4-го цеха, мужики стояли вокруг начальника цеха Петра Васильевича Артюхова и деловито покуривали.

– А я думаю, что ЦДКА без вопросов «динамовцев» вынесет. Никакая защита лейтенантов не остановит, – неспешно говорил Витька Дорохов, формовщик и игрок сборной фабрики по футболу.

– Здоров ты, Витька, рассуждать, это тебе не с «Лучом» на первенство профсоюзов тягать: Ванька заболел – и вратаря не найти. Тут люди спортом на союзном уровне занимаются. Тяжело будет армейцам. Дай бог в ничейку сгонять, – доказывал Витьке Артюхов и энергично рубил ладонью воздух.

Завидев Татьяну, он запнулся и, посмотрев на нее, сказал:

– Танька, уже три минуты как все собрались, тебя ждем, ты нам субботник срываешь, значитса.

– Я, Петр Василич, не срываю, я просто... – начала было оправдываться Таня.

– Ладно, ладно, – весело прищурился Артюхов. – Небось, опять ночью книги читала, – сказал он и лукаво подмигнул девчонкам. Те громко расхохотались.

– Значитса так. Мужики с носилками и граблями за мной во двор, а девчата в помещение. Окна помыть, стены, а кое-где и подкрасить. Сами распределите, кто где, а Татьяна Тяжлова как передовичка и комсомолка мне объект сдаст. Если что где будет плохо вымыто или подкрашено, сама как опоздавшая все переделает до ночи. Потому как в понедельник детишки придут, а нам как шефам в грязь лицом ударить нельзя. Дело серьезное. – Артюхов закончил и с деловым видом поднял вверх правую руку с выставленным указательным пальцем.

* * *

Работали споро. За четыре часа, с отвлечением на легкий перекус, вымыли все окна и подновили краску на первом этаже. Перешли на второй. Татьяна с мастерком наперевес и ведром краски в руке обходила детские спальни и смотрела, где еще нужно подновить стены. В углу одной из спален Таня заметила, что краска совсем облупилась. Она попыталась замазать угол своим мастерком, но получилось неаккуратно.

Таня вышла из спальни, взяла в коридоре мастерок с короткой рукояткой и залезла на стул, чтобы покрасить все как можно ровнее. Опустив глаза, она увидела, что ее короткие кирзовые сапоги в брызгах краски, и стул через минуту работы тоже станет весь грязный.

Она снова вышла в коридор, дошла до пачки старых газет, вытащила одну и постелила на стул.

«Так гораздо лучше. А то что я как лошадь в стойле. Тут дети, а я грязь развожу», – подумала Таня и увлеченно начала красить стену.

Мыслями Таня была уже на завтрашней демонстрации. Представляла себе море народа на улицах, веселый смех подружек, последующую прогулку в Сокольниках.

Из размышлений Таню выдернул голос Артюхова, пришедшего проверять работу девушек.

– Таня, – начал он необычно тихим голосом, – ты головой думаешь, когда на стул забираешься? Ты на чем стоишь?

– На газете, Петр Василич!

– На газете? Ебенать, на газете она стоит! А на этой самой газете кто отпечатан?!

Таня опустила глаза. Она стояла прямо на передовице «Правды» с портретом товарища Сталина и его обращением к трудящимся.

– Ой!..

– В жопе гной, дура итиеемать! А ну слась быстро! Ты понимаешь, что ты щас наделала?!

Таня спрыгнула со стула, подняла газету и стала лихорадочно тряхать лицо вождя, но предательский след сапога с его лица не хотел исчезать. – Что ж делать-то теперь, Петр Василич, что ж делать-то, я ж не думала, я ж не хотела...

– Давай сюда газету, дура! Бери новую и продолжай. А эту я заберу от греха. – Артюхов взял из ее рук «Правду», сложил и убрал во внутренний карман пиджака.

– Чо стоишь, как столб? Бери новую, да продолжай красить. Только смотри, чтоб без портрета, а то на Трумана встанешь, так мировой скандал будет. – Артюхов направился к двери, у порога обернулся и сказал оторопевшей Тане: – Дура ты, Тяжлова, ой дура, тудыть твою... – Он улыбнулся и вышел.

До окончания субботника Таня работала как с мешком на плечах. Вот если бы не Артюхов, думала она, точно бы конец мне. Это ж надо, на портрет Сталина встать! Воистину дура.

Таня как под наркозом докрасила стену, спустилась вниз и села на скамейку. Субботник закончился, и Артюхов давал указания по поводу завтрашней демонстрации. Что он говорил, она не слышала, потому как была оглушена своими мыслями. Увидев, что все начали расходиться, она тоже встала и пошла.

Всю дорогу до дома, в автобусе, она размышляла о том, как в понедельник придет к Артюхову и скажет ему слова благодарности.

– Вот золотой человек. Как отец родной. Другой бы на его месте... а он!

Подъехав к своей остановке, Таня уже почти успокоилась и, выйдя из автобуса, решила зайти в магазин. Не спеша она направилась во двор, чтобы взять дома деньги.

Во дворе пацаны облепили какую-то красивую черную машину, и приставали к водителю с вопросами. Водитель что-то устало вещал им про войну.

Когда Таня поравнялась с ними, из машины вышел молодой человек в сером костюме и направился к ней.

– Гражданка Тяжлова?

– Да...

– Вам необходимо с нами проехать.

– Куда? Зачем?

– Вам все объяснят в машине.

* * *

– А теперь, Татьяна Игоревна, расскажите нам, каким образом вы оказались в шпионской группе, которую возглавлял Родионов. Чем вы там занимались и что должны были делать во время демонстрации.

– Я никакого Родионова не знаю. Я с субботника шла, я в магазин успеть хотела.

– Блядь, да хули тут с этой курвой разговаривать?! Что вы с ней сопли разводите?! Не знает она! Как готовить покушение на товарища Сталина, это она знает, а инженера Родионова со своей фабрики не знает. Говори, сука, а то вместо лагерей под расстрел пойдешь! – заорал на нее майор и наотмашь ударил по лицу тыльной стороной руки.

Следователей было двое. Один седой, в сером костюме и со значком на лацкане пиджака, а второй – молодой парень в форме с майорскими погонами.

Сначала ее допрашивал майор. Целый час. И все время бил по лицу. Танины губы распухли, а правый глаз заплыл и ничего не видел.

Потом в кабинет зашел второй, в сером костюме и тоже стал задавать ей вопросы, но уже не бил.

– Ты, Вань, уймись, уймись. Девка, вишь, уже от страха съежилась. Может, она и впрямь не виновная, а так, по ошибке.

– Я, Михал Борисыч, вам точно говорю, она, сука, шпионка. Все хитро законспирированно, все, блядь, спрятано, а внутри гнильца. Не думала она, что на такой мелочи проколется! Вот газета-то! – с этими словами майор показал ей «Правду» со следом сапога на портрете Сталина. – Она, тварь, не просто на портрет вождя встала. Она, сука ебаная, с подтекстом, так сказать, встала, под портретом-то речь товарища Сталина, посвященная окончанию войны с немецко-фашистскими захватчиками. Вот ведь, блядь какая, она, значит, на нашу кровь, на нашу войну своими вонючими сапогами встала! Думала, не увидит никто. Говори, сука! Всех своих гаденышей нам покажи, а то тебе расстрел подарком покажется. Еще запоешь у меня!

– Ваня, дай мне минут несколько. Я с ней с глазу на глаз поговорю. Выйди.

– Ну как хотите, Михал Борисыч. Скажи спасибо, сука. Я б тебя прям здесь кончил, – сказал майор и вышел из кабинета.

Пожилой следователь налил Тане чаю, дал платок утереться и начал разговор.

– Вляпалась ты, Татьяна, по самое некуда. Я, конечно, не верю в то, что ты шпионка, происхождение у тебя наше, советское, характеристику на тебя дали хорошую. В передовичках ходишь. Только вот на портрет вождя вставать ногами – это, девка никуда не годится. Это дело уже политическое. Ты ж понимаешь, Таня, мы тут не в бирюльки играем. Мы тут шпионов ловим и страну на последнем рубеже охраняем от врагов. Как внешних, так и внутренних. Ну, что скажешь?

Татьяна выпила чаю и немного успокоилась. Следователь этот, сразу видно, был мужик хороший, и Тане как-то сразу стало легко, стало ясно, что он-то уж точно во всем разберется, и все в ее, Таниной, жизни снова будет нормально.

– Я на стул сапогами залезла, стену подкрасить. А обшивка пачкаться стала, так я первую попавшуюся газету и схватила, не посмотрев, – всхлипывая, начала Таня.

Она говорила долго. О заводе, о том, что она передовичка, о кружке литературы, о секции плавания, в которую недавно записалась, о хороших соседях по коммуналке (только Львовы говнюки), о всех своих радостях и тяготах.

Через какое-то время следователь остановил Татьяну и начал говорить сам.

– Видно мне, Таня, что ты ошиблась по молодости своей. Сделала неподумавши. Но на то мы здесь и сидим, чтобы во всем разобраться. Ты понимаешь, какое нынче время тяжелое? Страна после войны, кругом еще много недобитых врагов, которые крепко мешают нам наше дело делать. Молодежь, а ты вместе с ней, должна трудом своим показать миру, что СССР – великая страна. Мы это уже на фронте показали. А теперь трудом должны. Ты ж, Таня, обязана примером быть! В труде первая, а вот по политике недотягиваешь. На тебя должны люди равняться как на молодую смену. Ты плакатом должна быть, а ты на газеты встаешь, не подумавши.

– Я, ой, я готова... – запинаясь и всхлипывая, затораторила Таня, – я и в труде, и в бою, и по политике готова. Я вот в прошлом месяце план... это, я и в партию вот готовлюсь, и плакатом буду.

– Плакатом, говоришь? – улыбнулся следователь. – Ладно, Таня. Вижу я, что разговор у нас получился. Крепко так получился. Иди и помни мои слова. Будь примером и плакатом для окружающих. – Он что-то записал в блокноте и закрыл его.

* * *

Первомайское утро уже играло ярким солнцем в окнах домов. Всю улицу Горького загрохотала масса людей, нарядно одетых, с плакатами и транспарантами в руках.

Дядя Коля и тетя Маша стояли у метро «Маяковская» и жадно ели толпу глазами.

– Где ж Танька-то, ее фабрика прошла уже иль нет?

– Да погоди ты, Машка, смотри внимательней!

Мимо них проплывали волны народа. Двигались таблички. «Кировский район», «Фрунзенский район», «Краснопресненский район». Люди несли плакаты: «Фабрика Большевичка – Сверхплана к Первомаю», «Завод Серп и Молот – навстречу Первомаю».

Вдруг над улицей показался большой воздушный шар. К нему был привязан транспарант с профилем Сталина и надписью «Сталин – наш вождь и наставник». К концу троса, крепящего шар, в виде грузила, было привязано тело Татьяны Тяжловой, с уже посиневшим лицом. На груди у Татьяны был плакат – «Фабрика “Свобода” – помнит заветы товарища Сталина». Чуть ниже было написано «Мир. Труд. Май».

– Вот это Танюшка! – вымолвила тетя Маша.

– Я всегда знал, что она толковая девка, – ответил ей дядя Коля. – А ты говоришь, прошли, прошли. Смотреть надо лучше.

В толпе у метро, некоторые люди также увидели шар с привязанным к нему Таниным телом. Они стали одобрительно указывать на него пальцами, улыбаться.

Кое-кто заплодировал.

Должно быть, это были Танины соседи по двору или сослуживцы, не попавшие в колонну.

Война

Ночью, конечно, полегче. И света мало, и есть где утаиться. Да и спать ему хочется. А кому не хочется? Часа два урвал, и порядок. Он, немец, тож не дурак. Днем оно, конечно, понятно, чуть голову высунул – и каюк, натурально. Стрельнет, и мозги в разные стороны. А ночью – дело другое. Ночь к стрельбе не сподручна. Но ночь она еще когда настанет! Дожить бы до нее, до ночи-то...

Но стреляет он – мама не горюй. Научили же. Хотя, когда нас на фронт призвали, политрук говорил, что масса немецких солдат из рабочего класса. Стало быть, не с руки она ему, война-то. Против своей воли вроде как пошел. И в своих же рабочего класса людей он стрелять не будет, и, натурально, в скорости наша победа придет. Только где она, победа? Курск сдали, Ржев сдали, бомбежки одни да артобстрелы. И непонятно, откуда он тут взялся-то? А с другой стороны, он тоже, небось, сидит да думает, а откуда я взялся? А я так разумею, что артобстрелом и наших, и его накрыло. Он, наверное, в разведроту служит, вот они и всплыли, аккурат возле наших позиций. Только снаряд он же дурак. Ни своих ни чужих не различает.

Вот и сидим мы, ни мне, ни ему не уйти. Кто первый деру даст, зараз пропадет. Дела...

А Кольку жалко, конечно. Про сеструху свою он вчера так смешно рассказывал. Она у меня, говорит, рыжая да до ебли ловка. Хе-хе-хе. Где он теперь, Колька-то? Лежит, милый, навзничь. И повоевать толком не успел. Жалко, молодой парень. Война...

А пить охота, сил нет. Пить. Ползти. Надо ползти за водой. Всяко помирать. Уж лучше от пули фрица, чем от жажды. Всяко помирать-то...

Метров пять еще. Ну десять там. Слава богу, лужа ко мне ближе. Воистину, Бог православных любит.

Метр еще, там котелком черпану.

Сука, блядь, вот сука! Вроде кость не задета. Ну ни-чо, ничо, отползу, там перетяну рану. Падла, ебана-рот. Головы не поднять. И откуда у него патронов столько? Хотя понятно, его люди мертвые лежат, вот он патронами и разживается. Умеет стрелять, гнида. Ну хоть краем котелка черпанул, до вечера дотяну. А там он поползет. Всяко, не железный. Авось и подставится. Дай время, я тебе должок в

девять грамм верну. И сколько в человеке крови? Вроде затянул, а она все каплет, юшка-то. Дела...

* * *

Неделю, почитай сидим. Ну, я его позавчерашний день задел, он ажно вскрикнул. В ногу попал, видать. Может, под коленку? Дай-то Бог. Дай-то Бог.

Ну, теперь ночь спокойная. Теперь уж не подползет, гнида фашистская. До рассвета дотянем, а там, может, и каюк ему настанет. А рассветы красивые стали. Или просто я раньше не замечал? В деревне-то, бывало, встанешь ни свет ни заря, в свинарник зайдешь, потом закрутишься, в правление сходишь, туда-сюда. И рассвета толком не видел. Только пацаном когда, да и то не понимал. Красивый рассвет. Ну что, будет день, будет пища. Воды-то набрал да вот жрать охота. Живот сводит. Без жратвы оно никуда, знамо дело.

Чой-то он? Ебанулся? Простынь на палке. Сдается, что ль? А под простынью? Чой-то он там налепил?

– Хенде хох! Гитлер капут, нахуй! Руки в гору, выходи сдаваться!

– Найн, найн! Фото. Фото, муттер, фото, камараде!

Палку мне кинул. Вот мудак-то. Муттер? На палке фотография бабы какой-то. И какой я ему камараде? Друг, что ли, значит? Да таких друзей за хуй – и в музей. Что за баба на карточке? Может мать его? Точно, мать. В годах баба. Это чой-то он? И не прячется обратно? Дружить, что ли, предлагает?

А что если ему карточку Зинки кинуть? На палку нацеплю только. Вот, лови там!!!

Ишь щерится. Вертит карточку-то, стерва. Гы-гы. Чо?

Фрау? Жена, значит? Да нет, не жена пока. А почитай вроде и жена. Вот вас прогоним да и обженюсь. А что? Она баба видная, расторопная.

Чо, гришь? Вассер? Пить? Пить охота, факт. Пошли, камарад?

Ишь, не отпускает автомат-то. Не доверяет, значит. Я те тоже не доверяю. Да не дергайся, дура, ха-ха-ха-ха! Нихт шизн, натурально.

Щерится. А улыбка у него добрая. Да и ровесники по виду...

* * *

– Да не могу я так, ебицкая вошь! На, бери ты эту гармошку и играй сам, а я что-то так враз не могу. Дуешь, дуешь и не выходит ни хрена. Я лучше так спою, без этой мандулы твоей.

Ой, то не вечер, то не ве-е-е-е-чер, мне-е-е малым мало спалось. Нравится? То-то и оно. Это тебе не майн либер Августин твой. Да шучу, шучу я, не обижайся. А водка у вас ничего. Мягкая такая. Шнапс? Ну, может, по-вашему и шнапс, а по-нашему водка.

Махры хочешь? Сигареттен? Ну вроде как и сигареттен. Только нам чой-то сигареттен не выдавали. Россия ниht сигареттен. Вот махра в самый раз. Смешно ему. Смейся, смейся. Да ты попробуй, враз свои сигареттен выкинешь. Да не так, не так. Давай скручу. Вот. На, тяни.

Ха-ха-ха-а, закашлялся? Проняло. Кури, кури, милок.

Дас регген? Это чо? А... дождь. Ну да, поползли в блиндаж в тот, укроемся, что мокнуть-то, ажно скоту?

Ну вот, все посуше будет. Слушай, когда ж это закончится, а? И зачем вы сюда пришли? Ну, договорились бы, Гитлер там твой с нашим товарищем Сталиным. Вот сейчас бы написал твой Гитлер товарищу Сталину. Извини, мол. Ну, бес попутал. Враз войска отзываю. Товарищ Сталин он добрый, он бы его простил. И зажили бы как перед войной. Что капут? Сталин капут? Москау капут? Это ты, значит, брось. Я у тебя в Берлине еще нассу перед дверью. Берлин капут!!! Что значит ниht Берлин? А где? Ну в Мюнхене твоём, значит. Но всяко там будем. Месяц-другой пройдет – и войне конец. Товарищ Молотов так сказал по радио. А он зря не скажет. Вы, значит, вероломно, без объявления войны наступили, а мы вам враз охоту отобьем.

Да ладно, чой-то я, спьяну, видать... Давай спать, завтра будет день, будет пища. На вот плащ-палатку, чтоб не на земле, в шинелишке твоей. Ага. Спи давай...

* * *

– А сколько у нас еще тушенки осталось? Цвай? С хуя ли цвай-то? Я вроде как (драй, фирф... бля!) я вроде как нойн видел. Вот по пальцам считай. Ага. И где? Что зонне? Чо ты кажешь-то? На солнце вздулась? И ты ее выкинул? Ну ты пиздец, камарад. Во. Ага. Я бы ее съел. Чо ты крутишь-то? Ага. Себе покрути у виска, мне оно без надобности. Скоро кирзу будем жрать, вот тогда про нее вспомнишь. Ну ты дал маху. Иди ищи. Ага, в окопах там до хера осталось. Нам как раз перед вашим залпом сказали, что провизия дня через два придет. Ну да. Ушел. Гордый какой. Ума-то нет совсем.

А ведь убьет он меня. Как жратва начнет заканчиваться, так и убьет. И так ее нет почти. И ушел зачем-то. Неужто жрать искать? Так я ему и поверил. Он как до воды добрался, осмелел мальца. И ходит последнее время с хитрой рожей. Надо бы на изготовке быть. Я и так уже вторую ночь сплю по часу, все думаю, он мне ножа даст. Уж лучше бы как до этого, в разных окопах. Ой, не к добру он ушел, не к добру. С ума сойти можно. Надо его в расход пускать. Не нравится мне это дело, вроде как вместе ели-пили. Ну тут уж кто кого. Другого случая может не быть. Идет.

Идет. Что у него в руке-то? Никак граната! Размахнулся, падла! Эх, Витя, пиздец тебе! На!!!! На от пуза, сука, на, гад проклятый! Успел. Николай Угодник, батюшка. Как есть, успел.

Лежит, гнида. Гранату хотел в меня метнуть, сволочь. А мы тоже не пальцем деланные. Надо бы подойти. А вдруг она в руке рванет? Досчитаю до пятидесяти. Нет лучше до ста. Вот. Подойду. А верно я подумал, что убивать он меня идет. Я-то ему махорки, как родному. Он ведь еще неделю назад в меня стрелял.

Фашист он и есть фашист. Ну отнес Бог. Пойду гляну на него.

И откуда он гранату-то взял? Не было у него гранаты. Ишь, разметался. А чего ж ты хотел меня убить? Не вышло.

Посмотрим, что за граната в руке. Так вот.

Господи...

Господи...

Галеты. Пачка галет. Он же шутя метнуть хотел. Кто ж так шутит? На войне, они какие шутки? Галеты. Нашел. Он за едой ходил. Он НАМ есть принес. А я его...

Родной, может ты дышишь еще, нет? Родной. Мы ж с тобой тут две недели почитай сидим, из одного котелка ели. Ты ж мне как брат был, а? Зачем же ты шутил-то? Я ведь подумал. Ой, Господи. Я подумал-то чего!!! Ты же со мной на одной плащ-палатке спал. Господи, что ж я сделал?! Дыши, а? Дыши, родненький. А может, я тебя ранил только? А может, очередь краем задела, а? Слышишь? Ну не молчи, не молчи! Ну, скажи!

Помнишь, вчера на гармошке меня учил играть, а? Ах майн либер Августин, Августин. Скажи! Скажи, родной! Я научусь, я обязательно научусь играть. У меня и получается уж вроде.

Ты только скажи, рукой пошевели. Я сейчас, погоди, сейчас воды тебе принесу. Погоди, слышишь? Я мигом управлюсь.

* * *

Донесу, донесу. Уж километров пять протопали, верняк. Скоро к нашим частям выйдем – и в лазарет. Я своим скажу, что ты хороший. Что за нас, за коммунизм, значит. Дойдем. Никак нельзя не дойти.

А там и войне конец. Я тебя в деревню свою свезу, с Зинкой познакомлю. Водки выпьем на Первомай, ты на гармошке начнешь играть, а мы с мужиками петь будем. Весело...

А ты хоть бы и обженишься? А што? У нас баб много на селе хороших. Давай присядем, покурим? Ты молчи, молчи. Я знаю, ты махру вроде не любил. Помнишь, как кашлял тогда? Ха-а-а-а-а, ох и уморил ты меня. Слушай, ты синеть стал, это от холода, наверное, у нас тут осенью рано холодает. Ну ничего, до ближней части дойдем, там отопреют. Там вот... А глаза у тебя в небо смотрят. Любишь на небо смотреть? Я тоже люблю. Небо оно такое. И не опишешь, в общем.

Ну, покурили и будет. Давай пойдем, брат. Давай я подлезу, вот так. Ага. Тяжелый ты стал. Руку дай тебе поправлю. Вот окостенела-то. Ну

это от холода, брат. Ничо, ничо. Придем, зараз согреемся. Выдюжим. Не век войне быть.

Дойдем. Никак нельзя не дойти...

Ася

...О, истина, Свет сердца моего!
Пусть не мешает мне темнота моя.
Я барахтался в ней,
Был охвачен тьмою, но и там я не переставал любить тебя.
Я скитался и в скитаниях вспомнил тебя.
Я слышал слово, говорящее позади меня:
«Вот путь. Идите по нему».
Блаженный Августин. О книге Бытия.

«Вот так. Такой финал гораздо смешнее». – Саша кликнул на «paste», отправив текст в сеть, и удовлетворенно откинулся на спинку стула.

Только что Александр Астахов, студент 3-го курса психфака МГУ, разместил на форуме Diablo.com свое очередное нетленное произведение под названием «Небожители».

В этом рассказе персонажи библейских притч вели отчаянную мирскую жизнь. Райские кущи были похожи на общежитие, в котором пророки и святители предавались блуду, содомии и употребляли препараты, расширяющие сознание, чтобы в таком состоянии усесться за написание священных книг. Также они ходили на тусовки, писали друг про друга гадости в небесном интернете, пили водку, в общем, проводили время в качественных развлечениях.

В этот вечер людей в интернет-кафе было немного, и Саша, не беспокоясь о том, что его место займут, встал и пошел в бар, купить пива.

Вернувшись, он обнаружил за своим компьютером худую девушку, обладательницу иссиня-черных волос, которая очень быстро щелкала мышью, изучая форум, на который Саша отправил текст.

– Я дико извиняюсь фройляйн, но это мое место. Хотя, если вам необходимо провести какое-то время за этим компьютером, вы можете остаться, и я с удовольствием посижу рядом с вами. В этом не будет противоречий.

Саша очень любил витиевато вести диалоги с девушками. Базис образования и тяга к литературности позволяли ему вольно скакать по

верхам любых тем, жонглировать словами и определениями из области клинической психиатрии. Как правило, девушки не понимали и одной десятой из его речей, но несказанно очаровывались и впадали в легкий трепет, становясь доступными для более тесного общения.

– Противоречия будут. Вся жизнь состоит из одних противоречий. – Девушка повернулась к Саше и продемонстрировала ему огромные зеленые глаза, длинные ресницы и матово-бледное лицо. – Это ваше?

– В какой-то мере. Поскольку искусство всегда принадлежит народу... – ответил он, посмотрев на ее руку с длинными изящными пальцами, которые в свете монитора казались немного восковыми.

«Наверное, готической музыкой интересуется. И мистикой. Наша тема», – сделал вывод Саша.

– Вы успели прочесть? Ну и как вам?

– Я пробежала глазами. Смешно, но в целом не очень точно. Потому как апостолы Петр и Павел никогда бы не стали пить вместе водку. Как раз в силу тех самых противоречий. Хотя им и в голову бы не пришло назвать это противоречиями.

– Это они вам сами рассказывали? Меня зовут Саша, между прочим.

– Пусть будет Саша. А меня... ну, скажем, Ася, если не против.

– Я только за. Ася Синицына? «Алеша Птицын вырабатывает характер» – читали в детстве?

– В моем детстве не было таких книг – она искристо рассмеялась. На вид ей было не больше девятнадцати, что позволяло поверить в то, что конец эпохи развитого социализма Ася действительно не застала. – Скорее тогда уж Воронова. – Она опять рассмеялась и отбросила назад прядь черных волос.

– Так что, вы говорите, у вас было с апостолами? – продолжил Саша. – Я, кстати, живу рядом. У меня дома есть Блаженный Августин, кофе и «Blood Flowers», The Cure. Уже слышала?

– Беллетристикой я не интересуюсь, кофе можно наверняка выпить и тут, а вот эти твои «Кровавые Цветы», как ты сказал, я с радостью послушаю. Ну и...? – Она вопросительно посмотрела на него.

Саше стало слегка не по себе. Слишком стремительно все развивалось. Но тем не менее свой Рубикон он прошел десять минут назад, и обратного пути уже не было.

– Ну и пойдём, по воде аки по суху. Ибо разверзлись хляби небесные, и на улице дождь проливной.

– По воде аки по суху? Тогда точно пойдём. Никогда не ходила по воде. Не дано. – Она улыбнулась и протянула ему руку.

* * *

Дома пили кофе, ели бутерброды с докторской колбасой, обсуждали труды Кроули, потом предались безудержному сексу. Когда Ася, оседлав его, накрыла своими волосами, как крыльями ворона из

одноименного голливудского фильма, Саша впервые засомневался в правильности поговорки «Молодо – зелено».

Выйдя из родительской спальни на кухню, Саша закурил, и, повернувшись спиной к вошедшей следом Асе, уставился в окно, позволив ей разглядеть татуировку на своей спине JUSTICE FOR ALL...?

Причем вопросительный знак в этой фразе он придумал сам, намекая, таким образом, на отсутствие этой самой справедливости в жизни.

– А вот как ты, Ася, думаешь, хорошо было бы, если люди имели бы возможность знать свое будущее?

Сколько бы правильных решений они смогли принять, зная все наперед? Вот мы, например, четыре часа назад не знали, что встретим друг друга, а что будет завтра, не знаем сейчас. Возможно, если бы знали, приняли бы сегодня массу верных решений, которые позволили бы нам направить свое будущее в правильное русло.

Саша любил эту тему. Она была его коньком. Разговоры о будущем, плавно перетекающие в попытку определения самого понятия времени и своего места в нем, довершали картину романтического героя и позволяли влюбить в себя девушку до безумия. По крайней мере, на ближайшие две недели.

– В правильное русло? – улыбнулась Ася. – То есть если бы ты узнал свое будущее на год вперед, принял бы массу верных решений?

– Мне бы и полгода – за глаза, – сказал Саша наигранным голосом и снова отвернулся к окну.

– То есть если бы я тебе сейчас рассказала твое будущее на два года вперед, ты был бы счастлив?

– Софистика. Никто никому ничего не скажет. И в этом проблема... и базиса для принятия решений нет.

– Окей. Вот тебе базис. Твоя мать умрет от рака через 14 месяцев. Твой отец наконец-то приведет в квартиру свою любовницу Леночку, с которой он встречается уже три года. Ты, войдя в бесконечные противоречия с окружающим тебя бытом, снимешь однокомнатную квартиру в Текстильщиках. Потом тебя отчислят из института из-за проблем, вызванных состоянием твоей психики, разрушенной играми с псилобисциновыми грибами и химическими препаратами. В итоге ты окажешься в странноприимном доме, именуемом у вас «дуркой». Как тебе такой базис?

– Что ты за хуйню несешь? – Саша выкинул в форточку сигарету. – Какой рак, какая любовница? Ты ширяешься? Обычная винтовая малолетка?

– Неверие свойственно людям. Это тебе еще Татьяна Павловна говорила, твоя классная руководительница, когда ты не поверил ей, что если не перестанешь дразнить Мишку Розенבלата жиденком, то у

тебя начнутся проблемы в школе, потому как папа его работает в Министерстве путей сообщения и помогает Татьяне Павловне строить дачу. Тогда твоя мать вовремя пришла в школу, а то ты бы в пионеры вступил классе в десятом.

Еще ты не поверил бабушке, когда тебе было четыре года и она сказала тебе, что резиновая фишка от лото может попасть тебе в горло и ты можешь задохнуться. Поэтому грызть ее нельзя. Тогда тебе повезло, что сосед дядя Леша умел делать искусственное дыхание и нажимать на нужные точки, чтобы фишка выскочила обратно. Так же ты не поверил Илюхе из четвертой группы, что Катя Богданчикова действительно имела секс со многими вашими сокурсниками. Именно поэтому ты две недели назад закончил пить антибиотики от триппера. Это тебе еще повезло, что вылечился, потому что, как тебе и говорили, с алкоголем они не сочетаются. Неверие. Кругом одно неверие. Отсутствие веры сгубит человечество.

– Илюха?! Ну ладно, это ты еще могла узнать, про Татьяну Павловну тебе мог Серега рассказать, но бабка-то?.. А... ты с Ленкой, дочерью соседки в колледже училась?

– Ага. Точно. И еще рядом с твоей матерью в ванной стояла, когда ты в шестом классе за ней подглядывал через окно между ванной и туалетом.

Саше стало тяжело. Он не мог дышать. Его зазнобило. Страх вливался в него через глаза, ноздри и рот.

– Кто ты? – прохрипел он.

– Ася. Мы же договорились. Не бойся, иди ко мне. Ты мне еще музыку не поставил.

Она закинула на него ногу и впиалась в его губы. Саша уже ничего не видел, только как сквозь сон уловил ее последние слова:

– Завтра. Завтра будешь принимать верные решения...

* * *

– Я давно хотел тебе сказать, Астарта.

[1]

То, что ты делаешь, – ПРОТИВ ПРАВИЛ. Ты не можешь влиять на события. Ты не можешь менять ход времени. Есть четкие рамки. Они предопределены самим временем. Ты снова вмешалась. Вот посмотри, здесь написано, что персоне 286 214 587 321 должна послезавтра находиться в месте, которое ныне именуется Сочи, там эта персона должна познакомиться с персоной 296 375 522 084. Далее идет стрелка, которая ведет нас через два года по земному времени в место, где от двух предыдущих персон начинается свой путь персоне 291 236 089 111.

Что мы имеем сейчас? Персона 286 214 587 321 лежит в данный момент на земле с пробитой головой и переломами, несовместимыми с дальнейшим жизненным циклом. Кажется, это называется самоубийством. Цикл нужно писать заново. Ты видишь, что написано дальше? Ты видишь, КТО это написал?

– Спасибо, Петр, я хорошо знаю ЕГО руку. Я не сделала ничего ПРОТИВ ПРАВИЛ. Вы даровали людям возможность выбора, таким образом ввергнув их в круг противоречий. Они имеют возможность принимать решения. Иногда это сбивает циклы. Я не сбивала цикл. Персона сама выбрала вектор развития. Я даже не указывала путь. Он ступил сам.

– Астарта, я вынужден обсудить эту проблему с НИМ. Мы не можем все время менять циклы. Прости, но я должен это сделать.

– Вы вольны в этом, Петр. Делайте то, что делаете. В финале все образует. Не так ли? Кстати, Петр, а вы знаете, что такое водка?

– Кажется, это некая субстанция, оказывающая на мозг персоны опьяняющее воздействие. А что?

– А вы могли бы выпить водки с Павлом?

– Астарта, я не понимаю вопроса. Вы, кажется, слишком много времени проводите среди людей. Это еще один довод в пользу моей позиции. Это нужно прекратить.

– Хорошо, Петр, не думайте об этом. Увидимся.

* * *

Астарта набрала адрес форума, нашла текст и стала читать комментарии. Последний оставленный комментарий гласил:

«Ржачная телега. Только чо у тебя боги не смеюцца никогда? Надо, штоп они ржали и курили шышки. Тогда еще прикольной будет».

Астарта улыбнулась и написала:

«Иногда боги смеюцца...»

Затем она ткнула пальцем в имя написавшего предпоследний комментарий. Через десять минут она стояла на набережной, в сквере, где молодые люди начали раскуривать марихуану.

Beaujolais Nouveau

...Сделать правильный выбор в ситуации «или-или» практически невозможно.

Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать.

Янамото Цунэтомо. Хагакурэ

«...Воспоминания. Мысли о том, что когда-то ты мог пойти совершенно другим путем.

Ступить на дорогу, которая, возможно, привела бы тебя к другому финалу. Менее горькому, менее терпкому. Финалу, который не заставляет кровь бурлить подобно тому молодому вину. Воспоминания. Эти маленькие убийцы. Они похожи...»

В бутылке оставалась еще ровно половина. Он улыбнулся и снова взял в руки фотографию. Осторожно. Словно дитя, которое боишься уронить.

Глава первая,

в которой рассказывается о том, что можно находить разнообразные формы досуга. Если проявить при этом некоторую изобретательность

Осень была потрясающей. Несмотря на конец ноября, Москва явно не собиралась примерить свой извечный наряд, состоящий из мокрого снега, простокваши под ногами и пронизывающего ветра. Было довольно холодно, но сухо.

Володя Кравец со своей невестой Татьяной, ее подругой Светкой и спутником Светки Валентином сидели на спинке скамейки и пили пиво, обсуждая планы на ближайший уикенд.

– Люди! – громогласно заявил Валентин. – Сдается мне, что я сейчас сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Ты Дон Карлеоне, что ли? – засмеялась Татьяна.

– Нет еще. Но некоторые вопросы решаю.

– Давай, Валя, – скептически бросил Володя, – решай!

– А предложение мое следующее. Спорим, что никто из вас никогда не был под землей. Во всех этих длиннющих катакомбах и шхерах. Я тут летом познакомился с так называемыми диггерами. Ну, знаете наверное. Сейчас модно. Их по ящику показывают, газеты, журналы. Короче, тема такая. В субботу. Берем керосина, жратвы и рвем в катакомбы. Входим во дворах, на Китай-городе, идем до

Кузнецкого, там я вам покажу речку под землей. Дальше керосиним и к утру выходим на свет божий. Впечатления – офигеть!

– А ты нас не заведешь, Сусанин? – заржал Володя. – А то, глядишь, как раз к летней сессии выберемся.

– Да хорош! Я летом раз пятьдесят туда спускался. С закрытыми глазами пройду.

– Ребята, здорово! – захлопала в ладоши Таня. – У меня и вино дома есть. Отцу его друг во французском посольстве подарил два ящика молодого вина, «божоле нуво» называется. Сегодня как раз праздник «божоле» французы отмечают. А мы же русские! Вот в субботу под землей и отметим.

– Ну пойдете, – хмыкнула Светка, – хоть какое-то разнообразие.

– Ooh baby, give me that glass of wine, – пропел Володя.

На том, собственно, и порешили. И разошлись по домам, нужно заметить, в веселом расположении духа. Духа ожидания.

Глава вторая

в которой рассказывается о том, что красоты подземной Москвы ничуть не хуже красот Москвы наземной. Если смотреть на них под правильным углом, разумеется

Собрались в одиннадцать вечера. Валентин со Светкой пришли с большим рюкзаком, фонарями и термосом, который Светка держала в руках очень осторожно, как бомбу или неразорвавшийся снаряд времен Второй мировой войны.

Володя с Таней, как всегда, опоздали из-за Таниных поисков теплого свитера и соответствующих походу ботинок.

– Ну что, идем, диггеры? – улыбнулся Валентин.

– Идем, идем, Сусанин ты наш! – ответил Володя.

Дворами дошли до какого-то переулочка, на середине которого Валентин остановился, сделал серьезное лицо и, указав пальцем на канализационный люк, изрек:

– Граждане! Мы сейчас спустимся под землю. Это не шутки, там реально все по-другому. Я вас прошу быть серьезными, не прикалываться и держаться вместе. Ибо подземка ошибок не прощает. Потеряешься, заплутаешь, и все. Сигнализация Кранты-6. К вашей машине больше никто не подойдет. Потому как никакой машины в вашей жизни уже не будет.

– Ага, конечно! Мы на такси доедем. Нам машина ни к чему. Лезь давай, – отрывисто бросил Володя.

– Зря ты так. Поверь, это не игрушки.

– Верю, верю. Пока ты тут лекции читаешь, утро настанет.

Спустились вниз. Впереди пошел Валентин. За ним Светка с Таней. Процессию замыкал Володя. Сначала шли каким-то туннелем, с проводами, бегущими вдоль стены, попадающимися под ногами лужицами и брошенными кусками арматуры. Валя то и дело поглядывал в какую-то схему. Притормаживал, вынимал ее из кармана, сверялся и вел своих друзей дальше.

– Да, красиво, – саркастически заметил Володя, – прямо как на военной кафедре. Когда нам бомбоубежище показывали. Та же тема.

– Погоди, мы еще пока на первом уровне, так сказать, – ответил Валентин.

Действительно, вскоре картина начала меняться. Пару раз они куда-то свернули, путь шел вниз, как бы под уклон, и все время пресекался с какими-то ответвлениями, коридорчиками и закоулками. Валя все чаще доставал карту, и продвигались они все медленнее.

– Валь, ты нас на дачу к себе ведешь? В Дмитров? – не унимался Володя.

– Слушай, надоел! Не мешай! Мы не по Тверской идем. Шаг в сторону и пиздец.

– Мальчики, не ругайтесь! – заголосили девчонки. – Уже страшно интересно становится!

– А здесь кто-нибудь бывает? – спросила Таня.

– Бомжи, кто же еще, – вставил Володя, – и такие же идиоты, как мы.

Между тем на стенах исчезли провода, арматура больше не попадалась, да и сами стены вместо блочных были теперь кирпичные, с выщербленной временем кладкой и мокрыми пятнами плесени. Иногда у стены можно было заметить ржавые гвозди, куски железа и какие-то полуистлевшие тряпки.

– Мы сейчас где-то на уровне середины девятнадцатого века, – рассказывал Валентин. – Если тщательно копаться, попадаются интересные вещи. Раритеты, так сказать.

Девушки с интересом ему внимали. Понимая, что лидерство в этот вечер уходит от него, Володя отчаянно старался Валью зацепить:

– А что, давайте прямо тут остановимся. Выпьем и поедим вкусное, а потом антиквариата насобираем и в ломбард снесем. Всяко прибыль.

– Ты тут пять шагов сделаешь и пиздец! – не оборачиваясь ответил Валя.

Таня взяла Володю за руку и на ухо сказала:

– Неужели тебе действительно неинтересно? Хватит его подначивать. Он же для всех старается, из кожи вон лезет. Хочет Светке показать, что хоть в чем-то крут.

– Ладно. Не буду. Я так, шутил, – ответил Володя.

Вдруг Валентин остановился и замер. Все услышали приглушенный шум.

– Пришли почти, – торжественно сказал Валентин.

Пройдя еще метров пятьдесят и сделав несколько поворотов, они вышли в некое подобие пещеры. Воздух здесь был более сырой, с запахом болота. Потолок пещеры был выше, чем в туннеле, по которому они шли, и из отверстия в одной из стен бил довольно сильный поток воды, который исчезал в проломе в полу. Валентин погасил фонарь, достал из рюкзака некое подобие факела, зажег его и вставил в обруч, прибитый к стене.

– Диггеры сделали. Для удобства, – пояснил он – Вот мы и пришли. Подземный водопад перед вами. Давайте, что ли, сядем, выпьем и поедим.

Все с радостью опустились на каменистый пол, довольно усталые, но вместе с тем радостные оттого, что путь завершен. Девчонки стали разбирать сумки со снедью, а ребята, закурив, разошлись по разные стороны пещеры, с интересом оглядывая окрестности.

Глава третья,

в которой рассказывается о том, что придерживаться в жизни четкого плана совсем не обязательно. И вовсе даже вредно. Ибо правильно говорят: человек предполагает, а судьба располагает

– Ну, с праздником молодого «божоле»! – Таня подняла бокал и заговорщицки подмигнула Володе. – Давайте выпьем за то, чтобы наши планы, старые и новые – сбылись. И чтобы мы по окончании института снова здесь собрались и отметили это дело.

– Ура! – закричали все.

– Эхо какое! Прямо как в фильме про Тома Сойера, когда они там по подземелью шныряли, – заметил Володя.

– Люди! – серьезно начала Таня. – Мы хотим вам сказать, что мы вас приглашаем на нашу с Володей свадьбу, которая будет в декабре, под Новый год. Мы на прошлой неделе подали заявление. Придете?

– Танька!!! – Света бросилась обнимать подругу. – Поздравляю!

– За молодоженов! – громко сказал Валентин и протянул Володе руку. – Поздравляю!

Володя смущенно пожал ее и тихо сказал:

– Старик, ты прости, я обидел тебя. Не со зла. В шутку, сам понимаешь.

– Да ладно, – примирительно ответил Валентин, – понятное дело.

Начали пить и закусывать. Володя достал из своего рюкзака плед и накрыл им Таню. Обняв ее, он откинулся к стене и, отвлекшись от рассказа Валентина про библиотеку Ивана Грозного, которая, возможно, спрятана где-то здесь, задумался. «Божоле нуво» приятно разлилось теплом по телу. Отчего-то стало очень хорошо. Не напрягал даже глупый рассказ Валентина и идиотский смех Светки. Володя думал о Тане, о свадьбе и о том, что если бы у него была возможность, он бы совсем не уходил отсюда. Сидел бы здесь целыми днями, пил вино и обнимал Татьяну. Свою будущую жену.

Вдруг он услышал посторонний звук, который никак не относился к звукам, издаваемым Валентином и Светкой. Как будто кирпич упал.

– Слышали?

– Что слышали? – спросил Валентин.

– Типа кирпич выпал. Тут землетрясения бывают?

– Да брось, показалось! Вода, наверное, с собой принесла камень.

Он вниз свалился. И все дела.

Валентин со Светкой уже пересели к противоположной стене, начали целоваться и не обращали внимания на происходящее. Но Володя отчего-то насторожился. Он первый раз был под землей, и испытывал, прямо сказать, противоречивые чувства.

Шлеп. Еще один такой же звук. В этот раз точно не показалось. Да и небольшой кусок кирпича, выпавший из стены над головами Валентина и Светки, говорил о том же.

– Валь, смотри, – напряженно сказал Володя, – кирпич выпал из стены. Может, пойдём от греха?

Он встал на ноги и поднял начавшую дремать Таню. Она смотрела вокруг непонимающими глазами, переводя взгляд от кирпича к Вовке.

– Вов, ну чо ты паришься, – ответил Валентин, разгоряченный скорой близостью со Светкой, – ну кусок кирпича выпал. Ну клали-то еще в девятнадцатом веке. Сколько лет прошло! Расслабься и получай удовольствие. Тут другой мир. Никого нет. Мы одни. Все в порядке.

В ту же секунду из стены выпал здоровый кирпич, засыпав осколками сидевшую у стены Светку. Светка тонко завизжала. Из образовавшегося пролома хлынула серая масса, состоявшая из сотни сбившихся в кучу тел, и свалила Валентина с ног.

Володя резко схватил Таню за руку и, не оборачиваясь, потащил ее в туннель, противоположный тому, из которого они вышли. Убегая из пещеры, он слышал дикие крики Валентина и истошные вопли Светки.

«Крысы, – подумал он. – Больше никому». Уже на бегу он припомнил деревенские истории о миграциях крысиных стай, сметавших от голода все на своем пути. И людей в том числе.

– Что? Что это было? – захлебываясь слезами, крикнула Таня.

– Крысы! Молчи, дышалку съешь! – заорал он. В темноте бежать очень трудно. Особенно когда не знаешь, куда. И когда чувствуешь в нескольких десятках метров позади шелест сотен крысиных лап. Он старался почаще сворачивать, полагая, что какая-то часть крысиного потока не успеет за ними повернуть. Бежать становилось все труднее, Таня задыхалась, и он понимал, что через какое-то время она обмякнет, и ему придется здесь умереть. Вот так, запросто. Не дожив до собственной свадьбы.

Очередной поворот вывел их в помещение, из противоположной стены которого торчала на уровне пола труба коллектора. Не раздумывая, он отпустил Таню и нырнул туда.

– Лезь за мной!

– Тут узко, Вова!

– Лезь, блядь, говорю!

Протискиваться по трубе, сдирая локти, было действительно непросто. Но впереди явно забрезжил мутный свет. Собрав силы, Володя прополз еще пару метров и вывалился из трубы прямо в вонючую жижу. Перед ним было просторное помещение. С лестницей, ведущей наверх. К люку.

– Вова помоги, не могу дальше!

Он просунул голову в трубу и увидел, что Таня застряла где-то на середине. Он сунулся в трубу, схватил ее за руки и начал отчаянно тянуть на себя. Он вытянул ее почти наполовину, когда она вдруг отчаянно завопила:

– Они меня грызут! А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! Вова, вытащи меня!!!

Он еще раз резко дернул ее на себя, но Таня даже не продвинулась вперед.

– А-а-а-а-а-а-а! – Она продолжала истошно кричать с перекошенным от боли и ужаса ртом.

В этот момент он понял, что ему ее не вытащить. Что крысы уже наверняка объели ей ноги по колено. Что она останется здесь. А значит, не будет ни свадьбы в декабре, ни переезда в кооперативную квартиру на Юго-Западе столицы. Что ее папа, дипломат брежневской школы, не поможет Вова устроиться на работу в МИД СССР. И все планы, такие блестящие и такие близкие, так и останутся планами.

И Вову охватил жуткий приступ ненависти. Он увидел валяющийся рядом ящик с обитыми жестью углами, поднял его и яростно, наотмашь стал наносить удар за ударом углом ящика по голове Тани. Он завыл. Сначала низким голосом, а потом просто завопил, срываясь на истерику:

– Сука, блядь, какая же ты сука! Тварь! Ненавижу-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у...

Ее лицо залилось кровью. Вова отбросил ящик, вскочил на лестницу и начал карабкаться вверх. Посмотрев вниз, он увидел, что через Танькино тело уже просочились крысы. Их было несметное множество, и они вылезали из трубы сплошным потоком. Их писк заставлял вжимать голову в плечи. Ему показалось, что они разочарованно поднимают вверх морды и пищат: «Камон, камон, камон!»

Володя уперся в люк головой и руками, засопел и чуть приподнял крышку. В щель уже можно было просунуть руку. Он медленно просунул сначала одну руку, затем другую. Начал подтягиваться. Наконец люк сдвинулся. Володя вылез на поверхность. Присел у края и посмотрел вниз. Все помещение внизу было уже серого цвета. И эта кишачная масса колыхалась, как грязная вода в сточной канаве.

Володя закрыл люк и побежал прочь. В темноту московских дворов.

* * *

«...Воспоминания. Мысли о том, что когда-то ты мог пойти совершенно другим путем.

Ступить на дорогу, которая, возможно, привела бы тебя к другому финалу. Менее горькому, менее терпкому. Финалу, который не заставляет кровь бурлить подобно тому молодому вину. Воспоминания. Эти маленькие убийцы. Они похожи... на крыс».

* * *

– Хе-хе. Натурально, чувак перед смертью ебнулся головой. «Маленькие убийцы... воспоминания». Он, наверное, этой книжонки обчитался, «Сокрытое в листве». Японец какой-то написал. Ебануццо. Вот людям делать нехуй!

– Слышь, Суханов, нас там «козел» ждет с водкой и Мальцевым, тоже, гы-гы-гы, сокрытый в листве. Ты осмотр тела заканчивай, и поехали. Пиши давай заключение.

– Дык... А чо писать-то? Тут и осталось-то всего ничего. Пишу: «Тело лежит у холодильника, головой к входной двери на кухню. Видимых следов насильственной смерти не имеет. Левая нога до колена повреждена. Предположительно, объедена мелкими грызунами». Хотя откуда на двадцать первом этаже грызуны? Крысы, мыши там. Товарищ майор, давайте напишем: алкогольная интоксикация. А? И все дела.

– Ты пиши как есть, в отделе разберемся.

– Ну дописал. Вот подпись поставьте, и понятые пусть распишутся. Надо этих бабку с дедом вызвать, которые в коридоре сидят.

– Понятые, зайдите на кухню! – скомандовал майор Жиздюк.

* * *

Через двенадцать минут после того, как милицейский наряд уехал, а санитарная машина забрала тело, в квартире номер 121 наконец воцарилась тишина.

Ощущение от жилища Кравчука могло быть охарактеризовано одним словом – УМИРОТВОРЕНИЕ.

Еще через пару минут тишина была нарушена вылезшей из-под мойки крысой-альбиносом. Крыса подкралась к холодильнику. Обнюхала низ дверцы, затем резко отскочила к центру кухни, покружилась волчком и замерла. Подняла голову, сверкнула красными глазками и юркнула обратно под мойку. Туда, откуда появилась.

На этом все закончилось. В квартире снова безраздельно властвовала тишина.

Поколению 1970–1976

Мы провели детство и пошли в школу на закате славной эпохи Леонида Ильича Брежнева. В эпоху, где джинсы Levi's и видеомагнитофон практически приравнялись к цене человеческой жизни, а в отдельных союзных республиках чуть ли не превышали ее.

Нашими героями были югослав Гойко Митич, лихо игравший индейцев и прочих правильных пацанов, и хохол Олег Блохин, запуливший жуть сколько голов в чемпионате СССР. Мы играли в войну и собирали вкладыши от жвачек, за которые могли убить одноклассников. Мы тырили в универсамах пепси-колу, а если завозили кока-колу, про это месяц говорила вся школа: типа, я коки спиздил десять бутылок, до сих пор одна осталась...

Нас принимали в октябрята в Мавзолее или в райкоме и заставляли учить наизусть жизнь деда Вовы Ленина, а мы в отместку пели про то, что «когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках и хуй дрочил ногой».

Годы весело убывали от нас. Генсеки дохли, как мухи, а из уроков политинформации мы узнали, что против СССР и СЭВа Запад готовит заговор и нам ужас как тяжело, но, если что, мы их всех поимеем, потому как наш бронепоезд стоит, как говорится... Нам полоскали мозги всякими Фронтами Освобождения имени Фарабундо Марти, которые геройски ебашут кон-трас... Мы собирали мукулатуру и лаве

для детей Анголы (интересно, кто его в итоге спиздошил?). Нас приняли в пионеры. Появились фото KISS «без масок» за 20 копеек и игральные порнокарты по рублю за полколоды. (Почему не за полную – понятно: дрочить и так хватит.) Родители на кухнях пиздели про дефицит и грядущие перемены.

Пришел Горби, а с ним и долгожданные перемены. Кооперативы. Катя Лычева съеблась в США, Саманта Смит разбилась на самолете (ясен хуй, из-за ЦРУ). Страна стала ускоряться и перестраиваться. Мы стали оттопыриваться на дискотеке МАИ и поняли вкус травы.

В связи со смягчением статьи 188 по валюте многие из нас стали наживать по фарце на Арбате. Типа того: «Ливайс» мало битый, родной, нужен? – Ну да, ясен хуй!!! – Гони 120 деревом.(Рыжий, позвони армянам, у них самопал остался?).

Мы напивались русским роком, вылезшим из котельных, и проповедовавшим отказ от любых ценностей, кроме водки, секса и рок-н-ролла. (Интересно, как у них теперь с ценностями? Или Макар на «Лексусе» это так, хуйня какая-то?) Началась эпоха люберов и прочих гопников, которые слушали Цоя и хуярили нас велоцепями. Их мы тоже пережили.

Горби вывел войска из Афгана...

Наступали 90-е. Немцы выиграли чемпионат мира по футболу. Потом путч. Потом Мишу послали на хуй. Надвигался пиздец. Мы поступили в институты и стали торчать от жизни на степуху. Нас оглушило кино: Гребень и Цой в «Ассе», «Игла», Негода показала всему союзу сиськи в «Маленькой Вере», «Меня зовут Арлекино»...

Нам стали внушать, что Павлик Морозов был сука, а Союз был хуевый. Из нас старательно выбивали прежние идеалы. Мы особо не противились.

Но скоро стало совсем хуево. Пропали продукты, бухло и курево. Наши стали просерать в хоккей. Потом все появилось, но уже по ценам ниобацца. Мы же стали ускоряться в танце: «Джамп», «Ред Зон», «Гагарин Парти», потом «ЛСДэнс» и «Эрмитаж»...

Мы проклубили по всей мазе: стрельнулса Кобейн, Гехан чуть не сторчался. А мы просто зажигали...

Закончив институты, мы, почесав репу, решили, что пора наживать. Более старшие подонки, будучи в прошлом комсоргами и парторганами уже прислонились к нихуевым лаве. Они нажили столько, что если бы они сели на свое бабло, их ноги бы до земли не достали.

Мы спросили:

– А, типа, нам бы вот так?..

– Отойдите нахуй от военного эшелона, – был ответ.

Мы отошли и стали пиздить то, что осталось.

Наши однокурсницы и одноклассницы пытались выйти замуж за богатых подонков. Но те или уже были женаты на своих комсомолках или были отхвачены более молодыми суками. Подрастающее поколение девок было смелей, красивей, а главное моложе. Наши сверстницы еще не успели снять трусы, а молодежь уже села на компрессоры... Маза ушла, и они вышли замуж за нас.

Мы оказались между. Не старые и не молодые. Не бедные, но и не богатые. Мы не успели отряхнуть прах Союза и не успели впитать ебанный ветер перемен. Мы ни хуя не патриотичны, но если любая америкосная сцука скажет, что это они выиграла ВОЙНУ, мы набьем им ебало. Мы аполитичны, так как знаем цену лозунгам партии. Мы ненавидим свою страну и плачем от ностальгии в Париже. Мы еще успели прочитать Бунина. Мы не знаем слов «полит-корректность» и «терпимость», потому как ненавидим пидаров и негров. Мы выросли с особой системой ценностей и координат. Не стали патриотами, но и не стали космополитами. Мы возненавидели СОВОК. Только почему-то на Новый год поем «СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ».

Мы пережили два кризиса и сотни попадосов. Мы сами не раз кидали. В итоге мы безошибочно стали определять СВОИХ. В кафе, в пробках, в Интернете, в толпе.

Не помню, кто сказал, но мы реально «ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ВДРЕБЕЗГИ».

Поколение циничных романтиков-индивидуалистов.

Мы – как лисенок, выросший в зоопарке и охувший от внезапно нахлынувшей свободы, когда его выпустили на природу. Он не знал, что делать с этой свободой, и вернулся в зоопарк.

В итоге лисенок загрыз своего хозяина и ушел в лес.

Другие

Я сижу в кафе на проспекте Мира и разглядываю стаю молодых людей лет семнадцати. Стая состоит из пятерых мальчиков, чем-то неуловимо похожих на девочек, и трех девочек, вообще непонятно на кого похожих. Мальчики пьют гжелку и глупо хохочут, выкрикивая время от времени многозначный возглас «Йо Мэн!».

Девочки тоже томно пьют, что-то похожее на мартини, старательно копируя при этом манеры и позы моделей из плохих рекламных роликов.

Почти у всех этих особей пустые глаза и ничего не выражающие лица, которые существуют как бы отдельно от тела, совершенно не следуя жестам и не меняясь при смене темы разговора.

На столе перед ними лежит книга Генри Миллера «Тропик Рака», с иллюстрациями, которые они громко обсуждают и комментируют:

– Во у чиксы жопа низкая!

– Гы-ы-ы-ы-ы, – отвечают остальные, – а во чувак с кривым лицом, он, наверно, экстаза обожрался!

– Не, Дэн, ты чо, тогда не было экстаза, тогда все водку жрали!

– Оксан, а пра чо ваще книга? Где ты ее нарыла? – обращается к одной из девиц любознательный Дэн.

– Да так, гавно, неинтересно читать. Я ее у предков взяла, в нее удобно фотографии класть, чтоб не помялись. Я начала читать, а там про трущобы какие-то, про бухло и про то, что у этих чуваков не было денег.

– Да, бля, чо у них ваще там было, – снова вступил Дэн. – Они там в старье, не тусили, не отдыхали нормально. Я ваще вскрываюсь, нафиг такие книги издавать?

– Не, челы, – вступил в разговор самый рослый из стаи. – Я так считаю, что книги должны быть правильного формата, не то, что эта. Так, чтоб в карман можно было положить, в метро почитать. И ваще, чувак на обложке зачем-то в шляпе. Он чо, типа, ковбой? Гы-гы-гы-гы-ы-ы.

Ковбой...

Я не понимаю это поколение аптечных ковбоев, которое никогда не сможет выйти из однажды заданного формата. Поколение, несущее флаг с нарисованным на нем покетбуком и бигмаком. Не понимаю и никогда не пойму.

Они не читали наших книг, не смотрели наших фильмов, не слушали нашей музыки и не вставали десять лет подряд под звонкий девичий голос по радио: – В эфире «Пионерская зорька»! Здравствуйте ребята!

Они не знали запойных ночей с портвейном и книгами Миллера, Керуака и Сэлинджера.

Для них не существует кайфа кухонных бесед до утра. Они не видели времен, когда были такие домашние тусы, у которых любой нынешний ночной клуб сосет, не нагибаясь...

Они еще не знают, что все то, что они нюхают, все то, что они жрут, все то, чем они тусят, умерло еще до того, как они родились на свет.

Они чудовищно не похожи на нас. Они другие...

И от этого становится страшно, товарищи....

Весна

Но сегодня Весна беспечальна,
Как и все Ваши кинокапризы.
И летит напряженно и дальне
Голубая Испано-Суиза!
А. Вертинский

* * *

Знаешь, вот и весна пришла. Та самая, о которой мы мечтали.
С первыми тюльпанами, запахом талого снега на улице.
С веселым гомоном птиц и школьников, прогуливающих уроки.
Ты, конечно, можешь снова упрекнуть меня в излишнем романтизме,
но что я могу поделать? Погода шепчет...
Мы с тобой так и не договорили о планах на отпуск, я, как всегда,
перебил тебя.

Прости мне мою извечную склонность к монологам. Это от чувств-
с...

Вероятно, стоило бы съездить в Париж, снова погрузиться в
бесконечный флер этого города. Можно было бы, как в прошлый раз,
остановиться в маленькой гостинице с милым пожилым портье. По
утрам пить кофе с хрестоматийными круассанами, ходить, как
студенты, взявшись за руки, с милыми полуулыбками и горящими
глазами.

Кокетливо подталкивать друг друга.

Только не говори сейчас, что тебе это надоело, весь этот вечный
«маразм», как ты его называешь. Все эти мои «ужимки и кривляния».

Я все это делаю для тебя. Ты знаешь.

Нет, не надо, я совсем не хочу с тобой сейчас ругаться, хотя ты
стремительно подталкиваешь меня к этому. Помолчи. Хорошо?

Вот... так...

Я буду приносить тебе цветы по утрам из этой милой лавочки на
углу rue St. Dominique. Ты ведь любишь эти белые цветы... черт, все
время забываю, как они называются. Вот только не надо сейчас
пришпиливать меня излюбленной фразой о том, что «я помню только
то, что мне нужно».

Это совсем не так. Ты знаешь.

Не надо меня подталкивать к ссоре. Сейчас не самое лучшее время
для этого. Точнее время совсем не для этого.

Я впервые чувствую стремительную молодость души. Такую обжигающую. Ты ведь знаешь это состояние. Когда впервые тебя НИКТО не подталкивает, и ДВЕРЬ открывается как будто сама.

На самом деле все равно ее кто-то тебе открывает.

Любить тебя больше жизни – один из немногих моих талантов. Это как дышать воздухом, как целовать твои чуть обветренные губы. Это знаешь... все равно как в первый раз в жизни в детстве поймать бабочку-шоколадницу. И восхищенно смотреть на нее, пока она не задохнется в силке и не сложит крылья. НАВСЕГДА. Но в детстве ты еще не знаешь, как устроены бабочки. Ты слишком молод и наивен.

Ты все время спрашивала меня:

– Если хвалить тебя часами, как скоро ты меня остановишь?.. Когда ты это сделаешь?

И я отвечу тебе, одними губами, как умеют отвечать только парижские проститутки с бульвара Clichy:

– Jamais,

[2]

моя дорогая, jamais.

* * *

Петр Всеволодович поднялся с поваленного дерева. Аккуратно спихнул черный полиэтиленовый пакет с телом в яму. Засыпал землей. Взял лопату и направился прочь из леса.

Подойдя к машине и уже собираясь сесть в нее, он заметил, что его правый ботинок весь в глине.

– Блядство какое! – сказал он, и, достав из бардачка тряпку, аккуратно протер ботинки.

Затем сел в машину, завел двигатель и тронулся. Проехав несколько минут, он заметил на заднем сиденье женскую косметичку. Он съехал на обочину и остановился. Взял косметичку и вышел из машины. Постояв двадцать четыре секунды, он размахнулся и закинул ее в лес.

Через три секунды косметичка упала в снег.

В талый весенний снег.

«Тридцатка»

Стоит сыграть в ящик – и жизнь предстанет тебе с убийственной четкостью, даже если ты жил среди полного хаоса.

Генри Миллер. Тропик Козерога

Когда-то в жизни наступает тот момент, когда по-настоящему ценно только прошлое. Ты начинаешь безудержно хохотать над тысячу раз увиденной за все эти годы «Бриллиантовой рукой», петь пьяным голосом в компании друзей песни военных лет (которые к тебе самому имеют весьма смутное отношение), скупать видеокассеты с записью игр сборной СССР по хоккею, диски «Гражданской Обороны» и раннего «Наутилуса».

В твоей машине отчего-то все время играет «Depeche Mode 101», а твой друг Олег, сноб с рождения, начинает ставить при тебе песни Цоя, которого вы не только не слушали в юности, но и презирали всех, кто имел дома хотя бы одну его кассету.

За столом на Новый год, когда разговор типично по-русски скатывается к политике, ты начинаешь находить оправдания экономической политике СССР, хвалить его внешнюю политику и резюмировать, что, в сущности, все диссиденты были пидарасами и агентами ЦРУ.

Однажды ты выходишь на футбольную площадку в своем старом дворе, из которого давно уехал, и, присев на скамейку, начинаешь подводить неочевидные итоги. Оценивать, анализировать, оправдывать и отвергать оправдания. Ты отчаянно пытаешься найти название своему теперешнему состоянию.

Все просто, друг мой. Это – тридцатка. Тот возраст, которого ты ждал, боялся и снова ждал. И вот он у тебя в зеркале. 100 % pure. С синяками под глазами, одышкой, морщинами и тусклым взглядом. Ты, словно Зигфрид, победивший дракона. Советский человек, который 30 лет воевал с тем миром, куда так когда-то стремился. Миром брендов, неоновых витрин и импортного алкоголя. Ты выжил. Ты обрел уверенность, способность к анализу ситуации и вегетососудистую дистонию.

Ты выжил... только, в отличие от Зигфрида, кожа убитого дракона не сделала тебя неуязвимым. Напротив, она сделала тебя более беззащитным. Атрофируя идеалы и способность радоваться мелочам.

Ты задаешь себе один-единственный вопрос: почему так произошло?

Вероятно потому, что ты понял: те сокурсницы-одноклассницы, на которых ты не женился, не стали лучше или умнее, и на свой вечный вопрос: что было бы, если бы мы тогда с...? – ты наконец обрел логичный ответ: было бы то же самое.

Потому что любовница, при всей своей юности и развитых молочных железах, отчаянно глупа и не смотрела фильмы про Электроника.

Потому что радость покупки очередных часов известной марки не идет ни в какое сравнение с тем охуительным футбольным мячом, который тебе подарили на двенадцатый день рождения.

Потому что ты понял: все то, что было в прошлом, – настоящее, а все нынешнее – фейк.

И все, что тебе осталось в противовес твоему цинизму, – ностальгия. Ты начинаешь искать ответы на мучающие тебя вопросы в прошлом. Начинаешь чаще общаться со старыми друзьями, посещать все эти встречи выпускников: сборища алкоголиков, придурков, лузеров и несостоявшихся «крупных ученых» и «видных предпринимателей».

Ты чаще заезжаешь к родителям, потому что наконец осознаешь, что мать – это то связующее звено между щуплым пареньком в красной спартаковской форме и поплывшим мужиком в костюме Zegna. Она помнит, что было, и знает, что будет, ибо свою тридцатку она уже пережила.

Гораздо хуже, когда матери нет. Она умерла, и, похоронив ее, ты вдруг понял, что у тебя есть выдержка, когда твой друг обнял тебя на похоронах и сжал твою руку чуть сильнее обычного. Смерть родных всегда преждевременна, особенно когда тебе тридцать, и ты готов слушать любые советы.

И вот тогда начинаются те самые вечера с воспоминаниями обо всех, кто ушел «без руки и слова». Ты достаешь из памяти химеры прошлого и расставляешь их на кухонном столе, пытаешься изобразить шахматную комбинацию, в которой все ходы можно сделать по-другому и привести партию к другому исходу.

Но ты пьян и цепляешь локтем край стола. Фигуры падают и перемешиваются так, что уже не восстановить. Виски – плохой тренер по шахматам. И только утренняя сигарета вносит некоторую ясность в происходящее. Ты отчетливо понимаешь: то, что не успел сделать, ты уже не сделаешь, потому как и не хотел этого делать, оправдывая себя постоянными временными отсрочками.

Ты понимаешь, что словосочетание «вопреки обстоятельствам» – совершенная бессмыслица, ибо у человека нет возможности сделать что-то вопреки.

Ты, наконец, понимаешь колоссальную разницу между казалось бы синонимичными словами «дольщик» и «акционер» (особенно если последнее употребляется вместе со словом «миноритарный»).

И еще понимаешь, что ты снова «между». Ты не в состоянии вернуть прошлое и не в силах заглянуть в будущее. В сущности – вся твоя жизнь в каждый момент времени называется иностранным словосочетанием «in between».

Прокрутив эти неожиданные откровения в своем похмельном мозгу, ты идешь в ванную и прислоняешься к зеркалу. Где-то в глубине его

снова мелькает морда того самого лисенка, который выбирает между лесом и зоопарком.

У него так же блестят глаза. Только теперь они с красными прожилками сосудов.

Ты дышишь на зеркало и выводишь на нем указательным пальцем вопросительный знак и свой год рождения.

В этот момент на кухне звенит мобильный. Прорезался еще один осознавший из литерного экспресса 1970–1976. Но ты об этом еще не знаешь.

Reload...

Утюги

Штирлиц шел по Арбату и встретил утюгов.

«Утюги», – подумал Штирлиц.

«Хуевый закос под бундеса», – подумали утюги.

Старый советский анекдот

Прошло совсем немного лет (пять минут на циферблате СССР), и Штирлиц в анекдотах теперь встречает совершенно других героев, теперешних наших современников, а «утюги» канули в Лету вместе с лотками на Старом Арбате, гостиницей «Интурист» и Советским Союзом.

Как вы понимаете, этот текст посвящен «утюгам», или фарцовщикам, как их в основном называли в народе. Веселым ребятам в голубых джинсах «Levi's» и кроссовках «Nike Air» «на баллоне», с модными рюкзаками Jansport, набитыми произведениями гениальных кустарей Подмосковья: Палехом, Жостово и Федоскино (в основном фальшак, конечно, но попадались и натуральные изделия).

Понятно, что фарцовщики конца 80-х – начала 90-х это уже не те люди, которые назывались тем же словом в 60-е—70-е. У них нет ничего общего с такими гениями золота и валюты в особо крупных размерах, как Ян Рокотов, процесс по делу которого был буквально легендарным. Размах в основной своей массе был уже не тот, да и сроки, к слову сказать, поменьше. А уж о «вышке» для арбатской компании речь тем более не шла. Посему мы остановимся на определении «утюг», что будет яснее отражать смысл и сохранит историческую точность.

Меня всегда удивлял тот факт, что в разгар перестроечной эпохи на злобу дня вышли фильмы о всех категориях так называемой

неформальной молодежи – знаменитый «Легко ли быть молодым?» о рок-фанатах, фашистах, металлистах, брейкерах и пр., «Трагедия в стиле Рок» о героиновых торчках, сага о гопниках «Меня зовут Арлекино», не говоря уже о ставшей ныне культовой, а тогда как-то обыденно воспринятой «Ассе».

А вот тема «утюжни» была позабыта. Вероятно, это объяснялось закрытостью тусовки и тем, что она по большому счету глаза не мусолила и никому не мешала, исправно отслюнявливая всем, кому причитается. Но тем не менее арбатская утюжная тусовка была явлением знаковым, кастовым и очень модным.

* * *

На Арбат я попал в 1989 году, в четырнадцать лет, по протекции моего соседа Димона Емельянова, ака «Леший», который учился в моей школе и был на пару лет постарше. Это было золотым временем Арбата. Менты стали гораздо более сговорчивыми, и им пока хватало двадцатки, а в случае возникновения непреодолимых противоречий – полтишки грина для закрытия всех спорных вопросов.

Разнообразные «бригады» нас не беспокоили, и все проблемы сводились только к дракам с придурками вроде люберецко-казанских гопников. Гопники ехали в Москву одевацца. Именно в то время появилось словечко «обуть», те снять с кого-нибудь на улице нужные тебе вещи. Кризис с одеждой в совке в то время был охренительный – на улицах нормально одеты были либо мажоры – дети «выездных» советских работников, либо фарца. Это было особенно заметно в холодное время года, когда 90 % населения надевали синтетические шубы «чебурашки», шапки из мокрого зайца и сапоги-«скороходы» с вечно разъезжающимися молниями.

Тогда в Москве как раз появились «лягушки» – туристские сапоги валенком, с заливным низом типа калош, какие сейчас выпускает Columbia. Стою я, значит, в «лягушках» с зеленым заливом на автобусной остановке, рядом мужик. На дворе пятница, он, значит, освежен, стоит – шуба расстегнута, шапка на затылке, и говорит мне:

– Слы, чувак, а ты чо, на валенки не мог черные калоши надеть? Хули ты в зеленых стоишь, не в кассу смотришься.

Такие вот были понятия, хотя они и сейчас не сильно изменились.

Арбатская тусовка делилась на несколько уровней. Внизу стояли «гамщики» – молодняк, который менял у интуры (туристов) советские значки на жвачку и мелкую монету. Потом шли лоточники, которые продавали со столиков на улице той же интуре матрешки, флаги, значки, командирские часы и прочую туфту. Дальше – утюжня, которая «поднимала» в гостиницах. Высший эшелон состоял из людей, которые «тулили» фирме иконы, антиквар и покупали крупные партии валюты.

Местами основной бомбежки были гостиницы «Россия», «Интурист», «Космос», «Берлин» (ныне «Савой»), реже – «Метрополь» и «Националь», потому как там было слишком много «конторских» (сотрудников госбезопасности). По спортивным «кишкам» (вещам) шла работа на проспекте Вернадского в гостинице «Спорт». Там останавливались итальянские пловцы (итальянцев называли аларцами, от часто ими произносимого слова «аллёро»), норвежские лыжники («норжы») и югославы.

У фирмы в основном скупали вещи или меняли им мелкие партии валюты по курсу один к двум (госкурс для иностранцев был один к одному или 90 копеек за доллар, и менять у нас им было в жилу, ну а черный курс того времени был один к трем, к четырем, таким образом, выхлоп для нас был колоссальный). Очень хорошо было работать с братьями из советского лагеря – южками (югославами), которые были тогда самой продвинутой из совковых стран и везли в Москву на продажу партии кроссовок, джинсов и прочей темы.

Тусовка была на редкость легендирована. То есть в наших кругах постоянно циркулировали истории о том, как кто-то где-то поднял невероятные деньги, продав глупому американцу много шкатулок и сундучков «под Палех». Или скупил 50 пар Levi'sa у неопытного южка по 20 рублей (обычно юги минимум по 80 отдавали), а потом все сдал оптом хачам по 100. Таким образом, ситуация была похожей на книгу «Пикник на обочине» Стругацких, где каждый сталкер мечтал найти в Зоне магический «Золотой Шар», который сделает его счастливым. Каждый жил ожиданием такого шара. А точнее «шары», которая сделает его богатым и статусным персонажем в одночасье. На этом и горели...

Два моих приятеля – Рваный и Толя-Калган, вяло отутюжив субботним утром в «России», шли по Красной площади, обсуждая недавний попадос к ментам в «Космосе» одного из старших товарищей. Им навстречу шла пара иностранцев, судя по светлым волосам и курткам-пуховикам, это были скандинавские спортсмены. Поравнявшись с норжками, мои друзья бросили привычную фразу на ломаном английском:

– Нид мани фор иксчейндж?

Норжи настороженно переглянулись, и один из них на ровном английском ответил:

– Yes, sure. Could you please show us the nearest exchange office?

Обдумав минут несколько смысл услышанного, граждане утюги ответили норжкам:

– Ви кен чейндж ю самсин фор вери гуд рейт. Рваный, у тебя сколько дерева с собой?

– Ну, типа, рублей двести.

– Во, заебись! Ви кен чейндж ю абаут ту хандред долларз фор зе рейт 1.5 фор ван доллар.

– О, that's great, – закивали норжи.

И тут Рваный, который до сих пор молчал, увидев, что норжы повелись на такой хуёвый курс, бросает в порыве алчности фразу, которая, по его мнению, должна привести его и Толяна к тому самому «Золотому Шару».

– Мейби ю хэв зе клозес? Ви кен бай ит фром ю.

Норжи перекинулись парой фраз, потом один ответил:

– We got some stuff but not here. It's in our rooms. Hotel «Intourist», you know?

– Ес, ес, – дружно закивали мои глупые друзья, услышав знакомое слово.

Дойдя до отеля, норжи поднялись наверх, оставив друзей в холле. Обмен импортными вещами договорились сделать в туалете на втором этаже, чтобы не спалицо.

Через десять минут норжи принесли два пакета, в которых были пять белых свитеров фирмы «LACOSTE» из экипировки шведской (норжи, как выяснилось по ходу беседы, оказались шведами) сборной по конному спорту.

После недолгих торгов в рюкзаки моих удачливых товарищей перекочевали эти свитера, а норжи/шведы получили 400 рублей совденег, и все расстались, крайне довольные собой.

Недолго думая, граждане Рваный и Толян рванули в ГУМ с целью сбыта данного ширпотреба перекупщикам-жукам, рублей по 130, а если повезет, то и по 150.

Выхлоп с партии ожидался в 250–350 рублей.

В ГУМе они быстро нашли жуков, и начали неторопливо извлекать «Лакосту» из рюкзаков, объявив начальную цену в 150 рэ за вещь. При ближайшем рассмотрении «Лакоста» оказалась армянским самопалом, с кривыми внутренними швами, а горе-утюги чуть не получили реальных пиздюлей за попытку наебона честных жуликов.

Норжи-шведы впоследствии оказались авторитетными фарцовщиками старшего возраста, известными также, как Сатин и Кед. Они несли эту паленку в институт, для продажи своим сокурсникам рублей по 50, а тут им навстречу выплыли наши лошаки.

Вот такая сборная по конному спорту. Шведская.

Таких историй было множество. Еще были охуенные обеды в ресторане «Прага», зависания в баре «Комоса», поездки через всю Москву на такси за трешник. Утюжное время было лихое, веселое, а главное, безбедное.

Потом пришли 90-е, и с наступлением рыночных отношений вся фарцовка оказалась никому не нужной. Потому что Москва в короткие

сроки насытилась разнообразными шмотками с польско-китайских фабрик, и вопрос с обеспечением населения импортом отпал сам собой. Были еще попытки тусовать валюту, но после того как доллары стали предлагать в любой палатке, умерла и эта тема.

И последние утюги, не сумев вписаться в новую систему, ходили, как призраки, по гостиницам, пытаясь впарить фирме иконы и прочий псевдоантиквариат. Но и эту тему у них отжали довольно быстро.

* * *

Я вспоминал эти истории, когда сидел в «Жигулях» с одной зеленоглазой madame и обсуждал с ней советскую эстетику этого заведения. Фото Брежнева при входе и шлягеры «Песняров» напоминали то время, когда кроссовки «Nike» были кроссовками «Nike». Мы говорили о переменах во времени и в нас самих. Тогда я поймал себя на мысли, что, покупая джинсы, я до сих пор проверяю швы и клепки на карманах. В силу привычки, так сказать...

В 80-х был такой популярный анекдот, когда утюгу снится сон, что он в ГУМе, все полки завалены «фирмой» и народу никого. А он покупает, покупает, покупает...

Сон стал реальностью. Вот только для самих утюгов в этой реальности места уже не было...

Тусооns

[3]

тоже плачут

Они встретились как всегда в четверг, у ресторана «Пикадилли» на Ленинском проспекте. Вышли из автомобилей, обнялись и сели в машину к Коржавину.

Анатолий Борисович Коржавин был весьма известной фигурой в нефтяном бизнесе России, и в свои сорок с небольшим лет сумел стать одним из основных игроков на этом рынке. Его друг Сергей Сергеевич Куропаткин являлся владельцем одного крупного оператора рынка сотовой связи. Два раза в месяц, по четвергам, они встречались поговорить за жизнь, за дела и просто выпить.

- Ну что, Сергеич, как жисть-то? – начал разговор Коржавин.
- Да ничо. Нормально. По Европе твой вопрос решил сегодня.
- А, ну здорово. Когда проплаты пойдут?
- Завтра и пойдут. Как говорится, куй железо...
- Ага. Хуй железный... точно.

– Что грустный такой?

– Да тут с утра пять топ-менеджеров уволил.

– С похмелья, что ли?

– Да нет. С трезвяка.

– А что случилось? Крысили?

– Понимаешь, тут такая буза приключилась. Они, обчитавшись книг по руководству предприятиями, создали, типа, группу. И там терли идею, что босс у них, старый мудак, своими архаичными методами рушит всю систему. А они – такие молодые-перспективные – могли бы сами все решать по бизнесу.

– Ну и хули, ну и пусть трут, главное, ты в курсе темы.

– Так-то оно так. Да они заигрались. Взяли и написали в головную контору, типа, старшим акционерам, что, мол, они хотят революцию в офисе учинить, ибо старый мудак (я то есть) всех затер, инициативу душит, прибыль крысит по офшорам. А вот они готовы сформировать коллегиальное управление предприятием, сделать либеральный, современный менеджмент и тэ дэ и тэ пэ. А самое смешное – написали, что я гомофоб и во всех вижу гомосексуалистов, гы-гы-гы. Ну, из-за того, что я иногда их пидарами называл. Но эту мультку они вписали, видимо, в расчете на западную толерантность. Там у них же, знаешь, пидары скоро будут детей рожать.

– Толь, не понял! В какую головную контору? Ебнулись они, что ли?

– Да они думали, что если у нас на бланках предприятия написано, что хедофис в Лондоне, то так оно и есть. А я, типа, тоже наймит, как и они, только званием повыше. Вот и решили тут революцию устроить путем сдачи меня в руки головных акционеров.

– Смешно. Тебе написали, чтобы ты себя уволил. Блядь, какие же тупорылые...

– Да уж. Обидно. Растишь их, зарплаты им повышаешь, а они в гаврошей играют. Пиздец история на самом деле. Повстанцы прибывают на шхуне в Лондон и свергают ненавистный режим диктатора Коржавина. Куба, ептыть! Самое веселое, что вожак этой группы на самом деле пидарасом оказался, как СБ выяснила. Фидель Кастро, еби его мать. Тож, наверное, сигары курил... Жопой, гы-гы-гы...

– Да, не хуево. У меня вот в прошлом году в центральном офисе тоже интересный случай приключился. Пришел, значит, к нам на работу парень, уж и не помню, в каком отделе работал и на какой должности состоял. Да и не заметил бы я его. Ты знаешь этих нынешних клерков. Костюмы одинаковые, галстуки одинаковые. Даже выражение лиц одинаковое. Мозгов нету, а амбиций дохуя. Но суть в том, что уж очень интересная с ним мультка вышла, как мне потом зам один рассказывал.

– Тоже по итогу пидарасом оказался?

– Да нет. Про его гомосексуальные наклонности я не слышал. Был он нормальным таким, ординарным парнем. Приехал в Москву из глубинки. Сменил пару мест, попал к нам. Веселый такой, знаешь, в любой компании шутку смешную расскажет, сам над ней посмеется громче всех, анекдотик там, хуетик какой-нибудь. У него кличка еще интересная была, Киллер.

– Чо, в натуре, людей валил раньше?

– Да ладно тебе! Мух в офисе газетой «Спорт-экспресс» ебашил влет. Ни одной не пропускал. Ну, кто-то и пизданул: ну ты, типа, киллер. Так и приклеилось. Так вот. Он компакт-диски доставал пиратские, на вечеринках компанейских всяких горбачевых-петросянов изображал. В общем, нормальный пацан, похож на устроителя КВН или капустников в сельском клубе. Лицо у него смешное было. Я с ним один раз за столом сидел, так он вроде ничего особенного не говорит, но ебла такие прикольные строит – уссаться.

– Ага. Драматургия лица называется.

– Во-во. С ним потом такая драматургия ебла приключилась – Бернارد Шоу отдыхает. Короче говоря, стали за ним некие странности замечать – с одной стороны, доебывался до людей, а что сейчас модно носить, какие бренды, да какие часы, да в какие клубы ходить. Все так старательно запоминал. Ну вроде понятно, в крупной компании работаешь, да еще и из провинции, хочется быстрее адаптироваться в столице. Журналы всякие модные на столе имел, типа, в теме.

– Ну и хули, они все так себя ведут. И что особенного?

– А то, что, с другой стороны, этот самый Киллер, начал в курилке другим клеркам всякую хуетень радикальную в уши дуть. Тоже где-то услышал, вероятно, да и подсел на нее. Рассказывал про «корпоративное рабство», анархию, антиглобализм, «потребляй-работай-сдохни» и прочий бред. Рассказики всякие стал в Интернет писать про то, как нормальных пацанов угнетают капиталисты. Коллегам показывал. В общем, возомнил себя новым Виктором Ха-ра. Свободным литератором. Поэтом, еб твою мать, песенником.

– Ебануццо! Блядь, они думают, они все теперь охуенно продвинутые и смышленные борцы за свободу разума. Вот придурок, ну и что дальше?

– Дальше – больше. Начал на всех корпоративных пьянках орать, что у него самый длинный хуй в Москве. Всех баб этим достал.

– Ну это как раз типично. Замещение называется. Когда у человека лаве нет, он орет, что у него других талантов масса. Например, выше всех может на стену поссать.

– Ага. В общем и целом, начался у этого Киллера стойкий диссонанс в сознании. Вроде как левое полушарие ему говорит, что он

корпоративный клерк и ему надо стать Биллом Гейтсом, а правое в тот же момент орет, что он Фидель Кастро, который должен сделать из отдельно взятого офиса остров Свободы.

Кризис начался, когда он попал в клуб «Че» на Никольской. С ним двое ребят наших были из отдела логистики. Они и рассказали. С него на входе стали деньги брать, за вход на концерт, ну тут ему планку-то и подвинуло. Отскакивает этот Киллер от охраны клубной, да как заорет: «Что ж это, еб твою мать, делается? У вас на эмблеме Че Гевара изображен, пламенный революционер, а вы, суки, бабки за вход берете? А как же истинные ценности равенства и свободы? А как же "Начни революцию с себя"»?

Ему охранники про аренду трещат, про гонорары музыкантам, зарплату сотрудников, типа, окупаться надо. А он ни в какую. Знай орет про несоответствие формы и содержания. Ну, они ему по репе настучали да и на улицу выгнали.

– Во пиздец-то... и каков финал?

– Финал прозаичный. Настигло его это самое несоответствие формы и содержания по самое не балуйся. Угодил этот Киллер в дурку. Сидит теперь в палате. Я ради приличия заезжал к нему месяц назад. Сидит в отдельной палате. У окна кровать. Вся правая стена плотно-плотно исписана всякими разными брендами: Gucci, Panerai, Armani, D&G, дохуя всяких разных. Я даже столько не знаю. У каждого бренда логотип пририсован. Пиздец, в общем. А на левой стене все те же самые бренды, только зачеркнутые красным карандашом и поверх всего надпись жирными буквами: Hasta La Victoria Siempre! И Че Гевара нарисован. С сигарой.

Вот так вот. Начал чувак революцию с себя. Интересно, понравилась ему такая революция?

– Да... – Коржавин глубоко затыкнулся. – Ты хоть денег врачам дал?

– Естественно. Сказал, чтобы не обижали, и «франклинами» подкрепил.

– Весело живете, Сергей Сергеич. Может, лакернем сверху эти истории?

– А нехуй делать. Куда поедем? По такому делу нужно ехать или в «Последнюю каплю» или в «Золотую Воблу».

– Давай в «Воблу», ближе.

– Окей.

Через пятнадцать минут кавалькада из двух «Mercedes» и двух машин сопровождения «Porsche Cayenne» остановилась у бара «Золотая Вобла», рядом с метро «Добрынинская». Коржавин и Куропаткин вышли из автомобилей, прошли в бар и сели за столик в углу. За столик рядом села охрана. У Коржавина зазвонил мобильный.

– Да. Да, привет, Настя. Откуда? Из «Сибнефти»? Скажи ему, я в «Джусто», пусть туда подъезжает. – Коржавин отключил сотовый.

– Тоже такую схему используешь? – засмеялся Куропаткин. – Я так же себя в такие дни веду. Говорю секретарше, чтобы те, кому нужен, в «Цеппелин» приезжали, а там специально обученный человек говорит тем, кто меня ищет: в «Кабаре» отъехал. И так по кругу.

– Ага. Пошли все нахуй. Надо отдыхать иногда. Хочется нормально посидеть с другом, попиздеть. Ты, кстати, что под водку? Винегрет?

– Ага. Слушай, Толян, я знаешь что подумал?

– У? – вопросительно промычал Коржавин с набитым ртом.

– То, что все эти гандоны, наши с тобой подчиненные, они же думают, что мы другие совсем. Не как они. Что мы все бренд на бренде, дорогие шалавы каждый день, бермуды-парижи. Вот ты как думаешь, кто-нибудь из тех, кто у тебя или у меня зарплату получает, придет в эту помойку водку с винегретом жрать?

– Ебнулся, что ли? Они рвутся в «Шоколады» с «Мон Кафе». Каталоги модные читают. В дорогих часах разбираются. Вот ты, например, знаешь, какие на мне сейчас часы?

– Мне похуй, если честно.

– Вот. А умение разбираться в марках дорогих часов и автомобилей есть признак низшего социального класса. Ментальное обладание необладаемым.

– На самом деле это правильно. Если они хоть на минуту задумаются над тем, что Мы такие же люди, как ОНИ, что мы так же водку с винегретом употребляем, второй мыслью станет то, что они могут так же наживать и пользоваться такими же материальными благами. Причем без всякого ущерба для себя. А это уже пиздец. Всей системе. Поэтому нужно очень четко детализовывать собственный брендинг. Иначе прорюхают.

– Сто проц. Завтра устрою топ-менеджерам порку показательную. Призову пару и заставлю часы предъявить. Если у кого ниже Baume&Mercier увижу, пизды дам. Скажу, зарабатывают до хуя, а выглядят, как лохи. Портят имидж компании.

– Правильно, Сергеич! В нашем деле чем пизданутей, тем правильной. Пусть боятся. На то они и солдаты.

– Толь, слышь? Летова поставили.

– Епта... У меня аж слезу вышибает... Егор – святой. А помнишь, как мы тогда в «Ладье», а?

Хлопнув залпом по сто грамм, они, не сговариваясь, обхватили головы руками и вперили глаза в стол. Охрана многозначительно переглянулась.

Солдатами не рождаются, солдатами умирают, – разнесся по залу рефрен нетленной песни Егора Летова.

Корпоративные самураи

Я познал, что путь самурая – это смерть. В ситуации «или – или», всегда выбирай смерть.

Янамото Цунэтомо. Хагакурэ

Весело и вкусно, или Зачем нам два филе-о-фиш по цене одного

О машине, называемой корпоративной культурой, об ужасах, творящихся в мультинациональных корпорациях, бесчеловечных боссах и коварных олигархах, пьющих кровь подчиненных, написано много. Даже слишком.

Все подобные рассказы похожи друг на друга, как китайские дети, потому что написаны выходцами из одного социального слоя, компонентами серой массы, ежедневно заполняющей улицы города в 9 утра и 18 вечера.

Здесь пойдет речь о биомассе «нормальных, ахуенских людей». Обо всех этих торговых представителях, агентах, адвокатах дьявола, юристах-канализационщиках, и прочих овцеподобных мэ-э-э-э-э-неджерях среднего звена.

Именно они ежедневно воспроизводят, пестуют, потребляют и доносят до сведения своих «лучших друзей» и просто «интересных собеседников» нюансы своей разносторонней и увлекательной жизни. Жизни, где с 9 до 12 сейлс-план сочетается с обсуждением вчерашнего «нормально так посидели», с 12 до 16 «машка в чате прикольно так пошутила про мишкины фотки» плавно переходит в обсуждение финансовых показателей филиала в городе Торжке, а с 16 до 18 идет непрерывный мозговой штурм, ака «занят, что, пиздец, даже рефрешить форум не успеваю».

Где по вторникам футболян с корешками, по четвергам баня с клевыми девчонками, а по выходным вообще непрерывный духовный макдональдс, с «редкими книгами», просмотром видеофильма «Бумер» и совместное с подругой приготовление спагетти карбонара в перерывах между посещением перформанса «интересного молодого художника» и специального праздничного предложения ИКЕА.

Вот оно, истинное биение пульса жизни. Жизни, в которой всегда весело и вкусно.

КоСые с косами вдоль дорог стоят

Для удобства читателей мы будем называть эту биомассу корпоративными самураями, или КоСыми, что в полной мере отражает суть определения.

Вконец окосевшие из-за ежедневных попыток втиснуть свою угловатую голову в рамки «нормального социума», попасть на единственную вечеринку «актуального диджея», запостить у себя в ЖЖ фотографию «удобных ботинок истинно английского стиля», которые необходимо купить в случае квартальной премии, все эти биороботы придумали для себя и для тебя удобное определение, объясняющее, почему они вынуждены так жить.

Именно они, а не мифические владельцы корпораций или западноевропейские управленцы, придумали термин «корпоративная культура». Потому что если ты каждый день выполняешь определенный набор опорно-двигательных функций, легче всего сослаться на неведомую «корпоративную машину», которая перемалывает тебя, чем признаться в собственном умственном бессилии. Обратной стороной этого выдуманного КоСыми термина является постулат о том, что с «9 до 18 я вынужден работать, потому что... а вот после 18-ти становлюсь самим собой». Ниисбаццо радикальным и фрондерствующим пацаном.

Именно в оборотной стороне кроется противоречие, выдающее КоСых с головой. Потому как и после 18 часов мы наблюдаем в одинаковых заведениях общепита всю эту одинаковую массу, которая так и норовит «ацки отжечь» строем, под аккомпанемент одинакового пива, одинаковых ужимок, шуток типовой застройки и компании плоских телок, будто вырезанных тупыми ножницами из модного журнала.

Армия выходит на улицы городов. Фредди против Джейсона, Матрица против Деревянных солдат Урфина Джюса. Делай с нами, делай, как мы, лучше ты все равно не умеешь. КоСые с косами стоят вдоль всех дорог. Они следят, чтобы ты не сделал лучше.

Таким образом, ежедневно здоровенный голем с 9 до 18 производит продукты массовой культуры, а с 18 до 23 сам же их и потребляет. Змея ежеминутно жрет свой хвост, и со временем уже не понятно, где ее хвост, а где ебло.

Ты каво самураем назвал, сука? или Такие жестокие лифты

Лучшее определение трудно найти. Все эти уебки, состоящие в основном из углерода, являются кастой и имеют все необходимые девайсы и отличительные признаки для того, чтобы быть самураями.

- Генетическая память предков. Именно она заставляет их приходить на работу в 15 минут десятого из-за опоздания ментального автобуса, обедать с двенадцати до половины третьего и покидать рабочее место без четверти шесть в расчете успеть заскочить в уходящий лифт. Потому что лифт и автобус суть один хрен, который в их понимании движется, как и они, по расписанию. Неудивительно, что во многих офисах лифты действительно стали ходить по расписанию. Бытие определяет лифтохождение.

Лифты, лифты, а лифты ка-а-ак лю-ю-ю-ю-ю-ю-ди-и-и-и-и-и-и-и.

Как люди они а-а-адинок... но все-таки лифты так жестоки.

- Коллективное бессознательное. Наследственная боязнь принимать самостоятельные решения привела к безраздельному торжеству коллективного бессознательного.

Для доброго сегуна лучше тысяча преданных самураев, чем один умный. Поддержи друга. Встань в ряд. Плечом к плечу лица не увидеть.

- Униформа. Ну, об этом знают даже ученики вспомогательной школы в городе Звенигороде. Мы как все. А все как мы. Стильная штучка для тебя и подруги. Сеть магазинов Русский Стандарт объявляет о начале мега-акции по распродаже деловых костюмов!

- Один самурай – один господин. Самурай служит одному господину. После смерти господина самурай должен пойти вслед за ним. Это базовое определение. КоСые редко меняют место работы и сидят на одном месте по десять лет. Виной тому опять же генетика. Очень трудно принять самостоятельное решение и поднять жопу для поиска лучшей участи.

Во-первых, это страшно. Ужас потерять гарантированный оклад и 13 метров стеклянного пенала страшнее пистолета. Во-вторых, на новом месте все будет точно так же, а возможно и хуже. У КоСых не любят перебежчиков и выскочек. В чужой сегунат со своей трудовой книжкой не ходи. Бусидо ты мое, бусидо. Кто тебя усеял мертвыми костями?

«Мне жить еще не поздно, а умирать так рано».© ВИА «Корни»

В любом случае путь корпоративного самурая – это смерть. Точнее, смерть – не совсем верное определение, потому, что определение жизни как таковой в данном случае также не существует. Зато имеет место существование в физической оболочке, с определенным набором функций. Их количество ограничено, и полагаться КоСому приходится только на коллектив. Коллектив – это щит для КоСого. Это его меч. Это его миска и коржик.

И весь его message обществу – нести легенду о корпоративной машине, о бесчеловечности корпоративных сегунов и императоров. This game has no name. Наебка без конца и начала. Пока живы КоСые – они будут поддерживать этот миф. Исчезнет он – исчезнут и они, «нормальные, ахуенские люди».

PS: Далее мы подробно изучим приемчики КоСых, выявим все их гнойные признаки и уебищные постулаты.

Возможно, прочитав этот текст, ты взглянешь на многих своих знакомых другими глазами.

Интересно, как некогда близкие тебе люди оказались такими сучарами, да?

Измени свое сознание.

Коллективное бессознательное

– Вот, например, ты пишешь: «коллективное бессознательное». А ты знаешь, что это такое?

Татарский пошевелил в воздухе пальцами, подбирая слова.

– На уровне коллективного бессознательного, – ответил он.

– А ты не боишься, что найдется кто-то, кто знает отчетливо?

Виктор Пелевин. Generation Пи

В отличие от товарища Татарского мы отчетливо знаем, что такое «коллективное бессознательное». Данная идиома, безусловно, порождена всей этой массой «нормальных, ахуенских людей». Она стала базисом для поведенческих норм и механизма принятия решений у КоСых. Вся проблема в том, что люди, составляющие прослойку «ответственных менеджеров среднего звена», не умеют думать. Есть, пить, ходить, говорить, умеют, а вот думать – нет. Это врожденный инстинкт. Он проявляется у «нормального» человека,

примерно на 18-й день после рождения. Вторым врожденным инстинктом является боязнь принятия самостоятельных решений. Обычно он включается в 10—12-летнем возрасте условным кодом в виде шифрограммы, ака пословицы «одна_голова_хорошо_а_две_лучше». С этого момента проблема приобретает катастрофический характер. Через какие-то пять лет социум получает очередного КоСого.

Казалось бы, чел, пораженный двумя такими ужасными недугами, обречен на пожизненное склеивание коробков Балабановского ПлитСпичПрома. А хуй бы там!

КоСые решили для себя и для вас эту проблему. Они придумали систему «коллективного принятия решений» и «коллегиальную ответственность». В практическом плане это означает, что в переговорной на «менеджмент-митинг» собираются 10—15 долбоебов и с серьезным видом обсуждают проблему покупки новой мебели желтого цвета, который способствует улучшению работоспособности, или обязательной выдачи всем сотрудникам корпоративных носков для формирования командного духа.

Серая масса вырабатывает серые решения. В любом случае предложившего очередную бредовую новацию найти не удастся, как не удастся найти ответственных исполнителей и людей, отвечающих за израсходованный на это бюджет. Коллективное решение. Коллектив – наше все. Все наше – коллектив. От каждого по идее, каждому по еблу. Рука руку моет. Руку рука видит издалека.

Такая форма круговой поруки выработана КоСыми для создания нерушимого купола над зданием собственной бездарности. Окружающим, правда, это преподносится несколько иначе. А именно: у нас босс самодур и придурок, тупица. Ему никогда ничего нельзя объяснить. Вот поэтому мы ему коллективно объясняем.

Воистину. Босс, конечно, полный кретин, но, в отличие от КоСых, он когда-то принял самостоятельное решение, выбрав из немногочисленных вариантов и предугадав развитие событий. Попасть в дамки либо попасть в принципе. Бэзусловно, некоторые клоуны напишут мне: слы, типа, в России все капиталы пизженные, никаких заслуг их владельцев и никакого ума в том, чтобы спиздить, нету.

Ответ неумолим, как гандон с водой, который падал вам в школе на голову, – даже для того чтобы спиздить, необходимо, сопоставив перспективу отсидки на зоне с переспективой нажать денег, – принять самостоятельное решение.

Вот поэтому одни, типа, олигархи, а другие, типа, живут в квартирах гостиничного типа.

Плоть от плоти коллективного бессознательного все эти тупорылые, как железобетонный дот времен финской войны, определения:

«менеджмент-митинг» и «менеджмент-аутинг», «брейн-сторминг» и «освоение рекламного бюджета».

Про менеджмент-митинги, результаты которых, как правило, воплощаются в стоящие перед офисами менеджмент—AUDИнги, все понятно из написанного выше.

«Брейн-сторминг», ака «мозговой штурм» в условиях Среднерусской возвышенности выглядит примерно так:

Ведущий

: Граждане, перед нами стоит проблема привлечения новых клиентов. Мы собрались, чтобы с помощью брейн-сторминга выработать коллективное решение данной проблемы.

(

Собравшиеся начинают дружно галдеть, кто-то предлагает : «Нужно дать объявление в газете „Из рук в руки“!»)

Все дружно

: Нет, не то. Нужен креативный подход.

Ведущий

: Правильно. Больше креатива! Итак, чем же нам поймать новых клиентов?

Кто-то

: Сочком!!!

Ведущий

: Каким сочком?!

Кто-то

: Яблочным! Нет... лучше апельсиновым, вот!

Все дружно

: Да, да, именно апельсиновым! В крайнем случае томатным!

Ведущий

: Отличная идея! Определяем бюджет!

Словосочетание «освоение рекламного бюджета» мне всегда нравилось. Это целину можно освоить, или заповедную тайгу, при чем тут бюджет?

А при том при самом. Допустим, нормальному бренд-менеджеру нормальной мультинациональной компании головной офис выделяет нормальной такой бюджет. И все в нем хорошо. И клиентам хватает, и бренд-менеджеру процентов 15 спиздить хватает. Одно плохо. К концу ноября, когда большая часть денег уже потрачена на серые «креативные» промоушены, а все, что можно было более-менее правдоподобно спиздить, спизжено, остается тысяч 50–70 грина, не_пришей_кобыле_хуй.

Потратить с обоснованием невозможно. Оставить непотраченными – смерти подобно (ибо тут вступает в силу вышеупомянутая генетическая память предков,

живших при Госплане. Сэкономить в этом году – в следующем дадут бюджет меньше на сумму сэкономленного. Раз ты такой умный – вертись, как падла.).

И в этот момент быстренько заказывается «исследование потребительского спроса» или «анализ рынка» у авторитетной компании «Пиздапроебов и сыновья». Бренд-менеджер едет в офис компании – «ведущего игрока на рынке анализа потребительского спроса».

В офисе его встречают:

- менеджер проекта – подслеповатый молодой человек гомосексуального вида а-ля танцы рахитов в Пражском гетто во время инспекционного визита Ганса Франка;

- жирная тупая телка – креативный директор, с обрезанными под корень ногтями и пальцами как останкинские сосиски;

- референт леночка-танечка-анечка, с глупым лицом и перманентным овечьим смехом.

Креативный директор сразу выпаливает заученную скороговорку:

– Бюджет, ресурсы, время исполнения, легенда? Бренд-менеджер отвечает так же заученно:

– Мэ-э-э-э-э-э-э-э...

– Все ясно. Доверьтесь профессионалам.

Далее верстается отчет. В нужные графы подставляются цифры, полученные на основе анализа: палец_пол_потолок. Бюджет освоен.

На основании этого отчета делаются бессмысленные выводы и вырабатывается стратегия на будущее, за которую не глядя можно расстреливать как за вредительство. В случае провала (а другого варианта не будет) бренд-менеджер всегда прикроется отчетами таргет-груп и репрезентативными выборками на основании опроса миллиона покупателей (в оригинале весь репрезентатив – это Коля спросил у Маши, нравятся ли ей прокладки «Always», но Маша приехала из колхоза, там вата решает).

Если против коллективного решения есть какие-то варианты борьбы, то против многомиллионной аудитории покупателей (домохозяек, посетителей рунета, нужное подчеркнуть) вариантов нет. Круг замкнулся.

Владелец компании, оставшись один в кабинете, еще раз перелистывает отчет и говорит одну фразу: мерзость, бяка. Подчиненные, конечно, бездарны и тупы, но других система не производит. Уволишь их, на смену придут КоСые йцукены с еще более плоскими рожками и еще более продолжительными «мэ-э-э-э-неджмент-митингами».

Пучина коллективного бессознательного поглотила тебя в один момент.

Генетическая память предков

Скелетрон (показывая пальцем на человека, одетого в черные брюки, белую рубашку и жилетку):

– А можно у этого официанта заказать еду, или он только напитки носит?

Амиго:

– Это не официант, это подонок.

Скел:

– А чо он одет как официант?

Амиго:

– Генетическая память предков.

Скел:

– Да?... Интересно...

Диалог на тусе в Авилоне

Глупо полагать, что атрибуты поведения, образ мысли и манеры приобретены КоСыми в «жестоком современном мире». Каждая приклеенная улыбка, каждая многозначительно сказанная вслух тупость, каждый фальшивый жест есть элементы врожденные, а не благоприобретенные.

В каждом из нынешних КоСых живет токарь электромеханического завода Иван Иванович Нефедов, председатель завкома Михал Михалыч Кондратьев или Семен Семеныч Давыдов, инженер из Госплана.

КоСые не появились «вдруг». Они не выскочили из ниоткуда, как пресловутый черт из табакерки. Или вы думали, они прямо тут родились? На своих рабочих местах? Или это какая-то новая формация, которая «понемногу сама вышла из обезьянки»? (

Лев Кассиль, «Кондуит и Швамбрания»

)

Вся эта многомиллионная армия мэ-э-э-э-недже-ров – легитимный наследник той массы, которая когда-то называлась «многомиллионной армией трудящихся», или «единой общностью великого многонационального советского народа».

Как будто верховный сисадмин сделал сору нескольких десятков миллионов «счастливых граждан первого государства победившего социализма» и затем, через пятнадцать лет, нажал paste, переместив, таким образом, целый пласт народонаселения, в наше время, выдав каждому в качестве upgrade джинсы Levi's. Вот такой получился интерфейс. Дружественный и весьма неприхотливый.

И через пятнадцать лет дефицитная серия книг «Жизнь замечательных людей», с корешками, подобранными под цвет обоев, материализовалась в квартире современного КоСого в виде коллекции домашнего видео, состоящей из «интересных и редких фильмов», гдээровский гарнитур «Хельга», купленный по записи, превратился в автомобиль «AUDI» 1997 года выпуска, в хорошем состоянии, с автомагнитолой blaupunkt. История, как известно, развивается по спирали.

Ничто не сравнится с генетикой

...all the flowers that you planted, mama,
In the back yard
All died when you went away.

Sinead O'Connor. Nothing Compares 2u

Да нет, хрен они когда умрут. Все, все цветочки, мама, любовно посаженные тобой на этом адском компосте, взошли. А скоро и ягодки пойдут. И какие! Одна к одной, как из теплицы.

Именно Михал Михалыч и Иван Ивановы, живущие в КоСых, каждый день гонят их толпой, как стадо антилоп на водопой, на обед с 13 до 14.30, заставляют их в 17.30 надевать пальто, в 17.45 гасить в кабинете свет, а в 17.50 уже выходить из здания («а чо, бля, я им нанялся перерабатывать?»).

Благодаря генетической памяти предков, всех этих «принцев Госплана» и «виконтов завода электромоторов "Динамо"», КоСые без труда образовали корпоративный социум, ничего не придумав нового, а лишь видоизменив доставшуюся от предков базовую платформу.

Как только КоСой попадает в своей карьере хотя бы на одну ступень выше торгового представителя и третьего заместителя второго помощника Хозу, с ним начинают твориться удивительные вещи.

Появляется страсть к «заседательству». Непрерывные совещания, доклады, анализы прошедшей активности покупателей на майских праздниках, отчеты о проведении промо-акции по продвижению новых аудиоплейеров в пансионате для людей с ограниченным слухом. КоСой никогда не может решить ни одной самой пустяковой проблемы по телефону. На простой вопрос «как быстрее доехать до вашего склада?» ты получишь двухминутную паузу в трубке – в это время КоСой подгружает в мозжечок соответствующие системные файлы. Итогом разговора явится стандартное:

– Давайте назначим с вами встречу в моем офисе послезавтра, в 15.42. И все обсудим.

В речевых оборотах появляются все эти рудименты прошлого советского чиновничества – вместо семи вечера говорить «девятнадцать» («Я приеду к вам, уважаемый, в девятнадцать ноль две»), назначать встречи в «шестнадцатьдаццатьдве» (хотя логичней было назначить в 16.20 или 16.30), бесконечные связующие речь слова—паразиты: «так сказать», «собственно говоря», «в общем-то» и тому подобный мусор.

Именно благодаря такой генетике в России прижилась и видоизменилась до самых уродливых форм корпоративная система со строгим «табелем о рангах», «дресскодом» (это понятие пришло не из клубной жизни, как считают некоторые чудаки), ежедневными планами и ежедневными же отчетами, вечными заманухами в виде годового бонуса, начисляемого по схеме $\text{bonus} = 80\% \text{ of annual sales plan} \times 13,44 / 22,80 = \text{ХУЙ}$.

У людей, которые сами были пионерами, октябрятами, чьи родители ходили на партсобрания и посвящали свои жизни «годам комсомольской инициативы», не могло быть по-другому. Оказавшись в вакууме постперестроечного времени без таких привычных и всеобъемлющих понятий, как «комсомольская организация», «собрание трудового коллектива» и прочих факторов, которые заставляли бы сплачиваться и ходить на работу под грузом очередной идеи для овец, – часть социума быстро нашла себе замену в виде так называемой корпоративной культуры.

Очевидно, что никакие американские менеджеры не насаждают и никогда не насаждали драконовских законов офиса, никогда не культивировали бессмысленные пятичасовые собрания ППР (посидели-попиз-дели-разошлись), коллективные дни рождения секретарши Вали в офисе с 18 до 23 и т. д.

Все это воплотили в жизнь в особо извращенной форме офисные маньяки-чикатилы для того чтобы не чувствовать себя бесконечно одиноко без такой родной и генетически близкой комсомольской организации, без собраний трудового коллектива и прочей ереси.

Налицо метод замещения шоколадки «Аленка» корпоративным сникерсом.

- Меняю свое мыло на ваше шило, чтобы проколоть себе голову.
- Меняю свой мяч на вашу гирию. Голове не привыкать. Для связи

(©

Газета корпоративных объявлений «Из рук в протезы»

)

Вот такой милый мутант получился. Смесь беспросветного советского мещанства с извращенной эстетикой западных корпоративных клерков-педофилов. Этакий коктейль Микояна из докторской колбасы, абонемента на «Трех мушкетеров» и очистителя воздуха «Smells like mature post» в виде червивого яблока.

Ваше здоровье...

От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича

Я отдаю свое предпочтение тем, кто честно работает с 9 до 5, за зарплату по труду, за социальные пакеты, за все, что делает эту жизнь переносимой.

Амур Гавайский

В доказательство того, что КоСые выросли на советском навозе, нельзя не обратить свой взор на так называемую «интеллектуальную иммэ-э-э-э-э-грацию», которая и за окяном демонстрирует нам повадки, аналогичные нашим отечественным КоСым.

Самое смешное, что и вдали от родины, оказавшись в изоляции от основной серой массы с обостренным «чувством локтя», наши герои ухитряются создавать оазисы «ударников капиталистического труда».

Известная шахта-юмора о жителе Брайтон-Бич, который в ответ на вопрос: «А как там, в Америке?», пизданул: «А мы туда не ходим!», рассказывающая об удивительной особенности советских людей воссоздавать вокруг себя милую сердцу Жмеринку, раздулась до невероятных размеров. Это уже даже не шахта, а целый горноперерабатывающий комбинат.»

Переработаем пионерские горны в высококачественные брелки для ключей от капиталистического счастья».

Какое-то время назад так называемые «интеллектуальные беглецы» перебрались от «ужасов тоталитарного режима» в «свободное демократическое общество». И теперь эти аптечные ковбои получают по две тысячи грин в месяц и думают, что они охуительно всех наебали.

Все их бесконечные поучения о том, как нам обустроить страну, рабочее место, туалет на даче, разглагольствования о системе либеральных ценностей мы слышим ежедневно.

Интересно, что же такого они выбрали для себя из этой пресловутой системы?

Право собраний, вероисповеданий, гражданских свобод?

Выбор оказался гораздо прозаичней: бигмак, Памелла Андерсон и рождественские распродажи.

Своя рубашка ближе к астральному телу.

А вечные бредни о тоталитарной пропаганде в СССР рухнули сами собой, когда началась война в Ираке. Мы помним, как некоторые здешние четатели и песатели с жаром рассказывали нам о высоком смысле миротворческой операции США. С таким жаром, что товарищи из отдела пропаганды ЦК КПСС долго и продолжительно аплодировали из своего загробного далека.

Гены очень быстро вспомнили дефицит видеоманитофонов «Электроника-302» и собрания комсомольского актива завода. В сознании КоСого, подобно иллюминации «Мир-Труд-Май» на

Калининском проспекте, вспыхнули кодовые слова: через пять лет новый холодильник – через десять кооперативная квартира – через пятнадцать кооперативный макинтош на погосте.

Уехать из страны Леонида Ильича Брежнева в страну Леонида Ильича Буша без изменений в психике и окружающей действительности – это ли не вечная молодость? А главное, никаких имплантантов.

Круг снова замкнулся. КоСые двинулись по планете, оставляя после себя дымящиеся руины сознания.

Спонсор рубрики:

ЗАО «Давид и сыновья» – Прибор для художественного выжигания «Школьник»: От пепелища к пепелищу.

(Вариант для интернациональной рекламной акции: Дэвид Боуи, одетый паяцем, выжигает бластером мозги окружающим под размеренную мелодию «Ashes to ashes».)

Булимия сознания

Действительно, многие миллионеры ходят в рванье и ездят на дешевых машинах – но чтобы позволить себе это, надо быть миллионером.

Нищий в такой ситуации невыразимо страдал бы от когнитивного диссонанса, поэтому многие бедные люди стремятся дорого и хорошо одеться на последние деньги.

Виктор Пелевин. Generation Пи.

В России нет среднего класса. И все, что тебе когда-либо говорили о его наличии, – полный пиздеж.

В России всего три класса населения:

- Очень бедные люди. Не такие, конечно, как в Нигерии, которые в картонных коробках живут (в картонных коробках жить у нас климат не позволяет), но все-таки очень бедные.

- Очень богатые люди. Не такие, конечно, как в США, которые Майкрософтами владеют, а гораздо богаче. Они владеют нефтью, газом, а также «несут тепло и свет».

- И еще есть люди, которые вроде как гораздо богаче очень бедных, но, с другой стороны, гораздо беднее очень богатых. Они, по идее, и должны быть тем самым пресловутым средним классом.

Но парадокс в том, что они им никогда не станут, ибо страдают страшной, практически неизлечимой болезнью – БУЛИМИЕЙ СОЗНАНИЯ. Это когда мозги человека раздуты до такой степени, что он уже адекватно не осознает свое истинное положение в социуме.

Как вы уже догадались, основную массу этих больных составляют КоСые. Они насмотрелись на своих богатых владельцев и наслушались передаваемых из уст в уста корпоративных баек о том, как «Василь Николаич нажрался в Ritz Vandome и кинул в халдея свой золотой Vacheron Constantin – хуяк, и сорок пять косарей вдребезги!». Помнишь, как тебе в пионерлагере рассказывали страшные истории о «синей руке» и «красном глазе»? Так и тут. Восторженная аудитория кричит: «WOW! Сорок пять косарей об стенку! Крутой мужик!» С этого момента у больного проявляются первые симптомы.

С этого момента начинается неотвратимый, как первый триппер на институтской «картошке», копи-пейст своего босса: речевые обороты, одежда, жесты, предметы быта.

Начинают входить в обиход такие милые сердцу каждого КоСого понятия, как «глазастый мерин 1996 года выпуска в хорошем состоянии» и бельгийские часы известных марок (хорошие копии. Гарантия). О часах можно писать целые книги. Ну ладно если бы люди покупали себе фейки таких моделей, как BVLGARI ALUMINIUM, LONGINES, PANERAI LUMINOR в конце концов, – то есть марки, чья реальная цена хоть как-то соотносится с заработками их владельца. Нет, блядь, дешевка, стоят – пятак, а если еще и скидка в Mercury, то и три пятьсот, в пизду позориться. На заскорузлую руку напяливают Breitling, Muller, Silberstein, Breguet. Охуеть! В Москве ежедневно повторяется один и тот же сюжет для взрослого «Ералаша», когда одетый на косарь чувак носит на руке часы, реальная стоимость которых должна составлять 40–50 тысяч американских долларов.

Общество «Рисовальщики без границ»

I've been looking so long on my pictures of you, that I almost believe,
that they're real

The Cure. Pictures of you.

Вы замечаете, что директора ресторанов, принадлежащих Аркадию Новикову, перестали носить галстуки? Что они стали так же, как Аркадий, приседать на корточки у столиков с олигархами? Завели себе такие же снисходительные улыбки, радушные итальянские жесты. А фразочки эти! Уже никто не говорит: «У меня на работе». Отовсюду слышится: «В моем ресторане, в моем магазине». Всю Москву в миг наводнили акционеры. Дольщики без страха и упрёка. Фуфельные олигархи. Все на показ, внутри – ноль.

Типичная сцена: в ресторане проходит деловая встреча директора и менеджера по продажам кофе. Оба без галстука, если лето – то в джинсах и турецком Tod's на ногах (если это девушки, то еще и с левыми сумками Louis Vuitton). Полчаса идет демонстрация предметов, составляющих смысл жизни современного КоСого:

– Клевый у тебя костюм!

– Ferre, в Милане покупал (Китай, рынок ЦСКА, там телка знакомая с Турляндии возит). А у тебя часы, я смотрю, новые.

– Да, неплохой Silberstein, знакомый привез из Франции, за семерку (истинное происхождение часов смотри выше).

Причем оба знают об истинном происхождении предметов на собеседнике, но все равно отвешивают друг другу комплименты, где-то в глубине души допуская мысль о том, что все это настоящее (где ж он, сука такая, денег-то спиздил на родной?). После «лохфейкпарада» начинаются базары о природе и погоде, и ярмарка тщеславия заканчивается. О бизнесе, заметим, речь и не заходит.

Менеджер садится на ворованную «А-6» с перебитыми номерами и едет домой, в съемную однокомнатную квартиру в Марьино. Директор отодвигает штору у окна, дабы в пятнадцатый раз убедиться, что поставщик не сменил машину, удовлетворенно хмыкает и садится в такую же, с помятой дверцей (накануне помяли на парковке) – и едет домой, в такую же квартиру, но в Химки. Через два часа в разных концах города практически синхронно открываются две пачкипельменей «Дарья», этой скромной трапезы «олигархов по амбициям». Оба наши героя синхронно думают про Олега Тинькова, владельца этой торговой марки. Синхронно произносят: «Ну ничего, мне всего 28 (29, 30, 35 – нужное подчеркнуть)». Еще один день удался. Рисанулись.

Завтра снова в машину – и в город. Калейдоскоп одинаковых картинок. Общество «Рисовальщики понтов без границ».

Ездят КоСые так же, как и их хозяева. Подрезают, хамят и проч. Булимия прогрессирует. Они уже сами верят в то, что сзади две машины прикрытия, спецномера, мигалки и прочие девайсы. Их

наказывают не раз, ставят на бабки (ведь при разборке на дороге из несуществующего джипа не выйдет охрана и не наберет управление делами президента). Но даже это их не лечит.

Вообще, машины КоСых – это сплошные «именины сердца». В Европе хорошо оплачиваемый клерк не купит «Мерседес». Может, но не купит. Дорог в обслуживании, плюс бензин, да и не по статусу. Купит он «японку» или еще что-то. «Мерседес» – машина для богатых. В России возможность визуального переезда в более высокий социальный класс творит чудеса. «Мерсы», «Ауди», БМВ. Хрен откуда, хрен знает как растаможенную, перебитую, ворованную, убитую, лишь бы заветный логотип на радиаторе. Хоть с адыгейскими номерами. Олигархи, блядь. Адыги!

В России никто не хочет быть клерком, все хотят быть Абрамовичем. С «Брабусами», охраной и непременно ФК «Челси».

Болезнь захватывает все слои КоСых. Спустишь в метро. От сумок Louis Vuitton в глазах рябит. Тоже перебитых. С адыгейскими номерами, хе-хе. Фейк. Все фейк.

Бабы в кофейнях обсуждают мифических любовников-нефтяников, мэ-э-э-э-неджеры по свету и звуку считают Путина своим личным врагом, потому что он закрыл НТВ, а «у нас там такие клевые корпоративные вечеринки были». То, что при этом его Киселев наебывал три года, он молчит. Как же, Киселев – «олигарх», а Путин личный враг.

- Смотри, какой «Порш Кайен» поехал!
- У меня маза взять такой за сто косых.
- О, заебись, а чо там внутри?

«Порше», блядь. «Кайенн». Тебе завтра на мэ-э-э-неджмент-митинге такой поршень в жопу вставят. А ты на «порши» фтыкаеш. Иди, бля, работай.

Олигархи не работают. У них доля.
Пораженная булимией лобная доля...

Однажды в Алкосити случился очередной вал заказов. Обе машины с зари на линии, клиенты телефоны рвут, создают косяки и непонятки. В общем полный пиздец.

Приходит ко мне Спиди-Гонщик и говорит таким хорошо поставленным голосом:

– У нас пиздец. Все машины в поле. Все офисные легковые тоже убали. Остался только твой водитель.

– Мой водитель натурально не может клиентам товары возить, – говорю я. – Он если его кто обидит, может по ебалу всяко дать и в накладных может запутацо сто процентов.

– А чо делать-то? Езжай тогда с ним, – говорит Спиди (простота точка ру).

– А ты сам с ним езжай! – предлагаю я.

– Не, я не могу, работы до хуя (типа, слы, пока ты тут с утра до ночи дурака валяешь, некоторые работают!).

Ну, я репу почесал, посмотрел на суммы заказов, прикинул, что в принципе всего три заказа – хуйня, все рядом. Да и с работой курьеров заодно ознакомлюсь.

– Хуй с тобой, – говорю, – давай документы, поеду. Деньги пропадают.

Беру документы, адреса, чеки. Спускаюсь. Сажусь в «глазастый» и еду по клиентам.

Нью ехспириенс, короче...

Приезжаю на первую точку, в Центр международной торговли. Офис клиента на 15-м этаже. Заказ – 20 бутылок примерно на 400 грин. Решил показать себя качком, взял две коробки, благо не очень тяжелые, и пошел. Минут десять препирался с охраной, доказывая, что я не шахид. Показывал накладные, открывал коробки, а охранники подозрительно смотрели на меня своими бараньими глазами и делали вид, что не ебацо бдительные чуваки. Созванивались с офисом, выясняли про заказ, все дела. Ну я-то тоже идиот, прямо от дверей спросил у этих дебилов: «Где здесь Дума?». Пошутил, типа.

В итоге впустили. Поднимаюсь на нужный этаж, захожу в офис. Говорю: я, типа, курьер из Алкосити, привез вам вино. Заберите и лаве давайте. Мне секретарша говорит: сейчас, мужчина, к вам выйдут. И вышел. Еблан, каких мало. Худосочный обсос, лет двадцати четырех, в стодолларовом, лоснящемся костюме, начищенных ботиночках «I wanna be Gucci man» с пряжками, и с галстуком-селедкой, узел с булавоочную головку. Между нами говоря, завязывать галстук маленьким узлом – это все равно, что прилюдно признаться, что у тебя член маленький.

Маленький узел – это просто пиздец. То редкое блядство, которое встречается у советских служащих, китайских бизнесменов и российских клерков. Короче, не вяжите галстук маленьким узлом. Узел должен быть большой. Не будьте китайцами, будьте итальянцами. Или просто галстук не носите.

Хуй с ним с галстуком, короче говоря. Выходит этот мудака, смотрит на меня сверху вниз, театральным жестом смотрит на часы Seiko за 35 долларов с треснутым уголком циферблата. Смотрит и говорит натурально:

– Молодой человек, можно я вам сейчас одну вещь скажу?

– Да, конечно.

– Вы знаете что? Вы всегда будете работать курьером. И знаете почему?

– Нет, не знаю, расскажите.

– Вы опоздали на полчаса (смотрит на часы). Я деловой человек (смотрит на часы). У меня нет лишних тридцати минут времени (снова смотрит на часы). А у вас есть. Это значит, что вы ни своего времени не имеете, ни чужого не уважаете. Вот поэтому я – человек бизнеса. А вы всегда будете работать курьером.

Первым моим порывом было послать этого щенка в стиле «мои часы стоят больше, чем ты сам, мерзость, бля, скотина». Но подумав, что если человеку неясен message в виде дорогого костюма и часов Panerai, то и бисер метать без мазы. Лучше затупить.

Я это дело слушаю и понимаю, что подобной сцены даже в кино не видел. Меня начинает тихо-тихо колбасить от смеха. Я беру у этого мудака деньги и говорю:

– Начальник, натурально на чай хотелось бы.

Лицо этого мэ-э-э-неджера начинает покрывацца пятнами, он сует руку в карман и достает оттуда две мятые десятирублевые купюры.

– Добавить бы надо! Обычно полтинник дают, – мычу я, с трудом сдерживая приступ хохота.

– Это необходимое достаточное, – говорит он (как вам уже известно, КоСые предпочитают весьма вычурную речь, изобилующую чужими цитатами). – А вы мне до конца коридора коробки не поможете донести?

– У нас доставка только до дверей, – хамским тоном говорю я, разворачиваюсь, иду к выходу и так, чтобы он услышал, пою: «Тебе повезло, ты не такой, как все, ты работаешь в офисэ-э-э-э!».

В лифте я от гогота сполз по стене. Лет пять так не смеялся. Сел в машину, рассказал все водителю, ржали, как кони, еще минут десять.

Теория КоСых блестяще подтвердилась на практике.

Приехали на следующую точку. Звоню бабе, заказчице. Говорю, вино приехало.

Она, мол, где ваша машина, я, типа, у подъезда жду, встречаю. Я говорю – «Мерседес» с глазами. Баба нас видит, подходит и с оттопыренной челюстью говорит:

– Нормально у вас курьеры зарабатывают! На таких машинах вино возят!

– На метро-то не довезешь 20 коробок! Приходится на машине ездить.

Баба все понимает и ржет. Мы с водителем выгрузили ей вино, она дала денег, тысяч тридцать и еще мелочь какую-то. Ну, я крупные купюры пересчитал, выдал ей чек и, попрощавшись, сел в машину. По дороге пересчитываю мелочь: ста рублей не хватает. Вот сука – обсчитала, нагрела, скотина, на сотку.

Переживаю, конечно, что лоханул. Смотрю адрес следующей доставки. Фамилия клиента: Шниперсон Арон Лазаревич. Ну, думаю, если я к нему сейчас сам поеду, он меня запросто на ВСЕ деньги обсчитает. Говорю водителю:

– Вить, ну его, этого Шниперсона, давай ты сам довезешь, у меня сейчас встреча в офисе (как же, встреча, ясен пень!).

– А ну как я его фамилию не выговорю? Он же обидится.

– Ничего, переживет. Нас сегодня уже обхамили, обсчитали. Если мы его обидим, сам будет виноват.

Приехал я в офис, сдал деньги в кассу, попил кофе. Вроде успокоился. Хреновый из меня курьер. Такой курьер, что не дай бог никому. Ну его, не буду больше курьерить. Мне одни убытки да нервное расстройство.

А вам, граждане, вот что скажу. Давайте курьерам на чай нормально. Не хамите. Курьеры возят вам всякие полезные штуки по морозу, пока вы в офисе гиподинамию наживаете. Курьеры – очень хорошие и ранимые люди.

Не обижайте курьеров. Берегите их.

Курьеры – наши друзья.

Снобизм – 100 % pure

Я сидел 30 декабря 2003 года в баре «ШаляпинЪ» гостиницы «Метрополь». Встреча сорвалась, на часах было пять вечера, я взял журнал «Меню», заказал сто пятьдесят коньяка и сигару. Слушая игравшее в фойе фортепиано, я пил, курил и бесцельно пялился на

окружавших меня людей, упиваясь состоянием безделья и возможностью провести остаток вечера, не срываясь по трем адресам сразу.

Мое внимание привлек мужчина лет сорока пяти, в дорогом синем костюме в тонкую полоску, белой рубашке без галстука и сигарой в руке. Он неспешно разговаривал с собеседником, сидевшим ко мне спиной и невидимым за высокой спинкой кресла, манерно курил сигару и постоянно перекидывал ногу на ногу. Исходя из коротких носков и кокетливо наброшенного на шею белого шарфа лейблом вверх, я сделал вывод, что сей коротконосочный денди приезжий. Ибо белые шарфы позволительно накидывать на шею только латиноамериканским гангстерам либо грузинским ворам в законе. И приезжий видимо издалека, судя по грубоватым пальцам рук с неровно стриженными ногтями, которые суетливо стряхивали с сигары пепел, низводя ее до уровня дешевой папироски.

Я еще какое-то время наблюдал за этим заезжим олигархом с налетом снобизма, как вдруг у него зазвонил сотовый, он бросил сигару в пепельницу и галопом понесся к выходу.

И на память мне пришел один очень точный образ из «1979» Кристиана Крахта. Когда герой приносит из кухни чипсы Frito Lay и пересыпает их в вазу Lalique. Чипсы за доллар в вазе стоимостью 800 евро. Очень верная карикатура нашему сегодняшнему состоянию. Дешевое содержание в дорогой упаковке. Фейк, подъебка под... ненастоящее, одним словом.

А что такое настоящий снобизм, господа? Снобизм в высшем его проявлении. Снобизм на уровне молекулярного состояния, так сказать.

Это умение в любой ситуации «давать барина». То есть в любую жизненную секунду распорядиться временем по собственному желанию, придавая потоку мыслей и движений плавный, размеренный характер.

Снобизм – это способность несмотря ни на что не спеша выкурить сигару вместо вечной «сигареты-на-бегу»: курить, бесцельно пялясь на кольца дыма, уходящие под потолок, и иногда ронять в тяжелую металлическую пепельницу аккуратные серые цилиндры пепла. Курить, прихлебывая пахнувший мокрым дубом и ванилью коньяк. Именно прихлебывая, а не «дегустируя», воздавая, таким образом, должное выражению «полный глоток счастья». Причем в этот момент совершенно не важно, какой будет коньяк – «Nine Antique» или тривиальный «Армянский» (в условиях Средне-русской возвышенности последний даже предпочтительнее). Важна процедура.

А вот сигара все-таки должна быть хорошей. Потому что небрежно выдержанный коньячный спирт и небрежно скрученная сигара из плохого табака – две большие разницы.

После сигары душа требует кофе. Нет, господа, не того дерьма под маркой CARTE NOIR, который какой-то особо циничный пройдоха бренд-мэ-э-э-неджер (прости Господи) окрестил «элитным кофе». Кофе настоящего, сваренного в турке, который ты аккуратно нальешь в чашку и с первым глотком поймешь, что изначальный коан «суета сует» верен.

И что обжигать себе пальцы по утрам, плеская кипятком из электрочайника в бурю горку субпродукта в чашке, совершенно не обязательно.

Методичное исполнение древних ритуалов сибаритов и эпикурейцев приведет тебя к мысли, что на утренний подъем и завтрак надобно тратить пару часов, а не двадцать пять минут. И делать это лучше всего под аккомпанемент классической музыки. Желательно Верди, а еще лучше Леонкавалло (как правильно написал давеча Сфинкс, это должны быть «Паяццы»). А обедать следует все-таки в гостиной, а не в модном ресторане. Непременно с супом, налитым в глубокую тарелку старомодным половником из монументальной фарфоровой супницы с альпийскими пейзажами.

Жонглируя такими рассуждениями, ты непременно придешь к логическому заключению о том, что живешь неправильно и весь этот непрекращающийся макдональдс духа нужно закрыть. Иначе жизнь необратимо превратится в один непрерывный выкрик: «свободная касса», с непродолжительными перерывами на богомерзкие ланчи и сигареты второпях.

И настоящий снобизм – это не последняя модель мобильного, а счастье такового не иметь в принципе, не японский минимализм с лампами «рисовая бумага из Икеи», а классическая, тяжелая, чуть потертая кожаная мебель, не быстрый просмотр новостных ресурсов с ультрамодного лаптопа, а неспешное прочтение утренних газет. А лаптоп лучше в печку.

Хочется быть консерватором в хорошем смысле слова. Выезжать в театр и оперу, вместо групповых просмотров «редких видео» проводить больше времени на природе, удивленно поворачивая голову на визг мобильного у кого-то в кармане. Хочется обстоятельности. Хочется «давать барина». Тогда и депрессий не будет и похмелья по раннему утру. Ибо утро, как и ночь, не будет ранним или поздним. Оно будет вовремя. Тогда, когда тебе этого захочется.

В этом и есть истинный снобизм.

Но мы, граждане, всей этой радости лишены, потому что имеем по пять емейлов и по паре сотовых номеров, а дома – ноутбук и домашний кинотеатр. Видимо, не доросли еще. Или не заработали на истинный снобизм. На распоряжение временем по собственному разумению.

Но все вышеописанное, скорее всего, воплотят в жизнь очередные ушлые ебланы, которые откроют ресторан, где не будет Wi-Fi, японского минимализма и возможности пользоваться мобильными телефонами. А будет хороший кофе, неспешные метрдотели, приглушенный джаз и бефстроганов с картофельным пюре вместо ангусбифстейка.

Только счет в таком заведении будет не привычная сотка-полторы, а косарь.

А что? За счастье быть Обломовым нужно платить. Не каждый же день ты имеешь возможность быть эпикурейцем.

Размеренность... вот чего нам всем не хватает.

Епта! У меня же вызов неотвеченный! Охуеть! Из Цепы звонили, там тусняк сегодня, Соник приезжает. Надо успеть еще на встречу перед этим, и опять пробка на Садовом. Ну я погнал, увидимся, приятель!

Как я все это ненавижу... И себя в этом всем...

ТТ®. The Тёлки

– А что это за милые девушки нам улыбаются?

– Это? – Собеседник лениво поворачивает голову. – Это бляди, Володенька.

Из разговора двух состоятельных мужчин на летней веранде Justo

Ни одна презентация, клубная вечеринка, ни один сет модного диджея не обходится без некоторого количества знаковых атрибутов, так называемых клубных персонажей, золотой молодежи, VIP's и телок.

Причем, все вышеперечисленные объекты тусовочной жизни города никогда не появятся в вашем заведении, если в нем не будет телок. Это обязательное условие – такое же стопроцентно важное, как наличие парковки, алкоголя в баре и шуршащих официантов.

Под телками не следует понимать всех женских особей города Москвы. Телки – это особая категория, которую следует именовать ТТ

(The Тёлки) – они так же убийственны и так же эффективны, как пистолет одноименной марки.

Самый точный показатель экономического состояния мегаполиса – количество проституток, стоящих вдоль его основных трасс. Это означает, что в городе достаточно особей мужского пола, приехавших издалека, оторванных от своих прежних друзей, подруг и привычек и работающих двадцать четыре часа в сутки для воплощения несбывшейся мечты своих родителей: кооперативная квартира – машина – дача. Схема условного счастья с течением времени трансформировалась в модель: карьера – статус – квартира в доме-монолите, которая все так же сияет своим неземным светом и манит динамичных губернских парней. Попадание в прослойку людей, из вежливости названных лукавыми социологами «средним классом России», возможно для них только с помощью двадцатичетырехчасового труда на благо капиталистического собственника. Этот труд не оставляет времени на размеренные обеды и продолжительные игры в любовь. Фаст фуд в обед – фаст лав вечером. Таким образом, спрос рождает предложение. Число жриц любви прямо пропорционально числу жаждущих клерков.

Но если проститутки, в изобилии стоящие вдоль Ленинградского шоссе, свидетельствуют о том, что в России наконец появился в изобилии пресловутый средний класс, то ТТ – показатель наступления некоторой экономической стабильности для более серьезных инвесторов, населяющих ночную жизнь нашего гламурного города. Самый эффективный показатель роста рынка, если хотите.

Именно они заставляют твою глупую подружку брать у тебя деньги на «милую юбку Prada» или «эти смешные кроссовки D&G». Именно ТТ, эти вездесущие сучки, стали амбассадорами Gucci, Cavalli, Bvlgari и прочих fashion-столпов.

На месте модных домов я бы платил им проценты за то, чтобы они ежедневно, выпячивая нижнюю губу, говорили: «У нее ТА САМАЯ сумка Gucci» или «ТО САМОЕ кольцо Graff». Именно с помощью ТТ лоуферы Tod's стали базовой обувью правящего социума в России.

Кто же они, эти пресловутые ТТ?

Как правило, это девушки от 20 до 27 лет, получившие неплохое образование (предпочтительно на Западе или в МГИМО), имеющие хороших, иногда высокопоставленных родителей и пару-тройку звездных романов behind. Это – элита ТТ. Все прочие – «часто-появляющиеся-в-правильных-местах» – это сплав из их ближайших, но менее успешных подруг, моделей начинающих и моделей выходящих в тираж, дорогих звезд эскорт-сервиса, рожденных на бескрайних просторах Малороссии, и небольшого числа студенток московских вузов («Я учусь в театральном, у меня очень интересная жизнь. Ты

ведь купишь мне шампанского, да, дорогой?») Очень популярны татарки и обрусевшие корейки, ибо, за неимением качественных проституток китайского или японского происхождения по доступным ценам, многие недоолигархи и (что уж притворяться-то!) олигархи очень на них падки.

Чем они занимаются?

Ежедневно решают гиперсложную, сопоставимую с решением теоремы Ферма задачу, состоящую из трех неизвестных: Куда? В чем? С кем?

Список мест для обязательного посещения ограничен, как библия бармена. Это «Vogue Cafe», «Bed Cafe», «Галерея», клуб «First», «Ваниль», «Бисквит», «Zima», если уровень гламура достаточно высок – то «Cabaret». Великолепно подходят для повышения селф-пиара всевозможные презентации модных бутиков и косметических салонов, ювелирных магазинов, реже арт-галерей (ибо полемизировать о недостатках/достоинствах Уорхолла несколько сложнее, чем обсуждать новую коллекцию Louis Vuitton. В особенности если при слове «китч» в голове всплывают воспоминания о детстве, проведенном в городе самоваров Туле и соседской собачке с похожей кличкой).

Вопрос «что надеть?» также стоит весьма условно, потому что модельный ряд текущего сезона четко очерчен рамками продукции пятерки модных домов. Выпадение из стиля, плохое копирование одежды наиболее одиозных представительниц данного бизнеса тут же явит собой недвусмысленный message окружающим и низведет обладательницу неактуального наряда до уровня girl next door, достойной проводить время в псевдомодных кафе для студенток гуманитарных вузов.

Решение вопроса «с кем?» стоит наиболее остро. Я бы сказал, что из всех возможных вопросов для таких девушек этот жизненно важен. Конечно, хотелось бы олигарха или просто крупного бизнесмена. Это как выигрыш в лотерею. Бывает раз в жизни и не у всех.

Такая удача – одна на миллион. Пусть не нефтяного магната (они в наше время спутники опасные), но уж банкира, главу компании или какого купца-миллионщика, это в самое яблочко. Но тут одной красоты мало. Данный капитал в России не редкость, и дура мать-природа одаривает им многих без всякого разбора. Транжирит, так сказать. Нужен еще и статус (привет, родители, либералы первого созыва!). Разборчивые пошли олигархи. На одной красоте далеко не уедешь.

Вторым уровнем идут иностранцы – главы представительств крупных компаний. Опухшие от своих правильных, некрасивых соотечественниц, постоянно грозящих харассментом, они находят в

России рай земной, изобилующий гуриями. Учитывая их астрономические зарплаты (в России им еще и доплачивают, как за вредное производство), эти не отягощенные семейными узами клиенты являют собой весьма лакомый кусок. Но тут вступает в силу лотерея иного порядка. Даже при условии удачно складывающегося романа всегда остается риск сродни игре в блэк-джек. Уедет – увезет или уедет – не увезет. И тогда прощай потерянное время.

Остатки, не поглощенные более удачливыми хищницами, являют собой жалкое зрелище. Разномастные промоутеры (one night stand – не вариант), мелкие бизнесмены (хорошо, но мало), управленцы и высокооплачиваемые наймиты (совсем уж не комильфо), а также золотая молодежь (тут папа может помешать сыну попасть в сети). Такие дела. Кто-то едет в Куршевель, а кто-то в дом отдыха Куршино. Каждому свое.

Никогда еще социалистический лозунг «От каждого по способностям...» не реализовывался так четко.

Вокруг общества ТТ работает целая индустрия. Это и вышеупомянутые бутики модных домов, и косметические салоны, осуществляющие ежедневный ремонт и диагностику девушек, заведения общепита, которые благодарны им за то, что каждый вечер щедрые поклонники оставляют энные суммы, слетаясь на эти заботливо разбитые в центре города земляничные поляны. Ювелиры, поставщики шампанского, автосалоны, турагентства – все участвуют в обслуживании этого гламурного сегмента рынка.

Случаи, подобные тому, что произошел в ресторане «Эльдорадо», когда один функционер одной известной партии подарил своей девушке ключи от «Mercedes»-купе под хлопки шампанского «Ruinart Blanc de Blanc» и овацию изумленной публики, нередки.

Рынок растет. Регионы страны и частные школы ежегодно выпускают в свет плеяды новых участниц игры. Пока они еще не так искушены, но уже через пару месяцев пополнят класс ТТ. На них будут тратить. И они будут тратить.

Что в конце?

В идеале – удачное замужество. Возможен статус постоянной любовницы или постоянной подруги пары состоятельных господ. А в большинстве своем – растраченные на непродолжительные романы здоровье и силы и вытеснение с рынка более молодыми и агрессивными конкурентками. К сожалению, статус ТТ – не потомственное дворянство и не пожизненный страховой полис. А значит, «нужно все успеть, покуда грудь высока».

Проза жизни, как и сказки Андерсена, не всегда имеет хороший конец. Слишком много молоденьких принцесс. Слишком мало прекрасных принцев.

В практическом плане это означает, что даже в нетрезвости следует думать головой, когда, подсаживаясь к девушке в клубе, вы начинаете плести ей ахинею, имея в кошельке пять сотен «франклинов». Рамки этого бизнеса гораздо шире ваших возможностей. Во-первых, не тратьте ее время, вы не Билл Гейтс, во-вторых, для разговоров о русских классиках ступайте в историческую библиотеку.

Читающие эти строки представители бизнес и политической элиты страны еще раз улыбнутся про себя. Они-то знают все вышеописанное не понаслышке. Именно в них, как в бойцов, стоящих на переднем крае обороны, стреляют ТТ. Без промаха и пощады.

В России умеют делать не только пистолеты.

Долгая дорога в рунете

Глава первая. Как закалялся style

К следующим президентским выборам, которые состоятся в 2004 году, среди аудитории рунета появится примерно один миллион достигших совершеннолетия юношей и девушек. Это те, кому сейчас 16 лет. Что мы делаем для этой аудитории? Как мы решаем задачу отторжения этих людей от массы протестного электората? Какие пути мы укажем им и что сделаем для того, чтобы в марте 2004 года они пришли и проголосовали за ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ? Множество проектов и проектиков, сайтов и сайтиков, тысячи домашних страниц. Нет лишь главного. Ресурса, формирующего идеологию. Той самой сияющей неземной чистотой страницы в Интернете с простым и в то же время многозначным названием. Нам нужен русский ресурс, коллеги. И мы должны создать его здесь. В Москве.

Из речи Константина Рыкова, главы интернет-проектов Первого канала, на совещании Единой Корпорации Политических Технологий.

* * *

Летом 2002 года я сидел в гесте удавкома и дразнил роботов-падонков. После закрытия проекта FUCK.RU это было моим перманентным развлечением.

На работе мои обязанности были просты. Я решал вопросы. Я решал. Я не должен был занимать свой мозг чем-нибудь более

сложным, чем расставление флажков в минсвипере или раскладка пасьянса. Слишком важные вопросы я решал. Но желтые вечно лыбящиеся колобки-смайлики из минсвипера мне надоели, лайнс, эта забава секретарш, была пройдена вдоль и наискосок, пасьянсы я мог раскладывать уже за считанные секунды, ибо понял схему, а в «Путин-чесс» мне не позволяли играть гордость и амбиции. Потому я сидел в гесте удавкома и дразнил роботов-падонков.

Почти сразу же я заметил, что падонки реагируют на раздражители абсолютно одинаково. Даже именитые. Нет, иногда, конечно, проскальзывали флуктуации, но я как эрудит сразу видел, что два гневных абзаца – это копипейст 98 года из гостевой прозыру, и не более того. Так я стал догадываться, что основная масса посетителей-контркультурщиков – это роботы.

Кроме того, меня настораживала посещаемость удавкома в 10 тысяч человек в день. Такого количества контркультурщиков не могло быть по определению. Во-вторых, креативы и картинки на главной ежедневно мало чем отличались друг от друга. Скорее всего, удавовский робот-администратор настолько обленился, что стал брать из Интернета картинки и подставлять к их описанию словосочетание «...на Удав ком». Таким образом появлялись картинки с бесчисленными голыми девками или гомосексуалистами, сопровождаемые стандартными надписями «Дефки – на удафком» или «Смерть пидарам – на удафком».

Сопоставив все эти моменты и скопипейстив контент удавкома за три недели, я отсортировал его в «Ворде» и понял, что вся движуха вертелась вокруг нескольких ключевых фраз:

Креатив гавно – аффтор далбайоп

Риспект братан, ништяк атжог, хуйарь прадалжение

Клонам – сасать!

Ниасилил, слишком дахуйа написано

Гыгыгыгы ржал ваще ништяк

Блиа фсё хуйня.

Так я убедился окончательно, что 90 процентов так называемых падонков – роботы. Уже давно мне намекал на это Джейсон Форрис, рассказывая о прописанных программах, самогенерирующихся вокруг нескольких ключевых слов. Скорее всего, Удав об этом тоже знал, просто не говорил мне в силу извечного антагонизма по отношению к Москве либо просто из природной вредности.

Настораживали только отдельные флуктуации.

Некоторые из них, признаюсь, не были копипейстом. Потому я сидел и глумился над роботами, посылая в гесту сотни сообщений, состоящих из одной фразы: «Слы, ты чо, пидар?», пытаюсь, как подводник-акустик, вычислить в белом шуме винты вражеского корабля.

И тут мне позвонили от Гельмана и сказали, что я буду делать Литпром. Название ресурса, как всегда, утвердили наверху, без всякого согласования со мной. Почему именно Литпром, я так и не понял. Возможно, Гельман или Павловский вспомнили о всяких ТяжМашпромах из их советской юности и присовокупили к нему свое увлечение литературой. Тема литературы меня в тот момент уже не грела, то есть, с одной стороны, я эту тему в рот ебал, а с другой – она мне и за этим была не нужна.

Вторым гвоздем в гроб моему начавшему было прорезаться сетевому статусу был лейтмотив Духовности, который должен был стать основной бренд-идеей ресурса. Эта самая духовность, так и не выстроенная вполне Сумерком Богов, угнетала меня больше всего. Я слишком отчетливо понимал, что развести народ на такие близкие каждому понятия, как «ахтунг, пидары!» или «падонки курят шышки, пьют вотку и ебуцца с дефками» можно запростяк. Для этого не нужно предпринимать никаких усилий, а всего лишь нанять грамотного фотошопера с заточенным под тему «пизды и хуя» мышлением и одного-двух толковых копирайтеров с Украины или из Белоруссии, которые выдавали бы на гора два-три ежедневных текста из серии «Как мы иблись с атличницами». Пусть это и выглядело пошло, но полученный трафик и реализованная задача с лихвой все окупала.

Я отчаянно попытался спасти свое положение, послав на основной адрес корпорации письмо с просьбой разрешить мне реализовать проект хотя бы через тему «Дефки, брейте пёзды», которая, по моему

мнению, смогла бы привлечь достаточное число полумаргиналов гетеросексуальной ориентации. Ответ пришел через неделю и содержал всего две строчки:

Current Name:
www.litprom.ru

Current Brand Essence: DUHOVNOST

Таким образом, я понял, что меня подставляют. Втягивают в омут кампании, которую я должен реализовать с помощью ресурса с тяготеющим к пост-советской интеллигенции названием и хромающей на все четыре ноги лошадью духовности. Без команды, без достойного финансирования. Текущий статус миссии был практически невыполним.

* * *

Через пару дней я позвонил Белкину и предложил ему вписаться в этот блудняк. На мое удивление, он достаточно живо отреагировал, и уже через три часа мы сидели в столовой Государственной думы. Белкин рисовал на листах бумаги оперативные схемы, чтобы выяснить, кому выгодна моя подстава, одновременно отвечал на телефонные звонки, думал об источниках финансирования и напевал глупую песенку Гребенщикова «Серебро Господа». Я ел борщ и судака с картофельным пюре. Общее состояние мое характеризовалось словом «беспросветность». Проблему аудитории Белкин предложил решить просто. Прийти на очередную «тусу падонкаф», по возможности купить московскую аудиторию, договориться с питерскими и застрелить пару человек, показав, таким образом, всю серьезность наших намерений. В дальнейшем он хотел уйти от работы с живыми людьми и сразу генерировать трафик, полностью состоявший из оцифрованных роботов-хулиганов (рабочий термин движения «падонков», принятый в Корпорации). По его идее, через год можно было бы придумать схему, по которой роботы проголосуют через электронные урны для голосования (об этой новинке мы уже тогда знали). Идея была ужасающей по своему шарлатанству, а риск быть пойманными ИньяньДекодером – слишком большим. Да и тема со стрельбой отдавала криминалом. В итоге, хоть и не без скандалов, решено было продвигать Духовность.

Спустя неделю после открытия проекта мне позвонил один знакомый с ОПТ и сказал, что у него есть приятель, русский эмигрант,

живущий в Нью-Йорке, который может мне помочь с роботом-администратором. Телефона он мне не дал, оставив лишь смешной e-mail:

proso@freetinz.com

. Он сразу предупредил меня, что Просо, как человек старый, да еще и еврей, не особенно доверяет интернет-знакомствам и отвечает лишь на письма, тема которых кажется ему оригинальной. Тем же вечером я сел за письмо к Просо.

Четыре часа я думал, как же озаглавить письмо. Какие интересы могут объединить двух евреев по разные берега океана? Где найти ту самую путеводную нить, которая бы нас связала? От этого зависело многое. Напиши я какую-нибудь глупость – и конец всей системе. Одно идиотское слово, даже в самом интересном сабже, могло испортить все. И еще это неправильное написание слова teenz в адресе меня смущало. Собравшись с духом и выпив 250 грамм виски, я написал ему следующее письмо:

Subject: Старые хасиды дrouchат на палестинскую тёлку, лежащую на столе, усыпанном стодолларовыми купюрами. Live version.

Привет, Просо,

Я создаю новый литературный проект. Очень хотелось бы встретиться с вами для обсуждения возможности сотрудничества. Мне очень нужен робот-сисадмин.

С уважением,

Амиго(
www.litprom.ru
)

^00^

В конце письма я нарисовал пиктограмму «Бэтмен с выпученными глазами надеется на сотрудничество», показав тем самым, что знаю систему бэт-смайликов, а следовательно, общаюсь со Старшими. Как ни странно, Просо ответил той же ночью. Вероятно, из-за разницы во времени. Ответ был поистине эзоповским:

Hi there,

Я сейчас уже не очень хорошо пишу и говорю по-русски. Но, все-таки, ты можешь приехать в Нью-Йорк и мы все решим. Оговорюсь сразу, что встретить тебя не смогу, ибо буду в магазине. Но взяв такси, ты сможешь доехать по такому-то адресу...

PS. Кстати, чувак, где моя картинка с жидями-ананистами?

Итак, я летел в Нью-Йорк, к Просо. В моей голове играла мелодия из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Я еще не знал, что скоро, совсем скоро она сменится другой, более популярной, про Вовучуму...

Глава вторая. Техника – молодежи

Просо в то время было 84 года. Некоторые источники в Москве говорили о том, что он работал в знаменитом «Проекте Манхэттен». У меня до сих пор вызывает искреннее удивление тот факт, что чувак, который участвовал в создании атомного оружия, не был устранен спецслужбами. Возможно, это связано с тем, что у него были особые отношения с Всемирным еврейским конгрессом, возможно, с тем, что его жена некоторое время работала в администрации президента Рейгана. Одним словом, по Просо всегда было множество вопросов и мало информации.

При первой же встрече он показал мне книгу, над которой работал последние двадцать лет. Она называлась «Двести лет IN DA HOUSE,

или Мой ответ Солженицину» и рассказывала о каких-то еврейских вопросах и понятиях, наложившихся на православие. Я как человек не сильно разбирающийся в понтах сионизма вежливо кивал и интересовался, будут ли в книге картинки с голыми бабами (я и сейчас уверен, что успех любого проекта зависит от количества фотографий голых теток).

На мой вопрос, «почему ты пишешь книгу двадцать лет», Просо долго и увлеченно говорил о том, как он наебывает Еврейский конгресс, выбивая денег на борьбу со скинхедами в Нью-Йорке (скинхедов, разумеется, подбивал на погромы сам Просо). Из его часового спича я смог понять только то, что все это долгописание связано лишь с тем, что нужно хоть как-то обосновывать выделяемые Еврейским конгрессом гранты. Тогда я понял, что Просо есть very cool аферист, и такой человек – просто находка для Литпрома.

За обедом мы перешли к концепции духовности. Я очень хорошо помню этот момент, очень познавательный, основополагающий такой момент, из тех, что случаются раз в четыре года, между бэт-выборами.

Просо спросил меня, не сильно ли я голоден. Я, опять же из вежливости, сказал, что нет. Тогда он убрал в холодильник бутерброды с колбасой и сыром, свиную рульку и оставил чипсы, чай и арахисовое масло (которое, впрочем, не на что было мазать). Просо подошел к окну и, прищурившись, начал говорить:

– Что для нас, в современном прочтении, являет собой доктрина духовности на Руси? Духовность на Руси – это тоталитаризм, православие и гиперсионизм! Что мы имеем на сегодня? На сегодня мы имеем спонсоров, политтехнологов, неподготовленную аудиторию, хулиганье и евреев. Если с первыми определениями все ясно, то по евреям есть вопросы. Более того, на одних евреях далеко не уедешь. Чтобы показать всю антихристианскую сущность евреев, нам нужны православные фашисты.

Кто, кроме них, способен «ацки отжечь» кострами народного гнева, как вы изволили выразиться? Без фашистов нам нечего и соваться в массы. Так что по приезду это ваша основная задача. И давайте в эфир больше порнографии, пошленькой и гаденькой. Народ это приветствует. А с роботом вашим... С роботом я, так и быть, помогу.

Он повернулся ко мне и вытер платком свою голову с большой лысиной. Я мысленно адресовал ему вопрос про «клинику восстановления волосяного покрова» и улыбнулся. Он сделал пальцами жест, как бы пересчитывая купюры, и застенчиво посмотрел куда-то вбок. Я оставил на столе несколько столларовых купюр и, не прощаясь, вышел.

Я многое вынес из того разговора. В моей голове очень четко нарисовалась схема нашего проекта. Я вез в Москву – и-д-е-о-л-о-г-и-ю.

* * *

На Алекса я вышел совершенно случайно. В поисках фашистов я зашел на форум знакомств евреев-инвалидов и, представившись одноногой девушкой Лерой Гальпериной, стал писать глупости, типа, «познакомлюсь с безруким евреем для интимных отношений». Через некоторое время на форуме появился человек с ником «Газ для твоего дедушки» и стал писать мне всякие гадости про «Равенсбрюк навсегда» и «пойдем на танцы в Дахау». Быстро пробив через бэт-сервис, прокси-сервер и айпи этого умельца я выяснил, что со мной шутит глава профашистской организации «Апрель в твоём сердце» и, по совместительству, администратор Форума еврейской молодежи некто Алекс. Удача сама шла мне в руки.

С Алексом мы сразу нашли общий язык. Оказалось, что мы пересекались с ним три года назад в программе «Молодежь против фашизма». Я подгонял на антифашистские митинги сотни пэтэушников, которые за бутылку водки на троих в течение часа ходили перед телекамерами с плакатами «Фашизм не пройдет» и «Молодежь Москвы – за будущее без коричневой угрозы», а Алекс, в свою очередь, изображал вожака скинхедов (роли скинхедов за ту же водку играли грузчики близлежащих магазинов) и набрасывался на «молодежь против фашизма» из-за угла с картонными ножами и проволочными цепями. Молодежь, естественно, всегда побеждала отвратительных скинхедов на глазах у изумленной публики и десятка телекамер. Массовка получала водку, а мы с Алексом свои 10 долларов за голову пэтэушника/грузчика. Все оставались очень довольны друг другом. Однажды, из-за опоздания машины с водкой, толпа объединилась, отпиздила ведущих митинга и разбила несколько телекамер. Программу, естественно, закрыли, и с тех пор мы с Алексом не виделись.

Встретившись, мы первым делом четко разграничили сферы управления ресурсом. Я начал работу по внешнему пиару, Алекс отвечал за внутреннюю структуру, борьбу с сионизмом, работу с православными писателями и продвижение в массы программы «Великая Россия от Новосибирска до Рейкьявика». Также он работал по сатанистам, пресекал провокации в гостевых и брал на «слы» недовольных.

В целом у нас получилась довольно веселая и организованная команда, состоящая из меня, гиперсиониста Просо, православного фашиста Алекса и милитаризованного бизнесмена Белкина. Для усиления эффекта единения с народом к нам присоединился Ебаторий

Ахуев, который разрабатывал тему «мочи пидаров!» и тему «бритых пизд». На первом этапе нам это очень помогало, но так как эти темы в целом шли вразрез с концепцией, утвержденной наверху, нам пришлось это прекратить. Ебаторий стал отвечать за музыкальную молодежь и тему музыки на ресурсе.

Как-то раз он очень сильно напился и написал креатив «Убить внутреннего Осташенку». Нам всем этот текст очень понравился, мы стали усиленно продвигать тему ебли «Фабрики звезд», но через неделю из Корпорации пришел емейл, где было написано, что наезд на «Фабрику» противоречит интересам ОПТ как части Корпорации, и все наезды на «Фабрику» должны быть согласованы лично с Гельманом. Я попытался выебнуться в ответ, написав емейл, в котором обвинял Корпорацию в недостаточном финансировании, попытке задвинуть молодых талантов и намекнул на то, что работа у нас до сих пор нет (хотя проект стартовал охуительно) и мы все по-прежнему верстаем в ручную.

К сожалению, это не спасло положения и Ебатория пришлось перевести на сайт «Торпедо-Металлурга», на работу с фанатским движением. В итоге он там и остался. И судя по оживленной гостевой сайта «Торпедо», неплохо себя чувствует.

За наезд на «Фабрику» из Корпорации к нам приписали смотрящего. Он должен был несколько дисциплинировать наш коллектив и свести к минимуму количество не согласованных с корпорацией хулиганских выходов. Мы очень волновались, что нам пришлют какого-то ничего не понимающего в интернетах уебана, который задушит ресурс на корню и начнет лепить из нас казарму. Алекс целыми днями слушал фашистские марши и пил водку. Белкин уехал в Париж, Просо писал мне простыни рекомендаций. Я нервничал, ругался с аудиторией и периодически писал письма в Корпорацию.

* * *

Серган появился в понедельник, в 9 утра. Он прождал два часа до 11 (а по понедельникам раньше 11 утра на работу мы не приходили) и был очень злой. На нем был строгий двубортный черный костюм и белая сорочка с запонками. В руках он держал большой кейс.

Он первым делом запретил нам курить на рабочих местах и вызывать в офис по вечерам проституток. Алексу он сделал замечание за вырезание на рабочем столе фашистской атрибутики. А еще он занял половину моего кабинета и нанял себе личную секретаршу (что было очень обидно, принимая во внимание наше скудное финансирование). По всему было видно, что нас ждут весьма хуевые времена.

Целыми днями он сидел в кабинете, строил графики посещаемости ресурса и контролировал удаленное программирование роботов-падонков. Он постоянно писал отчеты в Корпорацию и с нами общался довольно мало.

Однажды мы с Алексом решили пойти ва-банк. Мы заказали на работу пиццу и подмешали в нее псилоцибиновых грибов. Серган с удовольствием съел пару кусков. После того как он впал в транс, мы показали ему широкоформатный мультимедиа «Баджер, баджер» с пляшущими барсуками и вызвали трех пятнадцатилетних проституток.

На следующий день Серган пришел на работу другим человеком. В офисе появились горячие обеды. Два водителя. Нам увеличили норму траффика на просмотр порнографии (Серган мотивировал это необходимостью производства ежедневных картинок для Литпрома). Еще через неделю нам подписали финансирование на работа.

* * *

Спиди-Гонщика (Модель Speedy A-224 Pro) мы купили на E-bay. И ввезли в Россию по частям, так как таможенная очистка комплектующих стоила значительно дешевле. Последней деталью Просо прислал лысую голову Спиди. Кроме головы, в коробке лежала записка: «Волосы Speedy теперь растут на другой голове. Gu-Gu!»

Я сразу вспомнил лысеющую голову Просо и подумал, что нет ничего лучше друзей за границей. После того как мы его собрали, Серган целую неделю подгружал в Спиди множество разных программ, вынимая из своего портфеля сотни дисков, начиная с русификаторов и заканчивая программами, позволяющими отличать в гостевых людей от роботов-падонков.

На окончательную доработку Спиди взял Алекс, который наделал ему национал-патриотических татуировок (portak-off) с элементами мифологии викингов и подгрузил программу генерации литературных текстов. Кроме технических преимуществ мы сразу получали еще одного креативщика (хуйатора). Также он работал с ним по теме национальной идеи и патриотизма. Спиди был готов к работе и начал технически модернизировать ресурс.

Я уехал в командировку в Ташкент для встречи с провокатором, который работал на разные предвыборные команды президентов стран Средней Азии и особенно отличился на выборах Назарбаева, придумав концепцию для ультра-маргиналов»

Христианин? Пошел на хуй!» (В последствии этот текст был опубликован у нас на Литпроме).

Я вернулся через две недели, подписав контракт со Сфинксом, который должен был создать у нас атмосферу нечеловеческой ненависти, постоянных скандалов и угроз конкурентам.

Спиди-Гонщик сидел за компьютером в больших наушниках и слушал тяжелый металл.

Когда его собирали, я отсутствовал в офисе, и мы не успели познакомиться. Я вежливо представился ему и обрисовал спектр своих полномочий на ресурсе. Он все очень старательно записывал в свой электронный органайзер, переспрашивал, когда я говорил о своих правах, а также спросил номер моего мобильного и адрес электронной почты.

После того как знакомство состоялось, оглядев меня, он с ходу сказал, что «гламур – это полное говно», и спросил, сколько стоят мои часы. Получив ответ, он недовольно хмыкнул и сказал, что «за такие деньги можно было купить пару серверов, три новых ноутбука и музыкальный центр, ибо старый наебнулся».

Я очень обрадовался его хозяйственности и в душе понадеялся, что теперь хоть кто-то из нашей команды будет человеком организованным и собранным. Я попросил его установить в туалете Wi-Fi и нарисовать пару анимированных картинок с пидорами против наших врагов. На этом первая встреча завершилась.

Если говорить откровенно, мне в то время было очень тяжело со Спиди. Во-первых, после разговоров с ним у меня наглухо вставляли механические часы.

Во-вторых, рядом с ним всегда пропадала сеть и невозможно было говорить по мобильному телефону. И наконец, все эти его антиеврейские подвѐбки были просто утомительны. Я предполагал, что Алекс специально, чтобы прикалывать меня, подгрузил ему весь этот пещерный антисемитизм.

Однажды во время обеда и очередного диалога про жидов и православие я, с целью вызвать сбой в его программе, спросил:

– Спиди, а ты в курсе, что ты сам из еврейской семьи?

Он побагровел и сказал, что его родители были православными писателями и защитниками земли русской, и хоть мы и друзья, он не хочет, чтобы я впутывал его в (как он выразился) «ваши с Просой заморочки». Еще он сообщил мне, что вообще-то он еще и язычник. Тут уже не выдержал я и сказал что-то типа «никогда еще не видел андроидов-язычников из интернет-магазина E-bay, да еще и из семьи православных воителей». Выслушав мою тираду, он произнес:

– А кто это тут андроид? Ты, что ли?

Я встал из-за стола, скомкал салфетку и вышел. Я понял, что против чудес современной техники у меня нет приемов.

В общем, мне было тяжело работать с этим парнем. Он казался мне самым тяжелым из всех, кто меня окружал.

Тогда я еще не знал Майка Зеппа...

Глава третья. PALM'овые сны

С Майком Зеппом я познакомился в гостевой удавкама. Этот чувак с первого момента общения показался мне очень интересным. Во-первых, он периодически вставлял в диалоги всякие немецкие фразочки (впоследствии это легко объяснилось), во-вторых, он с ходу заявился известным контркультурщиком, написавшим 92 текста (считая школьные сочинения, айсыкью-логи и гостевые срачи, разъяснили мне в Корпорации). Мы тут же начали много переписываться по айсыкью, писать некоторые совместные работы (жж, крос-интер-вью) и устраивать провокации в гостевых и каментях.

Зепп, как открылось мне в процессе общения, жил очень интересной жизнью. Сутки у него делились на две части: в первой он был простым питерским инженером-электронщиком, а во второй – корректировщиком огня, или «беобахтером» (в его версии) в 80-м артиллеристском полку Бранденбургской 8-й танковой дивизии, живущим в начале 1942 года и осаждающим Ленинград. Конечно, он открылся не сразу. Для этого мне пришлось пустить в ход легенду о моей любви к Третьему рейху (в особенности к его армии) и перекопать все поисковики, отыскивая описания того периода нашей истории. Периодически он срывался из асыкью с комментарием: «Артобстрел начался», или наоборот, возникал в ней с вопросами «В районе Дубровки тяжело. Снаряды привезли? Опять вчера полевая кухня опоздала!», – а затем совершенно спокойно продолжал разговор на вполне современные темы. Таким образом, когда в следующий раз Зепп переродится из инженера в «беобахтера», предугадать было практически невозможно. Впоследствии, он с негодованием рассказывал, что прохожие шарахаются от него, когда он посреди какого-нибудь магазина начинает ползком протискиваться мимо полок и поднимать руки с невидимым флажком, исполняя свою работу – направляя огонь орудий. (С другой стороны, можно себе представить негодование его однополчан, когда их «беобахтер» уходил среди боя за пачкой «Вирджинии слимз» с ментолом и третьей «Балтикой», ха-ха—ха!).

Лучше всего Зеппа характеризует такая история. Мы сидели у него дома, в Питере, и курили марихуану. На часах – два ночи. В середине разговора за контркультуру Зепп встает и зажигает яркий свет на кухне, в комнатах и даже в туалете. На мой очевидный вопрос «нахуя?» он, посмотрев на меня как на полного идиота, произносит следующее:

– Летчикам и артиллеристам ночью особенно тяжело работать. А тут – яркое пятно среди светомаскировки. Это же очевидно...

С ним было положительно приятно общаться. Я через какое-то время пригласил его в Москву, в наш офис. Тогда я еще очень плохо знал настоящих «беобахтеров».

* * *

Я стал замечать за Спиди очень странные вещи. Он подолгу сидел, уставившись в окно, был немногословен и все время что-то бубнил себе под нос. Однажды я заметил у него на столе книжки «Учимся говорить» (для детей не старше трех лет и их родителей), выпущенные минским издательством «Детская книга», и книгу «Русское деревянное зодчество». На вопрос Сергана «нахуя?», он ответил, что «по работе надо». Затем Алекс сказал мне, что Спиди после работы шастает по помойкам около различных научных институтов, а в обед ездит на Митинский радиорынок.

Скоро все открылось. Спиди притаранил на работу две коробки. Одну из-под телевизора «Сони Блэк Тринитрон», а вторую из-под двухметровой детской елки. Он был очень доволен собой и начал распаковывать свою ношу для подробной демонстрации. Из первой коробки он достал Крота. Видимо, в процессе сборки у Спиди наebuлись линзы или цветная карта, потому что Крот получился с непропорционально длинными руками и весь черный. Для полноты картины Спиди приделал ему темные очки и черную бейсболку. Таким образом, Крот получился таким «черным человеком». Когда Спиди включил его, первая фраза Крота была следующей:

– Я всегда сумею отличить истинную литературу от талмудистики. Ага. Вот.

– Это пиздец, – сказал Алекс. – Спиди, ты текстовые скрипты в него из ЖЖ качал?

– Да, а чо?

– Ничо. Надо его переделывать.

– Зачем? По-моему, нормально так получилось. Я его в гостевую посажу. И в каменты еще. Да, – немного растерянно ответил Спиди.

– Нормально так подумал и вот нормального такого робота притащил, – угрюмо заключил Алекс.

– Ну а во второй коробке чего, тоже говно какое? – спросил Белкин, который все это время пил в углу коньяк, смотрел в окно на два новых представительских автомобиля и повторял тихо одну фразу: «Не подпишет нам главк бюджет в этом месяце, ой не подпишет!».

Из второй коробки Спиди достал нечто совершенно невероятное. Это была длинная деревянная хуевина, похожая на персонажа книги Волкова про деревянных солдат Урфина Джюса, с руками, вытянутыми

вдоль всего тела (которые казались прибитыми) и маленькой головой с зеленеющими сучками.

– Его зовут Серега-Зимы-не-Будет. Он умеет рисовать ахуенские флешки и менять компакт-диски в музыкальном центре, – с гордостью сказал Спиди.

– А с хуя ли зимы-то не будет? Корпорация отменила? – со смехом поинтересовался я.

– Прозвище такое. Сучки видишь? Вечнозеленые. Не вянут. Это ж первый робот-падонок, сделанный без единого гвоздя. Единственный в своем роде. И по экологии опять же полезно. Понимать надо такие вещи. Эх ты, дерево! – ответил Спиди.

– По такому случаю надо бы камином обзавестись, – юморнул Белкин.

А Серган шепнул мне на ухо:

– Надо у Спиди отобрать все деньги и заблокировать кредитку. А то он нам тут Кижы построит.

– Это точно, – сказал я и представил, как весь наш офис скоро заполнится цветущими деревьями и маленькими черными человечками – и посмотрел на Алекса.

Алекс жестом объяснил мне, что он ничего про это не знал. Все мы были очень удивлены таким поведением Спиди. Он ходил злой, рассказывал нам о современных технологиях и о понимании процесса научно-технической революции. По такому случаю вся редколлегия, за исключением создателя мини-франкенштейнов, отправилась пропивать остатки бюджета в «Эльдорадо». На следующий день мы манданули с детской площадки деревянную Бабу Ягу, просверлили у нее ниже пояса дырку и с гоготом поставили утром Спиди на стол, сопроводив запиской:

«Спиди, привет! Это Машка-Весна-Круглый-Год. Ее можно ебать (см. Инструкцию). Если ты пропишешь ей нужные файлы, она сможет готовить тебе котлеты и даже писать креативы про любофь.

Редколлегия».

Спиди не разговаривал с нами целую неделю, отгородился перегородками и ночами учил своих роботов. Все мы над ними потешались.

А неделю спустя я нашел у себя в почте два письма. Первое от Зеппа, который сообщал дату приезда в Москву, а второе от Просо, который вспоминал о нашей с ним встрече и оказанной им услуге по

покупке робота (на трех листах), а в конце сообщил следующую информацию:

«Я отправил к тебе своего племянника. Его зовут Дрон. Он хороший еврейский паренек. Ты его устрой у вас там в редаке. Надеюсь, я не очень тебя затруднил. Просо».

Такой поворот событий, да еще и в момент, когда предвыборная ситуация вступала в свою заключительную фазу, меня, признаться, несколько напрягал. Я собрал срочное совещание редколлегии с целью местоопределения Дрона и сел писать в Корпорацию о выделении нам еще одной штатной человекоединицы.

* * *

Дрон по ошибке приехал не в Москву, а в Питер, чем очень облегчил нашу жизнь, потому что Корпорация долго тянула с выделением новой штатной единицы. Из Питера он писал нам отчеты про клубную жизнь и креативы про злоупотребление кокаином. Мы были рады, что хоть кто-то из нас занимается делом, которое ему нравится. Я периодически отписывал Просо о том, что «у Дрона в Москве все хорошо. Он учится и очень нам помогает». Конечно, прикрывать Дрона таким образом было неправильно с моей стороны. Зато мы теперь имели своего человека в Питере. Он наладил нам три станции удаленной активации падонков (для электронного голосования) и частенько рассказывал мне в айсикью, как Зепп на Невском корректирует огонь немецких орудий. Однажды Дрон со своими друзьями устроил Зеппу «прорыв красноармейцев на пункт ведения огня», чем жутко напугал Зеппа, который писал мне эсэмэсы: «В айсикью не буду, соблюдаю режим радиомолчания. Кто-то перехватывает айсикью-логи и сообщает их противнику».

В то лето для нас все складывалось очень удачно. Мы провели две тусовки, Сфинкс окончательно затерроризировал падонков наездами, создав веселую медийную ситуацию. На летней тусе, на корабле, Белкин чуть не застрелил вражеского резидента Питона, который писал про него пасквилы в гостевых книгах. Питона тогда спасла охрана и он был довольно сильно испуган, но виду не показывал. После этого в классику отечественной контркультуры вошли две картины, нарисованные неизвестным автором (впоследствии утеряны): «Битва титанов. Белкин убивает Питона собственным хуем» и «Почему Питон носит на тусах желтые кеды» (другое название – «Не ссы, бразда!»). Корпорация в целом была удовлетворена проделанной работой.

Мы отдыхали и готовились к зимнему сезону.

* * *

Поздней осенью в Москву приехал Зепп. На Ленинградском вокзале он с ходу попал в ментовку, потому что на вопрос о документах

предъявил менту предписание на немецком языке и долго объяснял, что следует в распоряжение какого-то полка для проверки поврежденной партизанами линии связи. Естественно, связиста приняли. Обыскали на наличие пояса шахида и посадили в обезьянник. Зепп, по словам отпускаявших его милицейских работников, говорил на немецком, съел сопроводительное письмо и много ругался матом. «И ваще он, по-моему, псих», – сказал нам в дорогу мент.

Мы привезли Зеппа в офис, и я начал знакомить его с членами редака. Зепп, не отрываясь, ел бутерброды с колбасой, пил сладкий чай (грея руки о чашку, как обмороженный солдат вермахта), пил из горла коллекционный коньяк и все время подхихикивал, внимательно изучая присутствующих. Мы покурили анаши, сильно выпили, и я уехал на банкет, посвященный выборам Белкина в депутаты Государственной думы. Уезжая, я заметил, что Зепп пьет с Алексом и Спидами, а те советуют ему оставаться в Москве. Я договорился встретиться с Зеппом на следующий день у нас в офисе, он долго благодарил меня, сказал, что скорее всего останется на неделю («а то и больше»), и как-то нехорошо улыбался.

На следующий день я проснулся с сильного похмелья. Мне позвонил Серган и сказал, что в офисе Литпрома ЧП. Я срочно собрался и поехал на работу.

Картина была ужасающей. Алекс отсутствовал и не отвечал на телефон. Спида пел фашистские марши каким-то утробным голосом. Крот методично писал в гостевую одну фразу «Талмудисты это вам не писатели Серебряного века. Ага. Вотъ». Причем исписал он к тому времени уже 149 страниц. Серега ЗНБ был весь в тюремных татуировках, сделанных шариковой ручкой. Он сосредоточенно рисовал на мониторе фломастером слоган «Бумер – жизнь такая».

Алекс приехал очень злой. Сказал, что Зепп подсыпал в водку какой-то хуйни и что «убьет суку, мелкого провокатора». Спида отправили в починку, а перегоревшие творения его рук – Крота и ЗНБ пришлось выбросить. Починке они не поддавались.

После того случая Серган снова запретил нам пить и курить в офисе. Ввиду приближающихся выборов сбои в работе были для нас смерти подобны.

У меня запищал телефон. Пришел эсэмэс от Зеппа: «Еду в Питер блиа. У вас в Москве па ходу скучно биспизды. Как роботы (ехидно)?».

* * *

Перед выборами у нас была масса проблем. Во-первых, после совместной тусы с Удавом силы врагов демократии подвергли оба наши ресурса нещадной ДОС-атаке. Во-вторых, по причине двухнедельного зависания ресурса редколлегия бухала. Белкин пил в

Думе, Серган в Корпорации, Спиди чинил ресурс, но тоже чего-то пил. Я очень нервничал и бухал по дороге между офисом и Корпорацией. Я делал по восемь таких визитов в день. Алекс допился до такого состояния, что случайно в коридорах Корпорации встретил Бэтмана и напился с ним водки с псилоцибинами. Бэтман довез его до дома и, пока провожал до квартиры, у него обокрали машину. Получилось это точно как во второй серии фильма «Бэтман». Только гольяновские пацаны, в отличие от киношных, не ставили Бэтману хитрых капканов, чтобы он проиграл борьбу с Человеком-Пингвином. Они просто спиздили у него магнитолау из бэт-мобиля.

В Корпорации были этим очень недовольны. Во-первых потому, что вместо традиционного предвыборного хождения в народ Бэтман напился. А во-вторых потому, что Алекс стал панибратски называть Бэтмана Бэтычем, что немедленно стало известно в Сети. Последний факт, признаться, и меня настораживал. Я лично Бэтмена видел один раз – мельком, а разговаривал с ним всего дважды. Первый раз когда он поздравлял меня с открытием Литпрома, а второй – на Восьмое марта (да и то второй раз он набрал меня по ошибке, когда хотел поздравить с женским днем Марину Литвинович, пиарщицу СПС). Так или иначе, я себе подобного панибратства не позволял.

В общем и целом, ситуация складывалась напряженная. Нас немного выручил ввод даун-проекта под кодовым названием Дачник. Это была очень успешная операция, когда на базе первых двух провалившихся роботов Спиди построил киборга-падонка с вживленной половиной мозга учащегося ПТУ и половиной мозга скинхеда из Орехово-Зуево. Дачник писал много хулиганских текстов, хамил в коментах и форуме, гадил в гесте и за три с небольшим месяца стал настоящей звездой ресурса. Он настолько оттянул на себя аудиторию восемнадцатилетних падонков, что на его базе было собрано еще два образца – Катеринус и Толеманус, которые вошли в новый проект «Dolboeb Production». Они сидели в отдельном помещении, запитывались от одного кабеля и имели единый мозговой блок. Все их тексты и комментарии генерировались единым центром, что несло в себе многочисленные удобства, их можно было блокировать одним скриптом, когда они слишком много флудили. Тем не менее сами себя они как-то идентифицировали. Из их наружных аудиоколонок часто были слышны возгласы: «Толеманус, бля, заебал меня клонить» или «Катеринус, скинь фоту нах!». Подобная лжесамоидентификация была уморительной.

Спида тщательно за ними следил, проверял их наладки по три раза на дню и еженедельно что-то там разбирал. Он очень уставал с ними, и я иногда чувствовал от него запах пота после работы с даун-роботами («Это у него проводка подгорает», – объяснял мне Алекс).

Дачники отчаянно даунили. Это было какое-то даун-искусство. На вопрос: «А чо они так тупо пишут?» – Спиди всегда говорил в ответ одну фразу: «А хули ты от роботов-то хочешь!».

В такие моменты я особенно уважительно смотрел на него.

* * *

В канун выборов я уезжал в Питер. С помощью нового аппарата «Визуального Вовлечения Падонков (ВВП)», внешне похожего на палм, который активировал падонков Северо-Запада нашей страны для голосования посредством электронных урн, я должен был приехать в Северную столицу и включить аппарат на месте. Это объяснялось ограниченным радиусом действия. Для западных областей были свои аппараты, для восточных – свои, и так далее.

В это же время мне пришло письмо от Майка Зеппа: «Привет! Я слышал, что у вас там в Мск очень популярна игра для лаптопов “Путин-чесс”. У нас такой нигде нет. Не мог бы ты мне ее привезти во время своего ближайшего визита в Питер? Да и лаптоп заодно, а то он дорогой нах. С меня стакан шмали. Считаю обмен адекватным. Майк Зепп.

Зы: Ты не злишься за роботов?»

Подумав, что представляется шанс совместить дело с бездельем, я отправился в Питер.

В Питере все произошло довольно стандартно. Мы встретились с Зеппом, покурили анаши и выпили водки. Вернувшись в гостиницу, я активировал роботов-падонков, введя в дисплей «ВВП» исходную информацию:

Batday 2004. Funny game for serious people. Choose your leader!

Current Leader: V.V.P.

Current Idea: Duhovnost

Current Music: Vova Vova Chuma

Download!

С чувством исполненного долга я лег спать. На следующее утро Зепп проводил меня до вокзала, принял от меня палм с «Путин-чессом» и пообещал поставить в этой игре всероссийский рекорд. Я пожал ему руку и вошел в вагон. Настроение у меня было охуительное.

* * *

Наступило 15 марта. Я проснулся, выпил две чашки кофе и полез в Интернет. Первое, на что я наткнулся, было сообщение в Живом Журнале Сумерка Богов:

11:41 am – Танцы-обжиманцы танцуют вокруг испанцы...

Мы Путина переизбрали вчера на второй президентский срок. Вот так, запросто, без паранойи. Фантастика. Всегда бы так.

Тут мне стало понятно, что выборы завершились успешно, как и планировалось. Почему Сумерк использовал в заголовке название песни «Танцы-обжиманцы» вместо официально утвержденного джингла выборов «Вова, Вова-чума» Ираклия Пирц-халава, мне было непонятно. Я начал волноваться, понимая, что Сумерк имеет более свежую информацию, чем я. Как всегда в таких ситуациях, меня стало параноить, что мне не договаривают что-то важное и используют втемную. Я позвонил Белкину – он тоже ничего не знал про новую песню. Я полез за прибором «ВВП», надеясь найти в нем нужную информацию по новой песне. Но... прибора нигде не было. Я перевернул все вверх дном, обшарил каждый ящик, прибора не было. Я залез в пальто, в котором был в Питере, в кармане его пряталось что-то железное. Я с замирающим сердцем засунул руку в карман и... вытащил палм с игрой «Путин-чесс». Я понял, что проебал важную государственную тайну. Я понял, что проебал свое будущее в политике, астрономические деньги и положение в обществе. Я понял, что я попал. Мне никогда больше не доверят серьезных проектов, никогда не позвонят из Корпорации, и вообще...

Я открыл бутылку виски, выпил из горла грамм двести и закурил. «В сущности, – подумал я, – жизнь продолжается. Уйду из политики и займусь литературой. Или контркультурой, на худой конец». От таких перспектив мне стало очень тепло и как-то по-особому весело. Я сделал еще пару глотков из бутылки, и меня стало клонить в сон. Я посмотрел на предвыборный плакат Белкина над моим столом, лег на диван и стал проваливаться в дрему. Мне показалось, что Белкин подмигнул мне с плаката левым глазом.

* * *

Congratulation! Level successfully complete!

Current Status: Robots activated!

Batday 2004. Funny game for serious people. Choose your leader!

Current Leader: V.V.P.

Current Idea: Duhovnost

Current Music: Vova Vova Chuma

Download next level?

Yes/ No

Майк Зепп еще раз изучил написанное и осторожно нажал клавишу Yes.

На мониторе высветились исходные поля для заполнения. Почесав затылок, Зепп старательно начал вводить данные. Закончив, он отвел руку с палмом в сторону и нажал Download. Через несколько секунд палм торжественно пропищал гимн Советского Союза и выдал следующую информацию:

Congratulation! Level successfully complete!

Current Status: Robots activated!

Batday 2008. Funny game for serious people. Choose your leader!

Current Leader: Mike Zepp.

Current Idea: Drugs, Chats, Internet

Current Music: Triplex «BRIGADA»

Download next level?

Yes/ No

Зепп вопросительно посмотрел на монитор. Затем снова нажал клавишу Yes и снова начал заполнять исходные данные. Загрузив программу, он пошел на кухню и закурил. Минут пять он смотрел в окно, как питерские кошки лениво копаются в рыхлом мартовском снегу. Подышав на оконное стекло, он вывел на нем пальцем: «Петербург Достоевского» – и вернулся в комнату.

Он взял в руки палм и сел в кресло. Палм пиликал гимн Советского Союза. На экране моргала надпись:

Congratulation! Level successfully complete!

Current Status: Robots activated!

Batday 2012. Funny game for serious people. Choose your leader!

Current Leader: Mike Zepp.

Current Idea: Poshli vse naxuy mudaki!

Current Music: Leningrad – Vse eto Rave!

Download next level?

Yes/ No

Зепп положил палм в карман спортивных штанов и сказал:

– Наебка какая-то, а не игра.

Он надел куртку, тяжелые армейские ботинки, черную бейсбольную кепку и вышел из квартиры.

Оказавшись на улице, он вытащил из кармана палм и выбросил его в мусорный контейнер. Подняв голову к небу, он сощурился на солнце, надел темные очки и сплюнул под ноги.

«Хуйней какой-то они у себя там, в Москве, занимаются, мудаки, – подумал Зепп. – Чтоб в такие игры играть, надо быть москвичом, наверное. В натуре, что ли, переехать?»

Что, хочешь досыта есть?

Хочешь крепко спать?

Тогда хули ты думаешь, давно надо было рвать! – заорал из мусорного контейнера палм голосом группы «Каста».

Услышав это, Зепп в ужасе прижался к стене, попятился – и бочком, бочком втиснулся в черную глотку подворотни. Потом он развернулся и в беспамятстве припустился бежать. Он бежал долго, пару раз падал, пару раз задел кого-то плечом, но все равно не останавливался.

Очнулся уже почти в центре города. Ему было очень страшно, а главное, не отпускало чувство ужасной несправедливости. Ошеломляющей несправедливости. Конкретной несправедливости. Такой несправедливости, которая случается раз в четыре года в канун президентских выборов.

Он посмотрел вверх, на хмурое северное небо, поднял воротник куртки и зашагал в сторону ближайшего ларька, продающего алкогольные напитки.

Вслух он сказал одну-единственную фразу:

«УЖОС БЛЯТЬ...»

* * *

Амиго спал. Он лежал на спине, подогнув под голову левую руку, и улыбался во сне. Ему снились выборы, президент Путин, пальмы на далеком острове, проебанный палм и город Палм Бич, про который рассказывал Просо. В какой-то момент в его сне появилась статуя Свободы с лицом Амура Гавайского. Амур приветливо махал ему факелом и улыбался голливудской улыбкой. Амур набирал номер мобильного телефона Амиго и делал ему знаки рукой, чтобы Амиго поднял трубку. Но трелей звонка не последовало. «Международная хуево соединяет», – подумал Амиго. В этот момент в его сне появился телефонист Майк Зепп в эсэсовской форме, распиливающий телефонный провод Нью-Йорк – Москва штык-ножом.

– Блядь, Зепп, ну почему ты такая сволочь?! – закричал Амиго и проснулся.

PS: Специальные спасибо:

- музыка «Каста»

- виски «Jameson»

- духовному учителю Сумерку Богов

- каменты – читателям

Media-sapiens

Каждый из нас хотя бы раз в жизни попадет в ящик.

Шутка телеведущих и работников кладбища

Итак, на пороге XXI века человек преодолел новую стадию в своем развитии. Вследствие развития технологий и скорости передачи информации человек разумный прекратил свое существование. Больше не требуется производить порядком надоевшие вибрации серого вещества, именуемые некоторыми особо оптимистичными членами социума мыслительным процессом. У человека есть страховый полис, пенсионная карточка, ближайший супермаркет или супермаркет рядом с работой – оба с одинаковым набором продуктов. Есть пара десятков бутиков с почти одинаковыми коллекциями, отличающимися лишь именами дизайнеров на лейблах. Есть пара десятков ресторанов с почти одинаковыми меню, отличающимися лишь именами владельцев. Наконец, сами люди, посещающие эти заведения, – также практически одинаковы, и отличаются друг от друга только именами. Хотя и этот пережиток со временем будет уничтожен, и все девушки в Москве получают имя Оля, а мальчики – Вася. Будет очень удобно заносить их в телефонную книжку: Оля-1, Оля-2 и т. д. А учитывая, что все разговоры с абонентами носят идентичный характер, можно отказаться от цифр в принципе. Все равно то, что вы скажете Оле-1, будет мало отличаться от того, что вы скажете Васе-14.

Все, что требуется от современного человека, – быть максимально тупым и открытым для восприятия информации. Медиа расскажет вам, что надеть в этом сезоне и какую машину выбрать. Если вы интересуетесь актуальной культурой, Медиа пришлет вам эсэмэс из 32 строк, в котором кратко будет изложен сюжет гомеровской «Илиады» или шекспировского «Гамлета». Если вы хотите ознакомиться с наиболее продвинутой живописью, Интернет предложит вам кликнуть на Gioconda.Jpg или Danaya.Jpg.

Медиа выбрала и отсортировала для вас все мировые произведения в любых областях, за всю историю человечества. Вам не стоит как прежде тратить время и читать книги, чтобы постичь жизнь. В каждом сезоне Мировой Медиа-Разум предложит вам наиболее актуальные новинки (или реплики).

Главное в нашем мире – быть актуальным, а не разумным. На смену homo sapiens пришел homo medias.

* * *

Медиа для меня все. За день я прочитываю десяток газет и глянцевого журналов, прокликаю сотни новостных и лайфстайловых порталов в Интернете, прослушиваю тысячи новостей по радио и просматриваю великое множество телепередач. Я живу в медиа-пространстве. Самым большим ударом для меня будет, если в два часа дня я появлюсь на улице в галстуке, который вышел из моды накануне в 11 часов вечера. Я должен быть в теме. Я не могу позволить себе выпасть из медиа-волны.

Я постоянно он-лайн. У меня современный телефон с Blue-Tooth, Palm и красный ноутбук Acer Ferrari (не сказать, что я им часто пользуюсь, просто медиа сказала, что он актуальный). Я засыпаю под включенный телевизор, чтобы даже во сне последние мировые новости записывались мне на подкорку. Даже когда я занимаюсь сексом с женой, мне хочется воткнуть себе в задницу сетевой кабель и качать, качать мегабайты информации из Интернета. Это стало моей несбыточной мечтой. Во-первых, это позволит мне оставаться он-лайн, во-вторых, моя жена получит визуализированный сетью образ ИДЕАЛЬНОГО ЛЮБОВНИКА, смесь Антонио Бандераса и героинового мальчика а-ля «Мумий Троль». В этот момент у меня не будет проблем. Я сольюсь с медиа, а мой член увеличится с помощью фотошопа.

Ежедневно я получаю передозировки информации. Я очень плотно подсел. В обед, когда утренние новости уже услышаны, время вечерних слухов еще не пришло, а новостные порталы в сети еще не обновились, у меня начинается жуткая ломка. Я разнюхиваюсь кокаином и часами смотрю Fashion TV или переключаю каналы в поисках рекламы. У меня устойчивая медиа-зависимость. Я ни на минуту не могу выпасть из темы. Я – медиа-торчок.

Именно информированность – источник моего благосостояния. Мне платят только за то, что в нужный момент, в любой компании, я могу рассказать актуальный анекдотик, свежую гаденькую сплетню или присунуть пошловатую шутку в чью-то беседу. Я – постоянный источник новостей, слухов и скандалов. Я знаю все модные на 12 часов дня дизайнерские марки, все наиболее сильно торкающие наркотики, я знаю наизусть все трендовые статейки в журнале «Vogue» и все последние коллекции в Третьяковском проезде. Я знаю, с кем спала вчера Ксюша! Я знаю, что нюхал вчера Федя! Я знаю, кому продал эту девчонку Петя! Наконец, я знаю, что вы делали прошлым вечером, и даже то, что будете делать завтра!

Я должен быть в курсе. Никто, слышите, НИКТО не может мне сообщить новости! Я – основной нюсмейкер. Любое, даже не известное мне сообщение, я выслушиваю с кислой миной а-ля «еще

вчера посмеялись». Даже на Пасху, когда мне говорят – «Христос Воскрес!», я отвечаю, что читал вчера об этом в Днях. ру.

Все передачи и явления я делю по принципу медийной актуальности. Я не читаю классиков, потому что они писали вчера и стали историей. Я вообще не интересуюсь историей, а когда лохи говорят мне, что войну 1941–1945 года выиграл СССР, я смеюсь им в лицо. Уж я-то знаю, что ее выиграла американцы, а СССР и Германия в то время были союзниками. Потому что, в отличие от лохов, я вчера смотрел вечерний выпуск Си-эн-эн, посвященный высадке в Нормандии, а то, что говорит мне медиа, я признаю единственной правдой.

Каждый вечер я стремлюсь обогнать утренние новости, мотаясь по клубам и ресторанам Москвы, собирая слухи, сплетни и прочие гадости. Аккуратно, как истинный коллекционер, я поднимаю с паркетных полов осколки чужого счастья и щепки чужой беды. Завтра они станут достоянием тусовки, что, несомненно, добавит мне пару баллов по шкале медийности.

Уже ночью, устав от круглосуточной мысли об усталости, с головой, налитой тяжестью ежедневного безделья, я еду в клуб, чтобы слиться с сотней таких же, как и я, бездельников. Рабов ненасытного бога, именуемого Медиа. Каждый вечер здесь совершаются человеческие жертвоприношения и мы, подняв головы, смотрим, как сгорают человеческие жизни в лучах софитов или свете ночных фонарей.

– Круто, у Лени передоз!

– Где, где, пустите, дайте посмотреть! – Толпа облепляет угол заведения, чтобы посмотреть, как, со струйками крови из носа, быстро вытекает жизнь. Леня лежит на полу и корчится от судорог. Он умирает с блаженной улыбкой дауна, подсмотренной им в каком-то рекламном ролике. Толпа расходится, громко обсуждая это событие. Кто-то выдумывает новую шутку про кокаин.

Через десять минут в клуб влетает девушка и сообщает, что час назад Андрюха насмерть разбился на своем новом «Infinity», не вписавшись в поворот на Рублевке. Доверительно рассказывается о том, сколько он до этого выпил. Девушка немедленно становится центром внимания. Все спрашивают подробности, многие тиражируют этот рассказ своим друзьям по мобильникам. Толпа жадно пожирает очередную новость о смерти и разъезжается по домам с чувством выполненной миссии.

Леня и Андрюха стали медиа-героями. Новыми халифами на час. Признаться, я завидую им. Даже очень. Они счастливики, эти ребята. Сегодня о них говорит весь город. Я тоже хочу быть героем. Я верю, что завтра наступит и мой день. Я наконец осуществлю свою детскую мечту и попаду в ящик. То есть в телевизор.

Завтра вечером я приду в этот клуб. Я вскрою себе вены последним CD Buddha Bar и воткну в каждую руку по телевизионной антенне. Мои глаза лопнут и начнут трансляцию на заботливо развернутые кем-то в центре зала экраны. Из правого глаза польется показ последней коллекции Prada, а из левого – новый клип Децла.

– Wow! Здорово! – завизжат модненькие девчонки. – Он крутой, этот парень! Ты бы переспала с ним?

– Давай, потяни, старичок, в последний раз, – шепнет мне на ухо знакомый дилер, заботливо заряжая мои ноздри порцией кокаина одной рукой и вытаскивая мою (теперь уже совершенно ненужную) кредитную карточку другой.

Из ноздрей мощными струями забьет кровь, а голова начнет раскалываться надвое. В этот момент меня будет волновать только одно: достаточно ли сексуально я выгляжу в красных кроссовках Fila Ferrari и ручейками крови на груди? АКТУАЛЕН ЛИ Я? Решив, что красное с красным это актуально, я начинаю испускать дух. В этот последний момент какой-то из еще не погибших нейронов начинает бешено вибрировать, подобно Alarm Call: ПРИДУРОК, НЕ ХВАТАЕТ СЛОГАНА!!! БЛЯДЬ, НЕУЖЕЛИ ТЫ ТАК И УМРЕШЬ НИЧТОЖЕСТВОМ?!

Из последних сил я обмакиваю в собственную кровь указательный палец и пишу на спинке белого дивана от Филиппа Старка финальную фразу: «GOD IS MEDIA».

В жизни всегда есть место подвигу.

Через несколько минут шампанское заканчивается, музыка начинает играть тише, а на сцену выходят уборщики. Народ постепенно расходится.

– Клевая была тусовка, и парень этот тоже ничего отжег, – скажет на выходе какой-нибудь рекламщик своему дружку.

– Да, неплохо, хотя я уже видел подобное в Лондоне. Но вот слоган хорош. Надо будет его быстренько зарегистрировать. Он придает образу старковского дивана налет мученичества. Это то, что надо.

Мне очень повезло. Наверное потому, что я истинный герой. Я нигде не исчез, я просто слился с медиа. Завтра утром меня покажут в новостях. И кусочек меня войдет в каждого посмотревшего. И в тебя, и в ту девчонку, нюхающую в туалете, и вон в того парня, висящего в Интернете, и в тех знакомых мне по прежней жизни барыг и сутенеров. И вообще во всех, кто посмотрел сегодня репортаж про парня, погибшего в клубе от удара током. Я стал частью индустрии. Я – МЕДИА!

Вы все будете завидовать мне, а некоторые даже повторят мой путь, чтобы так же стать достоянием информационного поля.

Настоящие герои превращаются в новости. Именно так, и никак иначе.

Первый покажет.

))))))))))))))))))

Shit FM

All we need is

Radio Ka Ka

Radio Ka Ka

Radio what's new?

Someone still hates you

Queen и DJ Амиго Radio Ga Ga-Shit-Dub-Stereo Mix

Времена Левенбука. У «Радио-няни» еще нет спонсора.

Вот и радио маяк – по башке тебе хуяк! (народное)

Одним из самых прикольных эпизодов моего детства была четырехногая радиола Rigonda, произведенная в одной из братских (тогда еще) прибалтийских республик. Так получилось, что именно она в то время была для меня окном в мир, а не телевизор, как многим бы показалось, – то ли из-за того, что на ее фронтальной панели вечерами светились оранжевыми квадратиками названия европейских городов: Варшава, Берлин, Беромюнстер, Вена, то ли из-за отсутствия той вечно бравурной музыки, кою извергали в мои юные уши телевизор и радио «Маяк». Когда я крутил ручку настройки, пробегая по волнам, мимо шума идеологических глушилок, обрывков новостей на чужих языках и музыкальных ритмов, мне казалось, что стоит снять эту самую фронтальную панель, как внутри – вот она, подсвеченная неонами и искрящаяся джазом ЕВРОПА.

Кроме всех вышеперечисленных офигительных фишек, частенько Rigonda говорила хорошо поставленным мужским голосом: «This is the Voice of America, from Washington D.C.», – который затем рассказывал про то, как румынские рабочие кидали камнями в вертолет с Чаушеску, про то, как тяжело живется советским диссидентам, и прочую антисоветчину. После антисоветчины Rigonda начинала трансляции джазовых концертов и попсовых шлягеров зарубежной эстрады.

Именно с Rigondo'й стало ассоциироваться для меня слово радио. Этакое квадратно-ногастое, с полированной крышкой, манящими огоньками на панели и хорошей музыкой. Что-то среднее между собакой – другом человека и холодильником. А еще я в то время жутко страдал, что у нас, в самой большой стране мира, никогда не будет ни такой музыки, ни такого радио, а главное, не будет этих магических буковок – FM.

Как же я тогда ошибался...

Дахау fm. Твое радио

Наша цель – не правда, а эффект.
Йозеф Геббельс

Согласно той деструктивной силе, которую обрушивают современные российские радиостанции на ослиные уши своей аудитории, той лажовой музычке, вызывающей у нормального человека приступы звериной ненависти, той минимально полезной информации, подобно ведру помоев выливающейся из эфира каждые полчаса, им следовало бы именоваться «Радио-минимум», или «Hate Radio». Ибо еще предстоит разобраться, что хуже – разрушенные дома в Волгодонске или миллионы рушащихся сознаний людей, ежедневно настраивающих свои приемники на какое-нибудь «Гексоген FM».

Становится страшно, когда ты понимаешь, что Германия не выиграла Вторую мировую войну только из-за того, что FM-диапазон не был развит, но для современных клонов Геббельса, сидящих в квадратных коробках всяких радио-институтов совершенно нет никаких преград. Все они имеют приличное образование, неплохо одеваются и даже что-то читают. Многие из них носят дорогие часы, а некоторые настолько циничны, что, имея за плечами американский колледж и курсы по повышению эффективности облапошивания австралийских миллионеров путем отъема бюджета под сомнительные радиопроекты, позволяют себе возглавлять радиостанции, пропагандирующие русский рок, свободу, революционные ценности, некоторую анархию, и даже появляться в телевизоре в кокетливых беретках, видимо, посылая аудитории ясный message о собственной чегеваристости. (Стоит ли говорить, что микс очечков в стиле «Изя Берштейн в школе и дома», шапочки типа Kangool, вкрадчивого голоса и историй с уходом с предыдущих радиостанций ввиду мутных финансовых показателей, слабо сочетаются с образом Команданте.)

Мурашки бегут по спине, когда видишь всех этих девушек – программных директоров, боссов по пиару и маркетингу, которые говорят/пишут всякие гадости из разряда «Мы любим вас, дорогая аудитория! Мы знаем, что вы ждали этого всю жизнь, на сцене группа “Ноги-в-руки!”», а сами, протягивая тебе при встрече наманикюренные ручки, украшенные часами Cartier, и презрительно кривя губы, извиняющимся тоном предлагают проехаться по самым жутким клубам столицы, взглянуть на целевую аудиторию, «ну из окна автомобиля, разумеется».

Поневоле проникаешься благоговейным трепетом, понимая, что когда, лет через 30, всех работников медиа-рынка будут судить за преступления против человечества, выраженные в пропаганде тупости и идиотизма, они, эти славные девушки, улизнут из нового Нюрнберга, бросив в свое оправдание, что-то типа «Я только исполняла спонсорский медиа-контракт». Пресловутых спонсоров, заключавших такие человеконенавистнические контракты, найти также не удастся, и всю ответственность за три поколения дебилов, вскормленных помоями средств радиовещания и массовой информации, возложат на трех диджеев (двое к тому времени уже умрут от кокаина) и пятнадцать звукорежиссеров (десятерых отпустят по состоянию здоровья). Таким образом, последствия их ужасной деятельности, направленной на одупление человечества, весь урон, нанесенный ими мировой культуре (в миллионы раз больший, чем бомбежки Лейпцига или бомбардировки Хиросимы), вновь окажутся безнаказанными.

The kids are allright

В эфире детская радиопередача «В гостях у Буратино»

Спонсор выпуска – Деревообрабатывающая фабрика
«Карабасовка»

Ежегодные съезды – выставки достижений совкового попса, эти паноптикумы, где моральным уродам раздают микрофоны вместо того чтобы запереть их в современных кунст-камерах. Когда я случайно натыкаюсь на музыкальном канале на очередную «Всероссийскую музыкальную премию – Золотой Мелофон», у меня создается четкая ассоциация, что я просматриваю кадры о съезде секты «Аум Сенрике». Те же зомбированные лица в зале, те же покачивающиеся в транс ведущие, в перерывах между музномерами скандирующие вместе со зрителями тупые кричалки, посвященные любимой радиостанции, в

стиле «Атакуй – не атакуй, все равно получишь хит!». В эти моменты у меня остается только один вопрос: откуда, из каких таких городов и весей нашей необъятной страны приехали в этот зал все эти калиброванные, с одинаковым пивом в руке (спасибо нашим спонсорам, пиву «Секо Асахара»), одинаковыми быдловатыми лицами с идиотскими улыбками, и одинаковых джинсовых куртках (не забыть еще раз сказать спасибо спонсору за предоставленную одежду)?!

Я понял, что эта одноликая масса любителей российской эстрады, эта аудитория, способная каждое утро гоготать, слушая «шоу бачинсковаистиллавина», с шутками, которые у нормального человека не вызывают улыбок, начиная с третьего класса, аудитория, звонящая в эфиры со словами «Я хочу поздравить Тимофея Ильича с 74-м днем рождения и передать для него песню группы „ВИА Гра“ – „Попытка номер 1478“, аудитория, покупающая все эти диски коллективов с названием „Конченные Идиоты“ и сборники „Бомба говна-3“ – не появляется из ниоткуда. Она клонируется и программируется на восприятие и одобрение всего этого кошмара с рождения. Уверенность в этом укрепилась у меня в тот день, когда я узнал, что некая радиостанция раздает своим слушателям презервативы в целях промоушена чистой любви (либо ввиду дефицита в регионах воздушных шариков – уточнить не удалось). Мне стало отчетливо ясно, что все презервативы заранее испорчены хитроумными радийщиками, дабы вызвать небывалый всплеск рождаемости, а особая смазка наверняка содержит хитрый генокод, заставляющий новорожденных уже в колыбели насвистывать хиты певицы Светы, и, скалясь еще беззубым ртом, хриплым голосом пугать матерей, меняющих им памперсы, повторяя в сотый раз за ночь: ВСЕ БУДЕТ ХА-РА-ШО!

Очевидно, что на всем протяжении своей жизни эти дети промоушена будут зомбириться любимой радиоволной в своих машинах, домах и дачах, получая из радиоприемника сигналы к покупке новых машин, домов и дач (от спонсоров радиостанций) и, что естественно, презервативов, для производства новых промокids.

В мире – кризис перепроизводства, поэтому все заточено под спонсоров, которые бьются в кровь за новые рынки сбыта и мозги молодых (даже еще не рожденных) потребителей.

Вы думаете, что слушаете новый хит Гоги Пахлавы «Лондон – Париж»? Ха, ха, ха!!! Как бы не так! На самом деле вы слушаете рекламный ролик туристической фирмы, продающей рождественские туры в Европу. Каждую секунду из радио-эфира с вами говорят производители товаров и услуг. Именно они маскируются под милые новости «о шотландце, съевшем свои часы (Swatch, новая коллекция Agent 007) вместо печенья», под радио-обзоры спортивных трансляций: «нападающий сборной Чехии так сильно исполнил

штрафной, что его бутса (Nike, серия Predator) слетела с ноги», под светские хроники, где «жених, опаздывающий на свадьбу, чуть не попал под новый „Volkswagen Golf“ (всего за 35 тысяч евро в салоне Фейк-моторс)». Любое радио – это непрерывный рекламный ролик, жрущий ваше подсознание.

Иначе как вы объясните тот факт, что у топ-менеджеров российских радиостанций в машинах отсутствуют магнитолы?

После всего вышесказанного становятся совершенно понятны те лоховато-примитивные рекламные кампании по раскрутке нового альбома какой-нибудь Лизы Дрель, которые делают западные звукозаписывающие монстры на территории России. Да что там Дрель, возьмите промо любого диска Энрике Иглесиаса или Бритни Спирс, нацеленного на российский рынок. С глуповатыми колхозными слоганами а-ля «она написала этот альбом для тебя!» с жуткой полиграфией «лох-дэнс-парад»-стайл. Все становится на свои места, когда ты поставишь себя на место любого западного продюсера, который попытается сделать срез вкусов российской аудитории путем двухчасового (хватит с головой) прослушивания радиостанции «Узкое Радио» с самым большим охватом. Получив в голову убийственный заряд из таких монументальных творений отечественного попса, как «Черный бумер», на котором катается «Вова-чума» и снимает «Супердеток», западный продюсер понимает, какое огромное количество рекламных бюджетов (должное быть потраченным на мега-лазерные шоу, яркие слоганы и чумовые клипы) удастся здесь сэкономить. В этот момент на него находит озарение. Он открывает ноутбук и начинает писать проект вывода на российский рынок нового исполнителя. Конечно, это будет нечто среднее между статичным образом идола домохозяйек Валерии и слишком подвижным стилем кумира рабочей молодежи – Глюкозы. В медиа-ресурсах появится душеспипательная история талантливой девчонки, приехавшей из российской глубинки, которая попала в Москве в нехорошую компанию продюсеров-каннибалов, которые наживались по злачным ночным клубам на ее юном таланте в течение 38 лет, избивали ее зубными щетками и кидались в нее зубочистками, не давали, есть (она опухла от голода и стала весить 82 килограмма!). Но теперь она восстала из пепла и написала эти песни для вас. «Амелия... Она приехала из Карелии», назовет он свой проект, а в графе «основной слоган для промо-кампании» напишет святые слова Бони Титомира: «ПИПЛ ХАВАЕТ!»

Я создам свое радио. Я уговорю пару-тройку влиятельных знакомых ссудить мне денег на покупку новой частоты в FM-диапазоне. Я сделаю совершенно новую радиостанцию.

О... что это будет за проект! Мечта для рекламодателей! Земляничная поляна для спонсоров. Да, да это будет проект целиком и полностью посвященный вам, ДОРОГИЕ МОИ ДЕНЕЖНЫЕ МЕШКИ, крупные и мелкие корпорации, транснациональные монстры и отечественные монстрики. Места хватит всем. Я наконец сделаю этот шаг. Шаг, которого вы так ждете и который не смеют сделать все эти лузеры, мои будущие конкуренты. Они слишком плохо думают о своей аудитории. Называют ее неподготовленной и маловосприимчивой. Аудитория уже давно переросла вас, мои дорогие медийные гномы. Чудище Франкенштейна уже пожирает своего создателя. А вам как всегда не хватило масштаба. Но я не таков. Я смотрю на шаг вперед. Да что там! Я смотрю на тысячи шагов вперед и пританцовываю на ваших виртуальных трупах, лежащих на поле конкурентной битвы. Скажите мне: «Джага, джага»! Формат! Я придумал новый формат!

Никаких диджеев, только виртуальные роботы-комментаторы. Рекламные блоки нон-стопом – 24 часа. Хит-парады двух столиц, посвященные лучшим рекламным радио-роликам! Новости культуры, спорта и политики из офисов индустриальных гигантов. Рубрику «Спорт» уже готов спонсировать крупный табачный холдинг, а экологические программы одна крупная коксохимическая компания. (У меня вакантно место детских программ, пока не определился крупный торговец порнографией в Интернете.) Чуете размах? Ха, ха – я как всегда вас уделал! То, что вы всучиваете по своим тщедушным прайс-листам с ценой за секунды эфира, уже не канает. Я продам все оптом! За сотни миллионов долларов в месяц. Все рекламодатели уйдут ко мне, а вас я не возьму работать даже вахтерами, вы слишком примитивны! Я сверстаю весь эфир из рекламы, даже сигналы точного времени будут проданы швейцарским часовым королям! Кто платит, тот и музыку заказывает.

Что делать с музыкой я тоже придумал. Я больше не буду стыдливо, как вы, брать под столом взятки за постановку песни в ротацию. Я буду честен и использую для этого ваш бывший прайс-лист. Хотите поставить вашего «шоколадного зайца» утром? Никаких проблем! Что? Нет, здесь, в хит-параде будет очень дорого. Во-первых, это прайм-тайм, а во-вторых, это перед тройкой финалистов. Каждый дурак мечтает оказаться в паузе между объявлением тройки лидеров, состоящей из роликов «Кока-кола», «Данон» и «Кент». Дороговато? Ну подумайте, подумайте. Можете идти к конкурентам, их все равно никто не слушает, там одна музыка и никакой рекламы.

Я знаю, что аудитория уже готова к такому проекту. Она его просто жаждет. Никто не устанет от рекламы, все начнут насвистывать рекламные ролики вместо того, сегодняшнего, что вы пытаетесь назвать хитом и шлягером. Аудитория стерпит еще и не такое, раз она позволяет вам сейчас издеваться над собой. Звонит вам в эфиры и поет придурковатыми голосами «то, что хочет сейчас услышать». Аудитория проглотит все и назовет меня своим героем. Отцом нового формата. Гением радио. Поверьте, никто не выйдет на улицы, когда я разрастусь и заполню весь эфир своими клонами. Сто радиостанций в эфире, ежеминутно транслирующих рекламу и ужасную, отвратительную музыку (играющую в эфире за деньги) с тупыми и бессодержательными текстами! Никто не возопит: ВЕРНИТЕ НАМ МУЗЫКУ!!! Аудитория снова все проглотит. Правда, дорогие мои радиослушатели? Ведь вы хотите именно такого радио? Радио будущего, созданного как раз под ваше дурновкусие и безволие? А назову я его просто гениально. Радио будущего будет называться «SHIT FM». Вот так вот, незатейливо, и вместе с тем точно отражая суть. У меня уже и слоган готов:

«SHIT FM – Ведь вы этого достойны?»

Поколение «W»
Из серии «ДУХLESS»

We run
We hide
We wait and we want
The good life
Aw sure
You're right
This ain't, the good life

Ah, Elegantly wasted
Ah, Elegantly wasted
INXS. Elegantly wasted

Бедные мальчики и девочки, рожденные в 1970–1976 годах. Сколько надежд на вас возлагали! Родители, умиляясь, глядели в коляски, где мы лежали, спеленутые, как личинки бабочек, перевязанные одинаковыми голубыми или розовыми бантами

(утверждены Положением Министерства легкой промышленности). Вот они-то, наши милые дети, спят и даже не представляют, как им повезло. Все то, чего недобрали мы, они получают с лихвой. Сытые и пьяные 70-е, где все было так рутинно и предопределенно. И тогда было совершенно ясно, что не мытьем, так катаньем мы, скрипя, влезем в будущее победившего социализма. Ибо даже такие напасти, как пожирающий все монстр военного бюджета, глупая и аморфная экономическая политика, всеобщее распиздяйство, – НИЧТО по сравнению с гигантскими ресурсами в виде нефти, угля и газа, которые, как спасательные круги, позволят нам не только продержаться на плаву еще добрую сотню лет, но и выплыть на широкие просторы океана под названием «всеобщее благоденствие». И вот эти безмятежно сопящие дети будут первым счастливым поколением. Поколением, которое пожнет все самые лучшие плоды, взошедшие на компосте лишений, войн, голода и прочих ужасов заканчивающегося двадцатого века. Конечно, после них будут еще их дети, и дети детей, и внуки и правнуки, чья жизнь будет еще прекраснее. Сытой, благополучной и слегка западной. Как в Югославии. Нет, даже лучше.

Но эти, рожденные в 70-е, настоящие пионеры. Люди, которые первыми познают счастье жить в России. Родители качали нас в колясках, радовались нашему будущему счастью и по-хорошему завидовали нам. Первому поколению, чье будущее было так по-настоящему здорово предопределено.

Прошла еще пара десятков лет, за которые мы успели вырасти, получить добротное советское образование (понемногу обо всем и ни о чем, вместо того чтобы стать профессионалами в отдельно взятой области), прочитать массу полезных и бесполезных книг, научиться пить водку, запивать ее портвейном, научиться курить марихуану, страдать свинцовым похмельем, дискутировать (с похмелья в том числе) о духовных истоках и путях России. Много еще чего (как выяснилось позже, абсолютно ненужного) мы успели узнать и выучить.

И вот в наши обитые дерматином двери в «хрущовках», «кооперативках» и «домах улучшенной планировки» постучались лихие девяностые. Начались все эти движухи в виде «депутатских групп», «прав наций на самоопределение», «парада суверенитетов» и прочего. В воздухе реально, как никогда ранее, запахло СВОБОДОЙ. Наши уже несколько постаревшие родители еще раз очень сильно нам позавидовали. Теперь мы не только будем жить в счастливом, но и в по-настоящему свободном обществе. Где такие весомые прежде социальные бонусы в виде холодильника «Rosenlew», финского сервелата и югославской мебели поникнут перед правом говорить не шепча, слушать и читать не то, что рекомендовано, а то, что нравится,

спать с кем заблагорассудится и наконец сбросить этот жуткий пресс под названием «общественная позиция».

Надежды родителей становились реальностью. Вот оно, свершилось, доселе невозможное в России словосочетание – СВОБОДА и БЛАГОДЕНСТВИЕ.

И вот мы вступаем в новую для России ЭРУ. Мы идем, такие молодые, красивые, полные устремлений и перспектив. Новые хозяева этой страны. Старые идолы прошлых поколений валяются на земле и крошатся под нашими ногами, а новых мы еще не успели придумать. Мы оплеываем прежние идеалы, высмеиваем моральные устои и жизненные позиции наших родителей, рубим топорами иконы, перформанс заменяет нам религию, а порок заменяет мораль. Мы разрушаем все прежние храмы, расчищая место для новых святилищ, где мы будем поклоняться СВОИМ богам. Наши родители, с трудом сдерживая слезы, смотрят, как мы разносим по кирпичикам все то, что было им дорого. С ужасом и благоговением они замирают у окон комнат, в которых мы появились на свет, глядя на то, что мы вытворяем на улице. «Как же жаль, – думают они, – как жаль, что из всех возможных путей они выбрали путь разрушения. Дай Бог, чтобы они построили что-то свое. Новое по форме и безупречно правильное по содержанию. Мы не будем к ним слишком строги. Ведь это наши дети. Первое поколение с золотым будущим».

Тем временем мы бьемся в кровь друг с другом, отстаивая собственные взгляды на переустройство страны. Многие из нас падают, захлебываясь в крови и собственной желчи, и тогда наши несчастные родители подбегают к нам, чтобы помочь подняться. А мы отпихиваем их и плюем им в лицо со словами: «Будьте вы прокляты! Самое глупое, что вы могли сделать, – это родить нас! Теперь уж не взыщите!» Поколение франкенштейнов, пожирающее своих создателей.

Мы были образованны, мы были высокодуховны, мы проводили все эти годы в спорах о судьбах нации, уроках истории и будущем страны. Мы спорили на кухнях, в ресторанах, офисах, кафе, гостиницах, клубах. В постелях, спортзалах, салонах самолетов и вагонах поездов TGV. Мы спорили по отдельности, в Москве, Питере, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, а с повсеместным распространением Интернета стали спорить все одновременно, будто не разделенные расстоянием. Каким-то фоном шло построение карьеры, семейной жизни и прочих материальных ценностей. Но, бог мой, каким второстепенным казалось все это по сравнению с ощущением всеобщей свободы и анархии, внезапно обрушившихся на нас пятнадцать лет назад.

Да, чувачок, да! Пока ты наслаждался потоками хлынувшей к нам Европы, пока отжигал по клубам и кабакам, пил водку и жрал МДМА, погрязал в случайных связях, заставлял своих подруг делать аборт и

ратовал за легалайз, прошло уже пятнадцать лет. И такой недавний еще 1990 год стал историей, которую не вышедшие за тебя замуж вчерашние подруги и нынешние бабушки рассказывают своим внукам.

Прошло пятнадцать лет, и настало время, когда природа человеческой особи заставляет ее встать и спокойно оглядеться по сторонам. Оценить все то, что сделано для себя, и все то, что останется твоим потомкам. Интересно, что нам практически нечего оценивать. Пока мы двигались от пепелища к пепелищу, страна успела измениться. Да-да, за время наших метаний у страны появились новые хозяева, которые написали новые законы. Как-то странно и немного обидно, что в нарисованной ими схеме государственного устройства и распределения благ для нас не оказалось места. Прикинь, что пока ты растрачивал себя между алкогольными истериками и наркотическими отходняками, кто-то успел изменить все настройки на первоначальные. Да притом так хитро, что сам оказался главным настройщиком. Сказка успела закончиться, и твое время что-то изменить безвозвратно ушло.

Разлепив глаза после пятнадцатилетнего анархического запоя, ты включаешь телевизор, чтобы понять, что, собственно, изменилось в стране за то время, что мы так бесцельно растранижирили? Ты щелкаешь пультом и видишь на первом канале трехчасовую программу с Петросяном, перемежающуюся выпусками новостей об успехах отечественных хлеборобов, а по второму – концерт, посвященный празднику какой-то федеральной службы. По третьему идет военно-патриотическая передача, по шестому – спорт, а по пятому вообще «Лебединое озеро». Все как в славном, добром 1985 году. И так продолжается уже десятые выходные, дружище. Да и мы похожи на лебедей, которым так и не суждено взлететь. Поколение «Wasted»...

И не исключено, что вся эта продвигаемая Симачевым символика Олимпиады-80, гербов СССР и олимпийских мишек, все эти навязшие в зубах «Дискотеки 80-х», радио «Ретро», кабак «Жигули» и прочая псевдокитчуха есть детально продуманная политологами пиар-кампания проекта «Back in USSR». Ну что, тебе по-прежнему прикольно подпрыгивать от радости под зажигательные мелодии и ритмы зарубежной эстрады в исполнении Сандры и Си Си Кетч? Хочешь снова почувствовать свою комсомольскую молодость? Тогда не удивляйся, если завтра тебя попросят заплатить партвзносы (причем за прошедшие 15 лет в том числе). Как это здорово – снова вернуться в страну, где прошло твое детство, не правда ли? Старичок, нас банально развели на ностальгию, как лохов. Счастье быть молодым... Lucky Лохи... Если наше поколение и будет удостоено какой-то надписи на братской могиле, то скорее всего там будет написано следующее:

Поколению 1970–1976 годов рождения,

такому многообещающему и такому перспективному,

чей старт был столь ярок и чья жизнь была столь бездарно
растрочена.

Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем,

где все должно было быть иначе...

R.I.P.

Примечания

1

Астарта – демоница похоти и наслаждения. Жена Астарота.
Королева духов мертвых.

2

Jamais (
фр
.) – Никогда.

3

tycoons (

ан

.) – определение гиперсостоятельных и влиятельных членов социума. Аналогично применяемому в русском языке определению «олигарх» или новомодному словечку «аллигатор».